

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СИБИРИ в XX веке

Сборник научных статей

Выпуск 5

Новосибирск
2014

УДК 94(571) "XX"
ББК 73(253) 6–3
В 57

*Сборник статей утвержден к печати
Ученым советом Института истории СО РАН*

Издание подготовлено и осуществлено в рамках бюджетного проекта Х.104.2.3. «Политическая повседневность Сибири в XX веке» и при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский проект № 14–01–00313).

Научный редактор
д-р ист. наук *В.И. Шишкин*
Ответственный секретарь
канд. ист. наук *А.И. Савин*

Рецензенты:
д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
д-р ист. наук *В.А. Исупов*
канд. ист. наук *И.В. Питенев*

В 57 **Власть и общество в Сибири в XX веке.** Сборник научных статей. Выпуск 5 / Научный редактор В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2014. 235 с.
ISBN 978–5–98901–148–3

Статьи сборника написаны в широком тематическом и хронологическом диапазоне. В основном они могут быть охарактеризованы как новаторские по проблематике или по подходу к анализу заявленных проблем. К числу первых принадлежат статьи о 1-м Сибирском кадетском корпусе, о влиянии ракетно-космического комплекса на экологическую обстановку в Западной Сибири, о внутриаппаратных взаимоотношениях в сибирских региональных комитетах КПСС периода перестройки, об электоральной активности населения Западной Сибири в 1990-е годы, о политическом влиянии на распространение информации в онлайн-социальных сетях. Во второй группе статей, посвященных сибирскому обществу и кооперации, периодической печати и офицерскому корпусу вооруженных сил контрреволюции периода гражданской войны, уже нашедших освещение в отечественной историографии, названные проблемы рассмотрены сквозь призму политической адаптации. В результате публикации статей сборника решается двуединая задача: расширяется источниковая база исторических исследований и выявляются ее дополнительные информационные возможности; в то же время высказываются новые точки зрения и формулируются пионерные выводы.

Статьи сборника ориентированы на научных сотрудников, преподавателей вузов и колледжей, аспирантов и студентов-историков.

ISBN 978–5–98901–148–3

© Институт истории СО РАН, 2014

Ю.М. Гончаров

Алтайский государственный университет,
Лаборатория истории освоения Сибири
Тобольской комплексной
научной станции УрО РАН

ОТНОШЕНИЕ МЕСТНОГО ОБЩЕСТВА И МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ К ЕВРЕЙСКИМ ОБЩИНАМ СИБИРИ XIX — НАЧАЛА XX В.

В статье рассматриваются отношение к еврейским общинам Сибири со стороны местной администрации и местного общества XIX — начала XX в. в контексте социально-экономической и социокультурной специфики развития региона.

Ключевые слова: Сибирь, история еврейских общин, общество, власть, администрация

Сибирь долгое время являлась уникальной территорией России, огромной по своим масштабам, с одной стороны — районом интенсивной колонизации, с другой — местом ссылки и каторги. Сибирь на протяжении всей своей истории представляла собой область интенсивных этнокультурных контактов, многонациональный край, население которого отражало многообразие этнического состава, культур и религий России.

Сложные национальные и этнокультурные проблемы наших дней заставляют все более внимательно относиться к историческому опыту межнациональных отношений. Особый интерес с этой точки зрения представляет история сибирских евреев — народа, обладавшего богатейшим опытом жизни в диаспоре, оказавшемся в районе фронта многонациональной империи [1].

Правовой статус евреев в Сибири имел свои особенности [2, с. 86–128]. Эти особенности определялись политикой властей, отличавшейся от той, которая проводилась в отношении евреев других местностей России, хотя и находившейся в общем русле официальных позиций по «еврейскому вопросу». Первые попытки регламентации жизни евреев в Сибири относятся к началу XIX в., когда собственно и происходит формирование сибирских общин. В это время перечень

ограничений для них был еще не велик.

Кроме законов, издававшихся правительством, различные ограничительные меры вводила и местная администрация. Так, в 1831 г. Томский губернский совет постановил не допускать евреев и цыган в города губернии (за исключением ремесленников), а в 1832 г. подобное же решение было принято Тобольским губернским управлением [3, с. 9]. В январе 1833 г. Совет Главного управления Западной Сибири постановил не водворять евреев в города. Однако уже на следующий год ссыльным евреям и членам их семей было разрешено причисляться в сельские и городские обыватели [4]. Унижала евреев и мера, принятая в 1848 г. в Тобольской губернии, в соответствии с которой иудеев, желавших носить ермолки, обложили постоянной податью в 5 руб. серебром [5, с. 173].

Тем не менее, по мнению одного из исследователей, охарактеризовать политику государства в отношении сибирских евреев как однозначно дискриминационную нельзя. «Скорее, — считает В.П. Ключева, — складывается мнение, что государство не имело четкой линии в отношении евреев» [3, с. 10–11].

Об этом свидетельствуют противоречивые законы, принятые по отношению к сибирским евреям: в 1827 г. был издан закон, запрещавший евреям-мужчинам следовать к месту ссылки вместе с сосланными женами; с 1834 г. евреи, сосланные в Сибирь на поселение, получили право причисляться в купечество; закон 1836 г. разрешил переселение в Сибирь, а 1837 г. — запретил; в 1847 г. было позволено выдавать торговые свидетельства всем евреям; в 1859 г. — разрешено сибирским евреям переселяться в губернии «черты оседлости», но запрещено евреям из несибирских губерний приезжать в Сибирь. В 1860 г. было принято решение прекратить еврейскую ссылку в Сибирь «вследствие непомерного увеличения в ней числа их», ссыльные же должны были поселиться не отдельными селениями, а в старожильческих деревнях. Однако отмена еврейской ссылки осталась только на бумаге. В конце XIX в. современник писал: «Хотя в 1860 г. повелено прекратить ссылку евреев в Сибирь [...] тем не менее ссылка их продолжается» [6, с. 35].

В целом положение евреев регулировалось многочисленными, порой неясными, часто противоречивыми друг другу законами и подзаконными актами. Даже высшие сановники не всегда знали, как трактовать тот или иной законодательный акт.

Эти ограничительные меры во многом можно объяснить также тем, что Сибирь еще с момента вхождения в состав России рассматривалась как объект эксплуатации прежде всего со стороны государства.

В силу этого на протяжении долгого времени существовали различные ограничения для использования сибирских богатств со стороны частных лиц, к числу которых относились нераспространение в Сибири крепостного права, частного землевладения и свободного предпринимательства.

Но на рубеже XIX–XX в. можно отметить ужесточение репрессивных мер по отношению к евреям. В 1890 г. был принят указ Сената, из которого следовало, что евреям запрещено не только селиться, но и временно находится в пределах 100-верстной приграничной полосы. В 1896 г. закон запретил евреям-солдатам жить вне черты оседлости даже в короткий промежуток отпуска в годы действительной службы в армии. Получалось так, что еврейский солдат из сибирской части должен был на время своего месячного отпуска удалиться в черту оседлости! В следующем, 1897 г. Сенат запретил сибирским евреям «свободное переселение из одного места Сибири в другое» [7, с. 36].

Сибирская администрация в эти годы стала буквально следовать ограничительным законам. Примеров можно привести множество. В частности, было отказано временно прибывть в Сибирь инженеру для строительства Транссибирской магистрали, доверенным столичных аристократов для участия в торгах, слепому старику 67 лет при сыне и т. д. Выселять стали даже людей, которые прибыли в Сибирь малолетними детьми со своими сосланными родителями и практически всю жизнь провели в Сибири [8, с. 25].

О роли местной администрации бывший чиновник Омского областного правления Т.И. Тихонов писал: «Кроме так называемого законодательства о евреях, существует нечто неизмеримо худшее, это т. н. „местная политика“ по отношению к евреям. Эта политика [...] постоянно меняется, находясь в зависимости не только от местных генерал-губернаторов, но и более скромных по положению, но всемогущих по существу уездных начальников, исправников, приставов и т. д.» [9, с. 290].

Тем не менее, численность еврейского населения в Сибири, начиная с рубежа XVIII–XIX вв., быстро увеличивалась. В начале XIX столетия появились уже довольно значительные компактно проживавшие группы евреев (в Тобольске, Каинске, Омске, Томске, Иркутске, Нижнеудинске), и именно с этого времени можно говорить о еврейской диаспоре в Сибири.

Уже в середине XIX в. сибирские евреи под влиянием местных условий образовали достаточно специфическую общность. Сибирская община заметно отличалась по своему образу жизни, экономическому и социальному положению, культурно-психологическому типу не

только от евреев черты оседлости, но и всех других областей Российской империи.

Во второй половине XIX в. сложился также особый тип ментальности сибирских евреев. Исследователи отмечали их зажиточность, меньшую набожность, близость по образу жизни, характеру и привычкам к местному русскому населению, развитое чувство достоинства, свойственное сибирякам в целом [7, с. 24].

Характеризуя процессы интеграции евреев в сибирское общество, иркутский историк В.Ю. Рабинович делает вывод о том, что «попадая в новое окружение, выходцы из черты [оседлости] приобретали некие новые внутренние качества, которые еще более усиливались в следующих поколениях. Таким образом, появились новые этнокультурные „генерации“ еврейской диаспоры в России. Сибирские евреи иначе одевались, говорили, думали, нежели их соплеменники в черте. Региональные колонии по-иному были связаны с этническим большинством и властными структурами. Члены их демонстрировали новые поведенческие стереотипы, тяготели к иным ценностным приоритетам, гораздо сильнее были подвержены процессам ассимиляции и аккультурации. Вместе с тем они оставались евреями, сохраняли основные этнические черты, традиции, чтители религиозные нормы, охраняя свою этнокультурную самобытность» [10, с. 24].

Место, которое евреи занимали в социальной структуре Сибири, во многом определялось ее спецификой как района интенсивной колонизации. Сибирь издавна была перекрестком народов и культур. Русские, заселившие в XVII–XIX вв. обширные пространства за Уралом, сами были здесь пришлыми. Сибиряки с самого первого времени поселения контактировали с иными народами, верованиями, культурными традициями. Это во многом определило толерантность местного населения к «иным»: «[...] Оставаясь православным, сибиряк индифферентен к вопросам веры вообще. Привыкнув издавна видеть в своей среде ссыльных сектантов разных толков, затем — евреев, магометан, лютеран, католиков, приглядываясь к жизни и верованиям своих близких соседей — буддистов и шаманистов, он выработал известную веротерпимость взглядов» [Цитирую по: 3, с. 22].

Еврейское население не имело, как правило, в глазах сибиряков образа «чужака», вызывающего враждебность, как это было в европейской части страны. В.Ю. Рабинович пишет: «Как и большинство сибиряков, они были либо преступниками, нарушившими закон, либо авантюристами и искателями приключений, либо хваткими, образованными и предприимчивыми коммерсантами. В психологическом портрете этих людей преобладали [...] деловая сметка, высокая соци-

альная активность и мобильность, терпимость к инакомыслию, отсутствие раболепия перед властью, чинами и чиновниками, склонность к либеральным политическим течениям, яркий индивидуализм, странно сочетающийся с корпоративностью и коллективизмом [...]. Важно, что в окружающем обществе преобладал тот же психологический тип. Евреи не выглядели ни бунтарями, ни «белыми воронами». Их качества, став обычными для края, не вызывали инстинктивного отторжения, характерного для западных губерний» [11, с. 117].

К тому же обширные богатства малозаселенной Сибири давали возможность прокормиться всем. Потомки предприимчивых русских первопроходцев умели ценить предприимчивость и практичность евреев. Современник отмечал: «Сравнивая прежние края своего жительства с тем простором, дешевизною, доходящей до баснословности, беспечностью апатичных сибиряков, евреи не могли не радоваться и скоро усердно принялись за труд и торговлю. Неутомимая деятельность и свойственная им бережливость скоро обратили внимание на них соотечественников их — христиан, и приобрели им, таким образом, полное доверие [...]. О враждебности христиан к еврейской торговле [...] не может быть и речи в здешнем крае. Здесь не обвиняли и не обвиняют в эксплуатации евреев [...]. Сближение евреев с христианским населением совершалось быстро и без всякого труда и принуждения» [12]. Данное высказывание доказывает успешная предпринимательская деятельность евреев в регионе [13].

Антисемитских настроений, бытового антисемитизма в Сибири практически не наблюдалось. Вплоть до начала XX в. отношения между еврейским и христианским населением были достаточно спокойными. Ю. Островский отмечал: «В торжественные праздники те и другие обмениваются визитами, часто „откушивают“ друг у друга, дружат между собою. Лишь за последние годы, с усилением реакции и, главным образом, под давлением сверху добрые отношения между русским и еврейским населением несколько нарушились» [14, с. 46].

В то же время со стороны чиновников, в большинстве своем выходцев из европейской части страны, отношение к евреям было часто негативным. Резкий рост еврейского населения вызывал неприязнь у сибирской администрации. Так, в октябре 1884 г. тобольский губернатор поддержал ходатайство Тобольской городской думы о приостановке причисления евреев к тобольскому мещанскому обществу, о высылке неправильно приписанных и временно проживающих в черту оседлости, об ограничении прав на питейную торговлю [3, с. 14].

Чиновники, прибывавшие из центра страны, несли с собой иную ментальность, характерными чертами которой были нетерпимость и

антисемитизм. Поэтому представителей властных структур всех уровней отличала, как правило, достаточно жесткая антиеврейская позиция. Вот что писал один из таких чиновников в своих мемуарах: «[...] Попадаются часто жидаы. Их в Тобольске много. Они промышляют здесь ростовщицеством, наживаясь за счет мелкого чиновничества, находящегося в поголовной зависимости от своих иерусалимских благодетелей» [15, с. 37].

В официальном издании — «Памятной книжке Тобольской губернии на 1884 г.» — о евреях говорилось следующее: «Не занимаясь ни хлебопашеством, ни скотоводством и избрав для себя одну только отрасль промышленности — тайную беспатентную торговлю вином, они служат тяжелым бременем для местного населения, эксплуатируя его на все возможные манеры. Ростовщицество и сбыт краденых вещей — самые излюбленные занятия евреев, и этим объясняется тот факт, что они через год, через два по прибытии путем ссылки в Сибирь из нищих делаются людьми весьма достаточными и, обзаведясь порядочными домами, щеголяют и дорогими костюмами и разного рода драгоценностями. Изошрив себя в искусстве прятать концы в воду, Израиль весьма редко попадаетея в преступлениях уголовного свойства, но и обличенный в них, он разными изворотами и пронырством избегает большею частью кары закона» [16, с. 51–52].

В отличие от толерантных коренных сибиряков, чиновники, направленные сюда на службу из Европейской России, нередко оценивали экономическую активность евреев негативно: «Несмотря на закон, евреев наплодилось в Сибири множество и в городах, и в селах. Прикрываясь званием ремесленника, они занимались излюбленным своим ремеслом: продажею водки, корчемством, процентами за ссуды и вообще жидовским гешефтом. Никакой казенный подряд не обходился без участия евреев, если не лично, то под именем кого-нибудь православного» [17, с. 936].

В то же время для средних и низших слоев населения, особенно для местных уроженцев, было свойственно очень терпимое отношение к евреям. В Сибири никогда не было еврейских погромов. Не знали сибирские евреи того грубого бытового антисемитизма, от которого страдали их европейские единоверцы. Русские купцы в Сибири очень часто были компаньонами и контрагентами евреев, подтверждая известную истину, что капитал интернационален. Ю. Островский высказал достаточно распространенную для начала XX в. точку зрения: «Еврейского вопроса — в обыденном смысле — нет в Сибири и быть не может» [14, с. 14].

Незначительный подъем антисемитских настроений произошел

только в годы революции 1905–1907 гг. В известном погроме в Томске в 1905 г. наряду с прочими лозунгами присутствовали и антисемитские, а черносотенцы призывали бить евреев и студентов. Были разграблены еврейские лавки и дома [18; 19].

Местная администрация предпринимала некоторые шаги для профилактики погромов. В.П. Ключева упоминает секретное предписание 1905 г. тобольского полицмейстера тобольскому приставу. В предписании говорилось о появлении писем и воззваний, подписанных «Белой сотней», содержащих провокационные высказывания и подстрекательство к насилию над евреями. Так как подобные письма и высказывания, «поддерживая в течение более или менее продолжительного времени повышенное настроение как в христианской, так и в еврейской части населения и разжигая их национальную ненависть, способны при самом незначительном поводе вызвать острое столкновение между христианами и евреями и повлечь за собою весьма печальные последствия», то приставы различных частей Тобольска при обнаружении таких листовок должны были «в целях общественного порядка и спокойствия принять все меры к прекращению в самом зародыше такой агитации» [3, с. 22–23].

В годы Первой мировой войны антисемитские настроения, наряду с антипольскими и антигерманскими, в Сибири усилились. Опасаясь массового шпионажа со стороны евреев и поляков, местные администрации составляли списки находившихся на военной службе нижних чинов польской и еврейской национальностей. После начала военных действий с территории западных губерний в Сибирь устремился большой поток беженцев. Например, только в феврале 1916 г. в Тюмень прибыло 150 евреев-беженцев. Однако, вопреки опасениям чиновников, местное население встретило вновь прибывших спокойно. В донесениях отмечалось, что появление беженцев «не отразилось на местной жизни и прибывших евреев незаметно. Они, наоборот, стремятся из Сибири в Россию и [в] сибирские города на линии железных дорог, где идут крупные и успешные торговые обороты» [3, с. 23].

В целом в конце XIX — начале XX в. евреи сумели успешно интегрироваться в сибирское общество и адаптироваться к новым условиям, став одним из компонентов сибирского социума. Сохранив свою национальную и религиозную идентичность [20], сибирские евреи стали ощущать себя и сибиряками, что сближало их с проживавшими здесь другими народами, чему во многом способствовали общий язык, территория, бытовая культура.

Специфика социальных и этноконфессиональных процессов в

Сибири во многом предопределила терпимое, толерантное отношение к евреям со стороны сибиряков как русской, так и иных национальностей. В то же время со стороны представителей местной администрации, многие из которых были выходцами из европейской части России, отношение к евреям нередко было негативным. Чиновники, прибывавшие из центра страны, несли с собой иную ментальность, характерными чертами которой были нетерпимость и антисемитизм. Поэтому представителей властных структур всех уровней отличала, как правило, достаточно жесткая антиеврейская позиция.

Литература

1. *Гончаров Ю.М.* Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX — начало XX в.). Барнаул, 2005. 108 с.
2. *Кальмина Л.В.* Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX — февраль 1917 г.). Улан-Удэ, 2003. 423 с.
3. *Клюева В.П.* Евреи в Западной Сибири: политика государства и проблемы адаптации в сибирском обществе (XVII — начало XX в.) // «Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается...». Из истории еврейской общины в Тюмени. Тюмень, 2004. С. 5–27.
4. ПСЗРИ-2. Т. IX. Отд. 1. № 6875.
5. *Карих Е.В.* Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения XIX — начала XX в. Томск, 2004. 232 с.
6. *Ефимов А.* Православное население Томской губернии по данным 1870–1880 гг. СПб., 1890.
7. *Романова В.В.* Государственная политика в отношении еврейского населения Дальнего Востока России в 60-е гг. XIX — 20-е гг. XX в.: Автореф. дис. ... д.и.н. М., 2001.
8. *Гончаров Ю.М.* Еврейские общины Западной Сибири (XIX — начало XX в.). Барнаул, 2013. 174 с.
9. *Тихонов Т.И.* Сибирские евреи, их права и нужды // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 278–309.
10. *Рабинович В.Ю.* Евреи и иркутское общество (конец XIX — начало XX в.) // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М., 1999. С. 22–31.
11. *Рабинович В.Ю.* Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск, 2002. 240 с.
12. *Гудович.* Быт евреев в Сибири // Вестник русских евреев. 1871. № 30.
13. *Гончаров Ю.М.* Еврейское купечество Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Диаспоры. 2000. № 3. С. 155–172.
14. *Островский Ю.* Сибирские евреи. СПб., 1911. 62 с.
15. *Павлов А.* 3000 верст по рекам Западной Сибири. Очерки и заметки. Тюмень, 1878. — 164 с.
16. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884. 408 с.
17. *А.П.* Записки сибиряка // Исторический вестник. 1898. № 9.
18. Дело о погроме в Томске в 1905 г.: Отчет о заседании окружного суда. Томск, 1909.

19. *Галашова Н.Б.* Из истории еврейского погрома в Томске в 1905 году (по воспоминаниям очевидцев) // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: Материалы II регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Иркутск, 2001. С. 45–50.

20. *Гончаров Ю.М.* Религиозная жизнь как форма национальной самоорганизации еврейских общин Западной Сибири в середине XIX — начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. №. 2. С. 179–185.

Н.Ю. Пивоваров
Российский государственный архив
новейшей истории

КООПЕРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ КРЕСТЬЯНСТВА СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX В.*

В статье на основе большого фактического материала проанализировано участие и роль кооперации в политической адаптации крестьянства Сибири. Выбор кооперации в качестве предмета исследования обусловлен тем, что в начале XX в. она стала самым массовым хозяйственно-экономическим институтом в сибирской деревне. Прежде всего, благодаря кооперации крестьянство получило уникальную возможность приспособиться к новым экономическим реалиям. Но с вступлением России в Первую мировую войну и особенно после Февральской революции кооперация стремительно расширила свои задачи и функции, взяв на себя обязательства сначала по культурному, а потом и по политическому просвещению населения. Во многом благодаря кооперации крестьянство получало информацию о текущих событиях в стране и в Сибири, превратилось в активного субъекта политической жизни. В годы революции и гражданской войны кооперация способствовала уменьшению глубины политического раскола в сибирской деревне. Однако поддержка большинства лидеров сибирской кооперации антибольшевистских правительств, с одной стороны, и откровенный антидемократический характер установленных этими правительствами контрреволюционных режимов — с другой, породили у рядовых членов кооперации недоверие к ней как к инструменту политической адаптации.

Ключевые слова: Сибирь, Первая мировая война, революция 1917 г., гражданская война, крестьянство, кооперация, политическая адаптация.

Конец XIX — начало XX в. стали временем активной адаптации разных социальных групп населения Российской империи к новациям, обусловленным модернизацией страны. Роль адаптивных инструментов выполняли различного рода институты. В условиях общественно-политических потрясений, вызванных Первой русской революцией, Первой мировой войной, революциями 1917 г. и гражданской

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00313.

войной, их ключевым императивом стала политическая адаптация. В этом смысле обращение к историческому опыту кооперации вполне закономерно, поскольку в начале XX в. она являлась институтом, с одной стороны, имевшим наиболее массовый характер, с другой — постепенно расширявшим свои задачи и функции за счет вторжения в политическую сферу.

Кооперативы довольно быстро охватили широкие слои населения, став спасительным выходом как для производителей продукции, так и для потребителей рыночных товаров. В Сибири кооперация являлась одним из важнейших элементов самоорганизации населения, в первую очередь, — крестьянства. Данное обстоятельство обуславливает актуальность выявления качественных характеристик сибирской кооперации: ее генезиса, этапов и результатов развития, — а также поиск ответа на вопрос о том, что же дала кооперация своим членам и обществу в целом для адаптации к новациям, рожденным в сложнейших условиях войн и революций начала XX века.

Рост сибирской кооперации пришелся на начало XX века. Он был обусловлен как общероссийскими, так и местными, макрорегиональными факторами. Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали оказало революционизирующие воздействия на сибирскую экономику. Это привело к повышению товарности сельского хозяйства, ускоренному его оснащению современной техникой. Во всех сибирских городах заработали отделения и филиалы Государственного банка и центральных коммерческих банков, что открыло крестьянству возможности кредитной системы. Возросшая деловая активность и психологическая подготовленность населения стали необходимыми условиями для развития кооперации. Изолированное крестьянское хозяйство чувствовало себя беспомощно на рынке. Кооперативы, основанные на принципах демократии и самостоятельности, стали важным подспорьем для сибирского крестьянства.

К 1914 г. в Сибири сложились три основные вида кооперации: маслодельная, кредитная и потребительская. До Мировой войны наиболее успешными в экономическом плане были маслодельные артели. Первая такая артель была открыта в 1896 г. в небольшой сибирской деревушке Морево Ялуторовского уезда Тобольской губернии, а к концу 1913 г. за Уралом функционировало уже около двух тысяч артелей. Совокупность различных факторов (биоклиматические условия, проведение железной дороги и тарифная политика правительства, благоприятствовавшая переходу крестьян на молочное скотоводство) способствовала прогрессу этой отрасли.

Первые кредитные кооперативы в Сибири были созданы еще в

1877 г. Однако оторванность края от центра, слабая сеть кредитно-финансовых учреждений стали серьезными препятствиями для роста кредитной кооперации. Интенсивный рост кредитной кооперации был связан с голодом 1911 г., когда государство выделило ссуды для предотвращения разорения крестьянских хозяйств. Во многих волостях были учреждены беспаявые кредитные товарищества, через которые и осуществлялось распределение средств государства. Уже к началу 1914 г. в Сибири функционировало 856 кредитных товариществ с 469 тыс. членов.

Потребительская кооперация в Сибири до Мировой войны имела самые низкие показатели как по динамике численности, так и по экономической рентабельности. Несмотря на то, что первые всесословные потребительские кооперативы открыли свою деятельность в Барнауле и Иркутске еще в 1869 г., долгое время общества были малочисленны и осуществляли деятельность только в городах и часто оказывались недолговечными. Наиболее распространенными были так называемые «зависимые» кооперативы. Это общества потребителей, обслуживавшие нужды горнозаводских и железнодорожных рабочих, но созданные по инициативе и при непосредственном участии владельцев предприятий или его администрации. Массовое открытие потребительских кооперативов пришлось на время после Первой русской революции. В 1905 г. в Сибири насчитывалось 15 потребительских обществ. К 1913 г. их число достигло 368, а к 1914 г. — уже 586. Абсолютное их большинство действовало в сельской местности. Таким образом, предвоенное десятилетие в Сибири было отмечено бурным ростом кооперативного движения. Общая численность первичных организаций всех видов кооперации достигла к началу 1914 г. почти 3,5 тыс., что составляло около 11,6 % от общероссийских показателей. По темпам кооперативного строительства Сибирь оказалась одним из передовых регионов Российской империи.

Первая мировая война, а затем революция и начавшаяся гражданская война стали катализаторами, еще в большей степени подстегнувшими рост кооперации. К 1918 г. в Сибири действовало около 12 тыс. различных видов кооперативов, из них почти восемь тысяч приходилось на потребительскую кооперацию. На протяжении 1914–1918 гг. существенно увеличилось количество кооперированного населения в Сибири. В 1917 г. прирост новых пайщиков по сравнению с 1916 г. составил 305 %, в 1918 г. — 168 %. Одна только потребительская кооперация к концу 1917 г. охватывала около половины населения Сибири. Одновременно шел активный процесс создания кооперативных союзов. К 1917 г. в Сибири сформировалось три кооператив-

ных центра: Сибирский союз маслодельных артелей, Союз сибирских кооперативных союзов (Закупсбыт) и Союз сибирских кредитных союзов (Синкредсоюз).

В результате к 1917 г. в Сибири сложилась уникальная ситуация, когда почти в каждой деревне одновременно функционировало от одного до трех разных кооперативов. Хотя первоначально крестьяне шли в кооперацию ради экономической выгоды и адаптации к изменившимся социально-экономическим условиям, довольно быстро кооперация трансформировалась в инструмент адаптации в более широком плане. Кооперативы стали своеобразной школой крестьянской самостоятельности и самодеятельности. Сама идея открыть на селе артель или «потребилловку» подталкивала к тому, что из среды крестьян выделялись инициаторы, отличавшиеся своими деловыми качествами и общественной активностью. Инициатором мог выступать как отдельный человек, наделенный лидерскими свойствами и сумевший сплотить вокруг себя соратников, так и группа единомышленников. Они добровольно распространяли среди соседей и знакомых брошюры и листовки и вели разъяснительные беседы о необходимости организации кооперации на селе. Иногда крестьяне ездили по соседним населенным пунктам, где также агитировали за создание кооператива. Всем им приходилось преодолевать бытовую косность. Часто инициативной группе с трудом удавалось доказать крестьянам важность нового дела. Как вспоминал крестьянин-организатор потребительского общества в с. Подсосновское Томского уезда, «мысль об открытии своей кооперативной лавки казалась не только не серьезной, но даже не выслушивали до конца; начнешь кому-нибудь говорить — добродушно засмеется как над ребенком, махнет рукой и пойдет»¹.

Постепенно, приобретая популярность, кооперативы становились неотделимой частью всего сельского социума. Например, сбор денег на приобретение товаров и их последующий отпуск производился всеми жителями села независимо от их членства в кооперативе. По подсчетам Енисейского кооперативного союза, на начало 1919 г. официально пайщиками потребительских обществ состояло лишь 10 % населения. Зато почти каждое потребительское общество Енисейской губернии обслуживало поголовно все население тех пунктов, где оно само находилось [4, с. 111]. В годы Первой мировой войны в обиход вошла практика, когда все жители деревни на сельском сходе вы-

¹ Сибирское сельское хозяйство (Томск). 1915. № 13. С. 422.

бирали членов правления, счетоводов, бухгалтеров и приказчиков².

Сумев аккумулировать значительные финансовые средства и располагая огромными организационными ресурсами, сибирская кооперация в годы Первой мировой войны стала исключительно важным инструментом политической адаптации. Так, через кооперацию осуществлялась политическая агитация и пропаганда. Происходило это под влиянием политических ссыльных, оказавшихся на поселении в Сибири после революции 1905 г. В.Н. Махов, бывший член партии эсеров, сам прошедший политическую ссылку, позднее писал, что, как правило, организаторами кооперативов были революционеры «с несколько потрёпанной революционностью, с тяжелым осадком на душе от проигранной революции [...] люди, заметно сведенные с небес на землю, очень склонные свои силы и способности до лучших дней отдавать на служение не так уж блестящим идеалам [...]. Психике этих людей соответствовала не так-то уж большое, не так-то уже и малое дело — кооперация» [1. С. 29].

Роль ссыльных была особенно значительна в Томской и Енисейской губерниях, где ими были организованы многие низовые кооперативы. Один из лидеров сибирской кооперации, эсер В.Г. Шишканов вспоминал, что еще до революции инструкторы кооперативных союзов вели «определенную революционную работу»³. Например, среди крестьян через кооперативы распространялись политические листовки и брошюры. Впрочем, сами крестьяне своеобразно воспринимали такую форму политической адаптации. Вот что говорил крестьянин с. Подсосновского Томского уезда: «Получая изредка листки и книжечки, читали их миром, толковали по-своему, но не могли понять — каким это образом из настоящего полурабского состояния перейдем сразу к братству»⁴.

Гораздо чаще роль кооперации в политической адаптации крестьянства проявлялась опосредованно, через организацию различных общеобразовательных курсов, распространение художественных и публицистических книг, проведение вечеров с участием приглашенных лекторов и демонстрацию научно-популярных фильмов. В годы Первой мировой войны через кооперативы широко распространялись журналы и газеты, из которых крестьяне узнавали последние новости о внутренней и внешней политике. Так, кооператор из с. Верхне-Ичинского Томского уезда сообщал: «Всех интересуют военные собы-

² Народные мысли (Мариинск). 1918. № 8–9. С. 2.

³ Сибирская кооперация (Новониколаевск). 1918. № 1–2. С. 7.

⁴ Сибирское сельское хозяйство (Томск). 1915. № 13. С. 422.

тия, все стремятся узнать сведения о войне, потому что война тесно связана с деревней. Читают газеты, телеграммы, интересуются историческими книгами и вообще развивается любовь к печатному слову. Собираются в кружки и часто, под руководством опытных, читают и разбираются в прочитанном»⁵. В то же время этот канал коммуникации, достаточно нетрадиционный ранее для крестьянства, приобрел особое значение в расширении информированности населения и формирования разнообразных социальных представлений.

Чтение газет и журналов повлекло за собой своеобразный генезис селькоровского движения [5, с. 60]. В годы Первой мировой войны в многочисленных сельскохозяйственных и кооперативных изданиях стали публиковаться различные очерки. Вначале это были абсолютно безыскусно написанные заметки, которые редко редактировались и не имели социального заказа, а были скорее «порывом души». В большинстве из них описывались проблемы местного кооператива. Темой, к которой чаще всего общались сельские кооператоры, были недостатки руководства, борьба с местными частными предпринимателями. Однако постепенно авторы этих заметок выходили на уровень более широких обобщений, давали обзор положения дел в конкретной деревне, селе или даже целой волости. Очень редко авторы ограничивались лишь констатацией фактов. Обычно они предлагали читателю свое видение причин неудовлетворительной жизни крестьянства вообще. Так, постепенно подобные заметки становились средством политической манипуляции, а учитывая, что отношение к печатному слову в деревне было особым, подобные сообщения воспринимались в качестве непреложной истины. В этих заметках рисовались образы врагов крестьянина: частных предпринимателей, наживающихся на «трудовом народе», местной сельской интеллигенции, ставившей себя выше остального населения, наконец, волостных и уездных властей, не заботящихся о благосостоянии деревни.

Благодаря сибирской кооперации крестьянство, особенно в годы Первой мировой войны, активно приобщалось к политической деятельности. Поэтому хотя в революционный 1917 г. в деревне появились принципиально новые политические институты (такие, как комитеты общественной безопасности, Советы крестьянских депутатов, земства, земельные органы), адаптационные возможности кооперации не сузились. Напротив, политические партии, в первую очередь социалисты-революционеры, использовали богатый организационный опыт и финансовые ресурсы кооперации для открытой пропа-

⁵ Сибирское сельское хозяйство (Томск). 1915. № 6. С. 197.

ганды своих идей. В то же время революция, а затем и гражданская война имели весьма неоднозначные, противоречивые последствия для сибирского кооперативного движения. С одной стороны, стремительная политизация кооперации привела к тому, что кооператоры и кооперированное население поддержали все завоевания, достигнутые революцией, ратовали за укрепление новых демократических порядков. С другой — в кооперации происходил своеобразный раскол, значительно усилившийся под влиянием сначала Октябрьского переворота, а затем «демократической контрреволюции» и утверждения антибольшевистских режимов.

Руководители сибирской кооперации достаточно активно занимались политической деятельностью, принимали непосредственное участие в работе органов местного самоуправления, выступали с поддержкой партии социалистов-революционеров, предоставляя последней значительные финансовые ресурсы на проведение избирательной кампании в Учредительное собрание и на другие мероприятия. Вожди кооперации выступили против большевистского переворота и участвовали в формировании антибольшевистского подполья. Так, на подготовку и проведение контрреволюционного переворота в конце мая — начале июня 1918 г. сибирской кооперацией было израсходовано около 20 млн. рублей⁶. Ряд наиболее квалифицированных сотрудников кооперации после переворота перешел на службу в созданные Временным Сибирским правительством органы власти и управления.

В то же время политизация кооперации было неоднозначно воспринята рядовыми кооператорами. Например, созданные при непосредственном участии кооперации в 1917 г. Советы крестьянских депутатов и продовольственные органы активно вмешивались во внутреннюю деятельность кооперативов. Увлечение политикой отражалось на снижении хозяйственной работы кооперативов. У населения увеличивалась неудовлетворенность от работы кооперативного аппарата в целом. К 1919 г. кооперация столкнулась с небывалым дефицитом средств, преодолеть который кооперативные союзы пытались, требуя с собственных членов авансов и предоплату за поставляемые товары⁷. К тому же руководство союзов, якобы выступавшее от имени крестьянства, стали самостоятельной политической силой, часто не выражавшей настроения простого населения. В условиях резко воз-

⁶ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 996. Л. 2–13.

⁷ Известия Горсоюза (Бийск). 1919. № 1. С. 10–11; Кооперативное слово (Новониколаевск). 1919. № 1–3. С. 14; Томский кооператор (Томск). 1919. № 29. С. 21.

росшего недовольства Российским правительством адмирала А.В. Колчака, крестьянство перестало воспринимать кооперацию как инструмент политической адаптации. У значительной части крестьянства произошла своеобразная политическая дезадаптация, замыкание только на хозяйственной деятельности. Кооперация стала рассматриваться ими исключительно как экономическая и отчасти культурно-просветительная организация. Другая, гораздо меньшая часть крестьянства, перешла к использованию таких более активных политических инструментов, как антиколчаковское подполье, восстания и партизанское движение.

Негативное отношение кооперированного населения привело к тому, что руководство кооперации адаптировалось к изменившимся политическим процессам и постепенно переходило в оппозицию колчаковскому режиму. Так, правление Енисейского кооперативного союза еще в феврале 1919 г. в своем официальном печатном органе заявило: «Восемь месяцев тому назад, когда верилось в установление в жизни народовластия, казалось, что наконец-то правовые условия создаются благоприятными. Но действительность рассеяла как дым наши мечты. От народовластия остались „рожки да ножки“, от правовых условий — „рассмотрение начальства“. И надо отдать справедливость, кооперация никогда не испытывала такой бешеной травли и такой дикой злобы к себе, как в настоящее время»⁸.

Оценивая политическое положение сибирской деревни, кооператоры считали, что она распалась на два лагеря: на «темную массу», участвовавшую в партизанском движении, и «наиболее развитую», выступающую против антиправительственных выступлений. Партизанское движение, охватившее значительные территории Сибири, оценивалось руководителями кооперации как «тысячи ненужных и напрасных жертв»⁹. Поэтому свержение А.В. Колчака было встречено руководством сибирской кооперации «без всякого сожаления», так как Российское правительство «попирало самые простые и элементарные права народа — свободу печати, собраний, союзов, неприкосновенности личности»¹⁰.

Разгром белой армии и установление советской власти породил как руководителей, так и у рядовых членов кооперации надежду на установление конструктивного диалога с большевиками. Однако в считанные месяцы после восстановления советской власти сибирская

⁸ Народное дело (Красноярск). 1919. № 6. С. 2–3.

⁹ Там же. № 20. С. 2.

¹⁰ Там же. 1920. № 1. С. 2.

кооперация потеряла свою самостоятельность и оказалась сведена к примитивным формам.

Кооперация в Сибири в начале XX в. выступила как механизм исключительно многообразной адаптации крестьянства. Первоначально крестьянство искало в ней способ приспособления к изменившимся социально-экономическим условиям, прежде всего к росту товарно-денежных отношений, а в годы Первой мировой войны — к удовлетворению товарного дефицита. Однако довольно скоро кооперация «переросла» свои экономические функции и стала адаптивным инструментом, благодаря которому крестьянство глубже знакомилось с различными идеями в области культуры и образования. Кооперация влияла как на отдельных крестьян, так и на сельский социум в целом, формируя у отдельных его представителей организаторские и лидерские качества. Она выступила в качестве инструмента политической адаптации крестьянства, приспособливая крестьянство и приспосабливаясь сама к новым политическим системам и режимам. Вместе с тем участие кооперации в политической борьбе, превращение ее в неотъемлемую часть контрреволюции на востоке России фактически привело к ее расколу на две неравные части. С одной стороны, идеологи и руководители сибирской кооперации, увлеченно занимавшиеся политикой, перестали представлять кооперативные массы, стали самостоятельной силой. С другой — рядовые кооператоры не участвовали активно в политике и намеренно суживали деятельность кооперации до рамок решения хозяйственных и культурных задач. Все это позволило большевикам в начале 1920 г. довольно легко превратить независимую сибирскую кооперацию в элемент советской государственной машины.

Литература

1. *Махов В.Н.* Потребительская кооперация в Сибири в процессе ее развития (1898–1920 гг.). Новониколаевск, 1923.
2. *Черневский В.А.* Материалы по изучению кооперации в районе Алтайского союза кооперативов. Барнаул, 1919.
3. *Рышков В.М.* На пути к «военному коммунизму»: кооперация востока России в 1914–1919 годах // Кооперация Сибири: факторы и условия устойчивого развития. Новосибирск, 2003. С. 91–118.
4. *Рышков В.М.* Жизнь сельского кооператива как зеркало идейно-политических процессов в сибирской деревне в предреволюционную и революционную эпоху // Труды института крестьяноведения Южного Урала им. В.П. Данилова. Оренбург, 2013. Вып. 4. С. 55–69.

В.М. Рынков

Институт истории СО РАН,
Новосибирский государственный университет

СИБИРСКОЕ ОБЩЕСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИНСТИТУТЫ, ИНСТРУМЕНТЫ, ФОРМЫ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ*

Предметом изучения является политическая адаптация сибирского населения к условиям Первой мировой войны. Спецификой институциональной среды автор считает увеличение количества специальных институтов, направленных на мобилизацию общества, а также появление общественных организаций, включенных в систему мобилизации экономики. Инструментами политической адаптации выступали нормативно-правовое регулирование, идеологическое воздействие через средства массовой информации и политическое насилие. Важную роль играл политический контроль, традиционные приемы которого оказались недостаточно эффективны. В статье рассмотрены такие формы адаптации, как патриотическое движение, благотворительность, устные и письменные обращения во власть, а также формы дезадаптивного поведения — уклонения от воинской службы, погромы, деятельность нелегальной оппозиции. Анализ спектра индивидуальных стратегий показывает, что наибольшее влияние на политическую жизнь оказывало не пассивно приспосабливавшееся к среде большинство, а отдельные социальные группы, такие как солдатские жены и политические ссыльные, чья стратегия адаптации включала разные формы давления на власть.

Ключевые слова: Первая мировая война, политическая адаптация, дезадаптация, патриотизм, мобилизация, уклонение от воинской службы, общественные организации, благотворительность, политический протест

Любая масштабная война — это всегда шок для общества. Она встряхивает все системы его жизнедеятельности. Государственная власть проводит мобилизацию людских и экономических ресурсов, милитаризацию государственных и общественных институтов, чтобы направить их потенциал на достижение победы. Государство, часто при активном участии поддерживающих его общественных сил, вы-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00313.

рабатывает и предлагает обществу новые цели, ценности и образцы поведения и одновременно во взаимодействии с обществом стремится их институционализировать. Население участвует в этом процессе в той мере, в какой разделяет цели войны и методы мобилизации. Но независимо от доминирующего в обществе отношения к войне неизбежно происходит военизация повседневной жизни большинства, если не всех его членов. Причем этот процесс принимает форму не прямого заимствования военных институтов и армейских образцов поведения, а их приспособления к организации тыла [1, с. 165; 2, с. 181]. Политическая система становится той средой, где протекают процессы адаптации, которые приводят к коадаптации в одних случаях, дезадаптации — в других.

19 июля 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну, продлившуюся три года и три месяца, потребовавшую беспрецедентной концентрации жизненных сил. Война на протяжении лета 1914 — февраля 1917 г. являлась главным фактором преобразований политических институтов России. Государство выступало важнейшей реорганизуемой силой. Общество в свою очередь тоже реагировало, приспособляясь к его мобилизационной политике, и в то же время к негативным издержкам войны, таким как понижение уровня жизни, наличие потоков беженцев, больных, раненых и многие другие. Самым опасным следствием таких издержек являлась дезадаптация, то есть утрата отдельными индивидуумами или целыми сегментами общества способности интегрироваться в политическую систему и отторжение ее новаций.

Дыхание войны больше всего ощутили на себе фронтовые и прифронтовые территории России. Но, будучи по-настоящему тотальной, она проникала во все поры общественного организма и в самые глубокие уголки Российской империи. Выявить степень и глубину происходивших в российском обществе адаптационных процессов можно, обратившись к их изучению в глубоком тылу. Сибирь представляет как раз такой «исследовательский полигон». Предметом исследования выступает политическая адаптация населения Сибири к условиям Первой мировой войны. Изучая эту проблему в региональном аспекте, необходимо выяснить, насколько глубоко затронули Сибирь институциональные изменения, существовала ли практика корректировки общероссийской мобилизационной политики специально для Сибири, как под влиянием действий государственной власти менялись стратегии политического поведения сибиряков и как они адаптировались к негативным последствиям войны. Территориальные рамки исследования соответствуют представлениям о границах

Сибири, принятых в начале XX века, то есть это территории восточнее Урала: Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии, Забайкальская, Амурская, Приморская, Якутская, Сахалинская и Камчатская области, а также Семипалатинская и Акмолинская области Степного края. Население Сибири составляло около 11 млн чел. Следует учитывать, что на пространстве между Уралом и Байкалом проживало 9/10 всех ее жителей. Поэтому основное внимание будет уделено именно этой территории.

Региональные аспекты исследования невозможно понять вне общероссийского контекста, в первую очередь, институционального. Все проводимые в России во время Первой мировой войны реформы призваны были прямо или косвенно адаптировать политические институты к задачам максимально эффективного обеспечения армии продовольствием, вооружениями и другими предметами военного назначения. Правительству пришлось спешно реагировать на вызовы времени, перестраивая систему государственного управления. 20 июня 1914 г. император учредил Ставку Верховного главнокомандующего, 24 июля 1914 г. предоставил Совету министров чрезвычайные полномочия, позволявшие принимать большинство решений самостоятельно. С этого времени на театре военных действий гражданская власть оказалась в подчинении у военной, а слабое разграничение их функций стало одной из ключевых проблем управления.

Для более полного использования потенциала общественности 30 июля 1914 г. руководители земств учредили Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. 8–9 августа 1914 г. для решения аналогичных задач съезд городских голов учредил Всероссийский союз городов (далее ВСГ). Превращение войны в затяжную заставило правительство шире привлекать общественные организации к участию в жизни государства. 17 и 30 августа 1915 г. были учреждены Особые совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне, топливу, продовольствию, перевозкам и устройству беженцев. В их состав входили представители государственных ведомств и общественных организаций. Они обладали широкими полномочиями по государственному регулированию соответствующей сферы управления. Совещания сформировали широкий и разветвленный местный аппарат. 27 августа 1915 г. Совет министров разрешил учреждать военно-промышленные комитеты (ВПК) для содействия правительству в деле снабжения армии и флота. Компетенция Всероссийских земского и городского союзов расширилась и стала включать размещение беженцев, снабжение населения продуктами первой необходимости. Эти объединения превратились в цен-

тры общественной самодеятельности, инициировали создание многочисленных добровольных организаций помощи армии: комитеты земских и городских служащих, попечительские комитеты при медицинских учреждениях, дамские кружки, мастерские и многие другие.

С организационной точки зрения, адаптация управленческой вертикали в Сибири протекала почти так же, как и в остальных частях страны. Разница заключалась в отсутствии органов земского самоуправления, на которые в европейской части России возлагалось решение многих мобилизационных задач. В Сибири ответственность за мероприятия, связанные с обеспечением армии людскими и материальными ресурсами, легла на плечи государственной администрации.

Правительство не всегда учитывало территориальную и иную специфику азиатских окраин России и только после настойчивых просьб местной администрации корректировало принятые решения. Так, постановление Совета министров от 29 августа 1914 г. учреждало уездные и городские попечительства о семействах нижних чинов. Уездные попечительства должны были действовать под председательством предводителей дворянства или глав земских управ, а городские полагалось открывать только в городах с населением свыше 75 тыс. жителей¹. Никаких особых оговорок для Сибири законодательство не делало, что оставляло ее практически без законных органов опеки над семьями призванных. Но их функцию в первое время взяли на себя съезды крестьянских начальников. Что касается сибирских городов, включая малые, то там возникли добровольные попечительства². Только после настойчивых просьб сибирских и дальневосточных губернаторов правительство вместо представителей земств и сословных организаций разрешило сформировать попечительства из служащих государственных ведомств, а также в виде исключения учредить попечительства в городах с населением менее 75 тыс. жителей [3, с. 168; 4, с. 107].

Описанные выше проблемы характерны не только для начального периода войны. Другая адаптивная ситуация, примечательная своей «пролонгированностью», возникла в связи с так называемыми «ликвидационными законами», принятыми в 1915–1916 гг. и запрещавшими немцам, в том числе подданным Российской империи, владеть предприятиями и землей. Ограничивающие нормы первонач-

¹ *Аверах О.И.* Законодательные акты, вызванные войною 1914–1916 гг. Т. 1. Законодательные акты, вызванные войною 1914 года с Германию, Австро-Венгрией и Турцией. Вильна, 1915. С. 208–209.

² *Сибирская жизнь* (Томск). 1915. 15, 17 января.

чально распространялись на прифронтовую территорию, а потом и на Европейскую часть России. В августе 1916 г. МВД проинформировал губернские правления Сибири о намерении распространить ликвидационные законы на районы вдоль Транссибирской магистрали. Как пишет Э. Лор, помимо идеологических, действия центральных властей мотивировались и прагматическими соображениями. Они преследовали цель предотвратить скупку в Сибири земель и недвижимости подданными Центральных держав, высланными из европейской части России и вынужденными продать там свою собственность [4, с. 107; 5, с. 131]. Томский губернатор Н.В. Дудинский еще на стадии предварительного обсуждения данного законопроекта предложил ограничиться только конфискацией частных участков (69 семей, около 4,5 тыс. дес.). Надельные же земли, принадлежавшие немецким колонистам (около 200 тыс. дес.), губернатор рекомендовал оставить в пожизненном пользовании. Фактически это являлось попыткой смягчить действие ликвидационного законодательства, не встретившую поддержку в министерстве. Степной генерал-губернатор Е.О. Шмит, напротив, культивировал антинемецкие настроения и приветствовал жесткие меры борьбы с «немецким засильем». Причина очевидна — на территории Степного генерал-губернаторства немцы владели на правах частной собственности и аренды крупными земельными участками, на которых вели предпринимательские хозяйства. В случае их конфискации Е.О. Шмит рассчитывал присоединить освобожденные земли к территории Сибирского казачьего войска, наказным атаманом которого он являлся. Принятое 8 сентября 1916 г. Советом министров Положение распространяло запрет немецкого землевладения на сибирские территории, совершенно не учитывая факт проживания большей части сибирских немцев на переселенческих землях, которыми они не могли распоряжаться. Сибирская администрация добилась внесения поправок в законодательство, в соответствии с которыми лишавшимся участков колонистам казна выдавала вознаграждение [6, с. 57–58; 7, с. 134–136; 7, с. 145–147].

Принятие управленческих решений в отношении Сибири являлось процессом непрерывной взаимной коадаптации центрального и губернского/областного уровней власти, действовавшей как механизм реадaptивной цикличности. Приведенные примеры свидетельствуют о наличии в этом механизме барьеров, затруднявших самостоятельную выработку региональной политики. Они демонстрируют неготовность Центра предвидеть проблемы окраин и заранее снимать напряженность во взаимодействиях с ними. Сибирские губернаторы варьировали свои стратегии в зависимости от индивидуальных пред-

почтений и местных интересов. В одних случаях они умело подстраивались под решения центра, в других — добивались их корректировки. Но в годы Великой войны возрастали издержки существования таких барьеров в виде увеличения временного лага между принятием решения в Центре и адаптацией к нему на местах и создания почвы для дезадаптивного поведения.

Процесс адаптации негосударственных политических институтов на первый взгляд не свидетельствует об особой специфике в Сибири. Реагируя на призывы правительства и общественных организаций центра России внести свой вклад в обеспечение армии, сибиряки стремились выстроить соответствующие институциональные структуры как составные части общероссийских объединений. Органы городского самоуправления поспешили заявить о своем членстве в ВСГ (из 163 городов, вступивших в Союз к концу 1914 г., 15 сибирских), проведя учредительные и несколько текущих съездов, сформировали региональные подразделения ВСГ: городские, губернские (областные) комитеты, в апреле 1915 г. — Западносибирской, в апреле 1916 г. — Восточносибирский и Дальневосточный.

Инициатива по созданию ВПК от столиц быстро докатилась до глубокой провинции, сопровождалась громкой шумихой, многочисленными съездами и совещаниями [8, с. 191]. Всего с июня по декабрь 1915 г. было сформировано 33 областных и 220 местных (городских и уездных) комитета. Из этого числа на Сибирь пришлось шесть областных и 28 местных ВПК³. Комитеты привлекли к исполнению заказов военного ведомства примерно 300 сибирских предприятий. Возможность не ограничивать хозяйственную деятельность рамками губерний и областей активизировала предпринимателей и общественность Сибири, обострила конкуренцию между отдельными ВПК, члены которых почувствовали возможность включить в сферу своего влияния новые предприятия и территории, используя рычаги политического воздействия. Поэтому ВПК старались образовать новые отделы, пригласить специалистов, соревновались друг с другом в организации новых сложных производств. В основном все ограничивалось декларациями о намерениях. Больше других преуспел на этом поприще Омский областной ВПК, которому удалось распространить свое влияние далеко за пределы Акмолинской области.

За стремлением сибирской общественности не отстать от евро-

³ Кроме Тюменского и Курганского, входивших в круг ведения Омского областного ВПК, остальные комитеты Тобольской губернии находились в ведении Уральского областного ВПК.

пейской части России в деле обслуживания армии просматривается одна проблема. Сформированная в Сибири управленческая сеть являлась избыточной для такой редко заселенной и слабо экономически развитой территории, не соответствовала ни ее нуждам, ни возможностям. Кроме того, центральные общественные организации так же, как и правительство, не выработали четкой стратегии использования потенциала восточных территорий государства. Руководители сибирских подразделений ВСГ и ВПК постоянно жаловались на то, что в столицах недооценивали учреждения, представителями которых они являлись, не учитывали их при распределении заказов [9, с. 148]. Опасения, что из-за удаленности от фронта Сибирь может остаться в стороне от общероссийских мобилизационных мероприятий, стали мощным катализатором деятельности. Стремление не допустить такого варианта развития являлось выражением коллективной адаптивной стратегии сибиряков.

С точки зрения трансформации политического дискурса под влиянием войны, Азиатская Россия жила почти в ногу со всей империей. Сибирское население чутко реагировало на информационные сигналы, адресуемые населению государством, быстро усваивало новый политический язык и поведенческий код. Уже в первые дни войны широкое распространение, как и в других уголках империи, получили молебны за победу, митинги и приветственные телеграммы в адрес монарха. Общественность вне зависимости от идеологических предпочтений направила энергию на создание многочисленных организаций помощи армии, флоту, семьям призывников, беженцам [10, с. 116–118]. Часть населения, следовательно, быстро пережила психологическую адаптацию, поспешила выразить режиму свою готовность терпеть связанные с войной материальные невзгоды. Правда, была в патриотических акциях и доля политической мимикрии, готовность подстраиваться под идеологические запросы власти. Не случайно одним из результатов патриотического подъема стала активизация правомонархических организаций, открывших новые отделения по всей России, в том числе в сибирских городах и даже сельской местности. И только призывы в армию вызвали сокращение численности членов Союза русского народа и Союза Михаила Архангела [11].

Целостный взгляд на политическую адаптацию предполагает анализ не только нормативного аспекта, находящего выражение в идеологической сфере, информационных процессах и организационном строительстве, но и деятельностного аспекта. Практическим подкреплением декларируемой многими членами общества готовности к жертвам во имя победы стало широкое участие в благотворительном

движении. Помимо специальных учреждений, сборы средств проводили практически все организации параллельно со своей основной деятельностью: городские управы, биржевые общества, увеселительные учреждения, кооперативы, церковные приходы (всех имевшихся в Сибири конфессий) и волостные правления. Местная администрация дирижировала общественным волеизъявлением, подсказывая ему нужные организационные формы путем воззваний и призывов, распространяемых через газеты и листовки. Код лояльного поведения успешно внедрялся губернской властью и начинал транслироваться людьми, жившими даже в самой глубокой провинции. Служащие государственных и частных организаций принимали на своих собраниях решения о пожертвованиях. Население откликалось не только в крупных городах, но и в глухих таежных и степных сибирских углах. Жертвователями становились крестьянские общины и инородческие сходы. Жертвовали не только деньгами, но и натуральными продуктами, например, крестьяне — зерном и мясом [4, с. 159–167; 10, с. 116–118; 12, с. 184–188; 13, с. 158–178]. В степях южных районов Акмолинской области, обратившись к кочевникам-скотоводам инициаторы сборов получили за несколько дней пожертвования в виде имущества, стоимость которого оценивалась в 70 тыс. рублей⁴.

Результаты благотворительности имеют отношение к организации социальной адаптации, так как значительные суммы и материальные ценности собирались, в том числе, и на цели социальной инклюзии: облегчение участи инвалидов, сирот, обездоленных, беженцев, формирование у солдат и офицеров позитивных установок. Но сама благотворительность является адаптационной стратегией конформистского типа и свидетельствует о том, что население в основной своей массе разделяет с воюющим государством основные цели и ценности.

Кроме своей прямой функции — помощи армии, благотворительность имела еще огромное политико-символическое значение, являясь маркером принадлежности к кругу «своих», патриотов. Поэтому важны не только факты пожертвований, но и публичное извещение о них в прессе. Именно этим объясняется публикация множества заметок о коллективных и индивидуальных актах пожертвования почти в каждом номере сибирских газет. К благотворительности стремились приобщиться все, а в особенности те, кто имел опасения вызвать недоверие властей по другим поводам. Например, сибирские мусульмане и поляки имели собственные комитеты по оказанию по-

⁴ ГА РФ. Ф. 102. Дел. 4. Оп. 123. 1914. Д. 108. Ч. 1. Л. 16.

мощи воинам и семьям призванных [14, с. 78–79, 90].

Уже осенью благотворительное движение выросло в целую некоммерческую индустрию, так как помимо традиционных подписных листов, сбор средств проходил в виде лотерей, продажи сувениров, благотворительных спектаклей, танцев, лекций [15]. Своего максимального размаха оно достигло на рубеже 1914–1915 гг. Для поддержки уровня благотворительности требовалось постоянно актуализировать поводы для пожертвований. Поэтому на все крупные победы и поражения русской армии принято было реагировать молебнами и сборами средств, организовывать их к каждому религиозному празднику. В Акмолинской области осенью 1915 г. была проведена акция по сбору средств на покупку самолета. В Сибири, как и по всей стране, активность благотворительных акций и их результативность стала заметно снижаться во второй половине 1915–1916 г., что дает основание говорить об исчерпании данной стратегии и само по себе может расцениваться как свидетельство снижения адаптивного потенциала общества.

Издержки войны, такие как потоки беженцев, больных и раненых людей, затронули сибирский тыл позже, чем европейские губернии России и в меньшей степени. Зато общеимперские мобилизации проходили на территории Азиатской России. Не попадали под них лишь коренные народы, составлявшие небольшую часть населения. Поэтому вполне понятно, что сибиряки, отдав в армию около половины трудоспособного мужского населения, в то же время проявили большую изобретательность в деле уклонения от призывов в армию. Прямое дезертирство во время призывной кампании оставалось явлением единичным и исключительным. Но милитаризация жизни в тылу давала иные возможности. Рабочих золотопромышленности не призывали в армию с самого начала войны. В декабре 1915 г. указом императора Николая II вводились отсрочки от призывов в армию для рабочих и служащих оборонных и стратегически важных предприятий и учреждений. На местах вопросами об отсрочках стали заниматься особые уездные комитеты [16, с. 154]. Теперь появился шанс уклониться от призыва, не вызывая подозрения в нелояльности. С окрестных деревень мужчины призывного возраста потянулись наниматься на угольные копи, золотые прииски, железные дороги ради получения «брони» от призыва. Например, на угольных предприятиях Кузбасса доля военнообязанных к 1917 г. составляла 29 % всех занятых. Они пополнили группу наименее квалифицированных, мало приспособленных к промышленному труду работников [17, с. 29, 68].

Мужчинам, получившим образование города предоставляли

больше вариантов уклонения от призыва. В них находились учреждения, обслуживавшие нужды армии, беженцев, быстро растущей группы членов семей призванных — получателей социальной помощи. Первоначально «бронь» распространялась только на предприятия, выполнявшие оборонные заказы, как государственные, так и подчиненные военно-промышленным комитетам, Союзу земств и городов, Красному Кресту. Их штаты росли за счет устройства множества трудоспособных мужчин. Но ситуация, когда выживаемость и работоспособность любой структуры напрямую зависела от того, признана ли она оборонной, заставляла руководство упражняться в изобретении способов получения заветного статуса. В результате список оборонных предприятий и учреждений увеличивался как снежный ком. Каждое из них стремилось хоть что-нибудь производить для армии.

Именно этим объясняется необычайно высокая для Сибири численность ВПК и сети их предприятий, несопоставимая с малым количеством выполненных заказов. На фоне растущего дефицита городских бюджетов увеличивалось число подразделений городских органов самоуправления. Большинство из них претендовало на представление служащим отсрочек от призыва [16, с. 154]. По мере нарастания проблем в сфере снабжения населения предметами повседневного спроса, в число получателей «брони» вошли продовольственные органы и кооперативные союзы. Последние — как общественные организации, снабжающие продовольствием армию и оборонные предприятия. Так, карьера в тылу могла стать вполне законной альтернативой призыву в армию.

Ситуация с «нагромождающимися» отсрочками зашла окончательно в тупик к 1917 г., когда возникла необходимость создать комиссии по проверке отсрочек военнообязанным. В Томске такая комиссия, проверив 3824 обладателя «брони», признала незаконной отсрочку 212 человек. Причем из них 20 человек являлись крупными домовладельцами либо торговцами, устроившимися рабочими или низшими служащими на мизерные оклады явно с целью уклонения от службы. Общий вывод комиссии остался крайне неутешительный. Отсрочки предоставлялись служащим множества учреждений, в том числе и далеким от обороны. Ими пользовался значительный круг неквалифицированных рабочих и служащих, обязанности которых оказались настолько просты, что могли выполняться любым неподлежащим призыву лицом⁵. Впору вспомнить вывод П.А. Сорокина о том, что «современные войны, в отличие от древних, уничтожают

⁵ Сибирская жизнь (Томск), 1915. 15 июня.

«лучшую» часть населения и благоприятствуют размножению его «худшей» части, менее трудоспособной, менее талантливой, волевой» [18, с. 189].

Уклонения от призывов, за исключением прямого дезертирства, относятся к конформистскому типу адаптации. Государство, реагируя на обострившуюся проблему занятости, с помощью института отсрочек нащупывало правильный баланс между интересами армии и рациональной организацией экономики. Но общество в свою очередь быстро адаптировало выработанные государством правила путем максимально расширительного толкования. Уклонения от призыва осуждались в прессе, но получили широкое распространение с молчаливого согласия большинства и даже находили широкую поддержку определенной части общества. Конформистское с точки зрения значительной части общества, такое поведение воспринималось государством как девиантное, порождая зоны напряженности в их взаимодействии.

Одним из традиционных инструментов политической адаптации населения являлись прошения, устные и письменные обращения к власти, берущие начало еще в средневековых челобитных. Они связаны с неконформистскими моделями политической адаптации, для проявления которых война создавала новые поводы. Положение аграрной периферии не создавало широких возможностей для письменных прошений, поэтому необходимо учитывать также устные обращения.

Мобилизации, изъязв из деревни к 1917 г. до половины трудоспособных мужчин, в Сибири, как и в России в целом, породили острейший дефицит рабочих рук. Его пытались частично восполнить присылкой военнопленных на сельскохозяйственные работы. Часто пленные попадали в крупные предпринимательские хозяйства или к наиболее зажиточным крестьянам, способным расселить работников, снабдить их одеждой и продовольствием. Недовольные практикой распределения военнопленных сформировали особый кластер составителей посланий к власти. Сельские домохозяева обивали пороги воинских присутствий с настойчивыми просьбами выделить пленных в их хозяйства. Мотивация таких прошений обычно имела политический подтекст. Они обосновывались либо близким родством с мобилизованным в армию, что ставило просителей в положение первоочередных получателей труда пленных, либо сведениями о возможных поставках для армии продовольствия при условии предоставления рабочих рук. Преимущественно устные, такие обращения не сохранились в архивах и фиксируются в передаче очевидцев, принадлежащих

к образованным слоям общества⁶.

Угроза попасть под репрессии правительства или негативные социальные санкции окружающих являлась акселератором адаптивных способностей, генерировала другой кластер обращавшихся к власти. Так проживавшие на Алтае немецкие колонисты реагировали на начавшееся в 1915 г. расторжение арендных контрактов потоком жалоб и ходатайств, весьма убедительно доказывая культурный характер своих хозяйств и пользу, которую приносили государству добросовестными поставками продовольствия. В результате власти Алтайского округа признали право на сохранение аренды за 71 хозяйством немецких колонистов [19. с. 71, 128].

Пожалуй, самые активные апеллянты к власти — административные ссыльные. Эта группа сибирского населения резко увеличилась в связи с господствовавшей в обществе этнофобией и шпиономанией. В Сибирь во второй половине 1914–1916 гг. были направлены тысячи немцев, поляков, евреев, прибалтов, отнесенных к ненадежному подданым⁷. Их точный подсчет не велся, но известно, что численность политических ссыльных возросла с 5 до 8,5 тыс. чел., и они к концу войны составляли меньшую часть всех ссыльных [20, с. 107]. Только в Колпашево, где в начале войны находилось около 20 политических ссыльных, в конце 1916 г. численность отбывавших здесь административные наказания составила около 300 [21, с. 270–271, 287]. Большинство из них считало, что они были высланы с нарушениями законодательства. Почти все они писали в разные инстанции, прося пересмотреть решение о высылке или ходатайствовали о разрешении перебраться в крупный город из-за отсутствия работы и возможности обеспечить себе пропитание, необходимости квалифицированного медицинского обслуживания.

В процессе взаимной адаптации власти и общества к условиям войны неизбежны сбои, приводящие к утрате способностей отдельных членов общества или целых групп населения приспосабливаться к новым политическим обстоятельствам. Применительно к описанным выше случаям обращения к властям отсутствие удовлетворительной реакции могло стать причиной такого сбоя. Но реальное поле возможных дезадаптивных ситуаций много шире. Причинами их возникновения могли оказаться как любые конкретные ошибочные действия властей, так и общее ухудшение качества жизни, заметно обо-

⁶ Труды сельскохозяйственного и кооперативного съезда в Омске 2–12 января 1916 г. Омск, 1916. С. 119–120.

⁷ Сибирская жизнь. 1915. 23 января.

значившееся во второй половине 1915–1916 гг.

Именно просчеты центральной и местных властей спровоцировали волну протестов по всей стране, в том числе и в сибирских губерниях, летом — осенью 1914 г. в ходе первой призывной кампании. 17 июля 1914 г. правительство запретило продажу алкоголя на время мобилизации. Сделано это было специально, чтобы исключить пьянство среди призывников. 22 августа того же года указом императора запрет продлили до окончания военных действий. Послушно отправляясь в армию, русский мужик традиционно воспринимал предпринятую гульбу как символизацию платы за жертвенность и одновременно как способ психологической разгрузки перед долгим, а возможно и окончательным расставанием с домом. Проводы рекрутов, а потом и призывников в деревнях сопровождались особенно детальным соблюдением всех ритуальных процедур: буйным разгулом с обязательным употреблением алкоголя, драками. Они символизировали переход молодых крестьян в новое социальное состояние — от гражданской жизни к военной. «Сухой закон» лишил их такой возможности.

Негативные ощущения усиливались плохой материальной подготовкой первого призыва военного времени. Призывников селили в общественных зданиях и на складах, размещали по частным квартирам городских окраин и пригородных сел. Не хватало продовольствия. На призывных пунктах, в пути и в местах первичной дислокации призывники разрядили накопленную агрессию в хулиганских акциях, подчас выглядевших как массовый протест. Положение усугубилось предоставлением значительной части призванных отсрочек для сбора урожая. Мера сама по себе благодатная для сельского хозяйства Сибири. Но в итоге она обернулась возвращением домой на огромные сибирские расстояния и повторными проводами, то есть явным ритуальным сбоем и двойными бытовыми неудобствами.

В Сибири волнения призывников произошли в восьми городах и 145 сельских населенных пунктах. Из них 87 % выражались в разгромах мест торговли или хранения вина, сопровождались употреблением алкоголя, насилием над торговцами. В 9 случаях насилие применялось в отношении лиц из числа сельской администрации и в 12 выражалось в незаконных порубках леса и нападениях на служащих лесного ведомства [22, с. 85]. В целом действия призывников по всей стране имели однотипный характер. В Сибири их отличало то, что второй мишенью протестов становились не помещичьи леса и имения [23, с. 29–30], а крестьянская администрация и казенное лесное хозяйство. Сибирский мужик словно показывал, что считает справедливым воз-

даянием за будущие ратные подвиги передел государственной земельно-лесной собственности. Имея сугубо ситуативный характер, протесты призывников устранялись простой ликвидацией породивших их бытовых неудобств, а также силой привычки, благодаря которой в рамках последующих призывов мобилизованные стали воспринимать официальный запрет продажи алкоголя как должное.

С начала 1915 г. наиболее активной протестной группой населения становятся жены призванных в армию. Многие из проводивших своих мужей на войну женщин не смогли в конце 1914 г. своевременно получить солдатские пайковые деньги, а примерно через год после начала регулярных выплат общий рост цен обесценил пайки. Солдатки воспринимали себя как наиболее обездоленную и несправедливо ущемленную группу. Осознание общих потребностей стало информационным фактором и атрибутом самоорганизации. Имея много причин для недовольства, солдатки заявляли о своих нуждах, используя нехитрый, но действенный арсенал средств. Собираясь большими группами, они требовали товары бесплатно или по сниженным ценам, ссылаясь на свое бедственное материальное положение и недостаточную помощь со стороны государства и соседей. Объектом претензий избирали обычно торговцев, непопулярных за дороговизну. Мягкое противодействие полиции, не решавшейся на жесткие репрессии или просто не желавшей проводить их, придавало решимости протестующим⁸. Женщины резонно рассчитывали на эффективность «оружия слабых». Серьезное наказание им не грозило, зато местная администрация старалась проводить «профилактические меры», устраняя причины недовольства. К таковым относились проверки обоснованности розничных цен, первоочередное распределение товаров среди семей призванных. В июне 1915 г. требования солдатских жен в Барнауле о немедленной выплате задержанного пособия сопровождались попыткой насильственного взлома помещения городской управы. Полиция наложила на зачинщиц денежные штрафы, но в то же время заставила городские власти экстренно начислить солдаткам пособия из резервов города. Следовательно, протесты солдаток оказывались устным эквивалентом писем во власть, причем куда более эффективным. Деадаптивное поведение расшифровывалось властями как эрзац адаптивного и, видимо, таковым и являлось. Это тем более верно, что акции с участием солдатских жен следует отнести к деятельности, хотя и протестной, но ведущей к преобразованию политической среды.

Однако в целом российским и сибирским властям не удалось

⁸ ГА РФ. Ф. 102. Дел. 4. Оп. 124. 1915. Д. 108. Ч.63. Л. 13–13об.

разобраться в сложных и быстро меняющихся общественных настроениях до такой степени, чтобы определить грань между политической адаптацией и дезадаптацией, ситуативным недовольством действиями местных органов управления и деятельностью, имеющей характер системной девиации, несущей угрозу политическому режиму в целом.

Традиционно роль главного канала поступления обратной информации от общества к власти в России играли полицейские обзоры. Обычная бланкетная форма составления такого обзора неоднократно менялась в соответствии с возникавшими проблемами, общественно значимыми или имевшими принципиальное значение для власти. В годы войны жандармские управления и губернаторы должны были, помимо обыкновенного обзора политических выступлений и проявления недовольства со стороны населения и прессы, предоставлять в МВД информацию об отношении населения к войне, военнопленным и беженцам, слухах, циркулировавших в связи с войной. С середины 1915 г. обязательным стал обзор потребительского рынка и настроений населения в связи с ростом цен (дороговизной).

Анализ жандармских и губернаторских документов свидетельствует о том, что Сибирь, в сравнении с большинством губерний европейской части страны, оставалась местом почти безмолвствующего общества. В Семипалатинской, Забайкальской и Амурской областях первые полтора года войны не происходило событий, заслуживающих того, чтобы губернаторы сочли необходимым обратиться на них внимание министра. Вместе с тем, со временем стали очевидны перемены в настроениях. Если во второй половине 1914 — первой половине 1915 г. на территории Сибири никаких тревожных для общественно-политического строя сигналов не было зафиксировано, то позже вплоть до февральских событий 1917 г в столице местная администрация отмечала стойкие и все нарастающие по своей интенсивности слухи о готовящихся в сибирских городах антиправительственных погромах⁹. Полиция принимала меры повышенной безопасности на случай, если опасения оправдаются. Чаще всего никаких выступлений не происходило, но тревожные ожидания погромов среди горожан сохранялись. Механизм возникновения таких слухов и источник их распространения определить не удалось. Информационный барьер между широкими массами необразованного населения и правящей верхушкой не позволил адекватно расшифровать и адаптировать множество новых ситуаций.

⁹ ГА РФ. Ф. 102. Дел. 4. Оп. 125. 1916. Д. 108. Ч. 1. Л. 8, 10; Ч. 20. Л. 4; Ч. 23. Л. 4; Ч. 76. Л. 12; Ч. 76. Л. 12; Ч. 77. Л. 11.

Перемены в политических настроениях, особенно заметные в 1916 г., свидетельствовали об усталости населения от вызванных войной бытовых неурядиц. Для большинства горожан адаптивные инструменты к исходу второго года войны переставали срабатывать, что выражалось во вспышках агрессии, направленной пока не против государства как института, а против конкретных виновников, точнее, тех, на кого обыватели возлагали вину. В начале 1916 г. в сибирских городах возникло острое недовольство населения работой городских управ в связи с недостаточными их усилиями по борьбе с ростом цен и дефицитом товаров. Асмолинский губернатор для снижения напряженности в Омске обратился к торговцам с предложением снизить цены и распорядился провести полицейские рейды по местам торговли с целью выяснения обоснованности установленных торговых надбавок¹⁰, чем только усилил подозрения в виновности торговцев. Очевидно, что местная администрация оказалась не готова адекватно реагировать на такой информационный вызов. Об этом свидетельствует характер взаимодействия власти с радикальной политической оппозицией, благодаря институту политической ссылки, традиционно являвшейся важнейшей частью сибирского общества. Эта немногочисленная группа продемонстрировала в годы войны высокую адаптивную способность.

Вступление России в мировую войну стало причиной раскола социалистического движения на патриотически настроенных оборонцев и интернационалистов — сторонников поражения собственного правительства. Теоретические споры в рядах политических радикалов являлись редким для Сибири примером прогностической адаптации. Основные дискуссии разворачивались не между социалистами-революционерами и марксистами, как это было раньше, а между сторонниками и противниками войны. Если в первые месяцы войны оборончество являлось доминировавшим течением, то в последующем оно постепенно утратило свои позиции и уступило влияние интернационалистам. Первые, с точки зрения полиции, большой опасности не представляли.

Оба крыла политических радикалов успешно адаптировались к условиям жизни в сибирском тылу. В результате массовых мобилизаций мужчин в армию появилось множество вакансий. Политические ссыльные получили возможность устраиваться на службу в частные и общественные учреждения. Царское правительство, уступив их многочисленным прошениям, само пошло на либерализацию в сфере тру-

¹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Дел. 4. Оп. 125. 1916. Д. 108. Ч. 1. Л. 2–3, 6–7.

доустройства политических и административных ссыльных, без чего могла бы остановиться работа многих учреждений.

Рост численности кооперативных и продовольственных организаций создавал благоприятную почву для привлечения ссыльных к работе на оборону и снабжению населения. Наряду с известными либералами сильные позиции в них стали занимать эсеры и социал-демократы, в том числе из числа политических ссыльных. Едва получив разрешение на жительство в крупном городе, политические ссыльные благодаря связям быстро находили постоянную службу с приличным заработком. Секретариаты, статистические, информационные отделы кооперативных союзов и продовольственных управ были в значительной части укомплектованы социалистами, а в сельской местности ссыльные часто оказывались инициаторами создания кооперативов и входили в их правления [24, с. 190–191; 25, 26]. В 1916 г. при Томском отделе Общества изучения Сибири возник комитет содействия кооперации, который возглавил социал-демократ Д.И. Илимский, получив влияние на целый быстрорастущий сегмент сибирской экономики.

В годы войны активизировалась журналистская деятельность политических ссыльных. В 1915–1916 гг. меньшевики и эсеры издавали «внепартийные, прогрессивные» газеты «Народная Сибирь», «Отголоски жизни», «Сибирь» в Иркутске, «Отклики Сибири» в Красноярске, «Забайкальское обозрение» в Чите, журналы «Сибирский журнал» и «Сибирское обозрение» в Иркутске и ряд других. В качестве авторов и корреспондентов социалисты участвовали в более широком спектре изданий. Их влияние на общественное мнение выросло.

Приобретение нового социального статуса не только укрепляло их позицию, интегрировало в сибирский социум, но и создавало повод для диалога с властью на новом поле делового, сугубо хозяйственного взаимодействия. Закрепление на новых социальных позициях влияло, в свою очередь, и на политическую практику некоторых ссыльных, усиливая склонность к конформизму. Например, по отзывам полиции, омские эсеры-интернационалисты в декабре 1916 г. отказались от намерений выпустить антиправительственное воззвание в связи с тем, что хорошо зарабатывали и боялись утратить едва обретенную стабильность [20, с. 121]. Часто наиболее бескомпромиссные противники царского режима находились на неприметных должностях статистиков в кооперативных союзах и предпочитали не высказывать открыто свои политические позиции.

Но для крайне левого крыла социалистов легализация позволяла использовать кооперативные, продовольственные и иные организа-

ции как каналы политической пропаганды и прикрытие нелегальной работы. В Минусинске осенью 1915 г. в состав уездного ВПК вошли ссыльные социалисты, превратившие его в площадку для обсуждения политических вопросов [27, с. 24]. Полиция добилась исключения ссыльных из состава ВПК¹¹. Организаторы съезда кооперативов Забайкальской области в марте 1916 г. подверглись аресту за то, что инициировали обсуждение политических вопросов. Среди девяти арестованных было семь социал-демократов и два эсера. [28, с. 68]. Эсеры в сентябре 1915 г. вошли в Иркутский комитет союза городов и военно-промышленный комитет [29, с. 36]. В Омске присяжный поверенный К.А. Попов, член РСДРП, в 1915 г. организовал общество «Просвещение», в котором выступал с докладами, открыто призывая к бойкоту ВПК и к интернациональной солидарности трудящихся всех стран против ведущих войну правительств. Его арест оказался краткосрочным, так как он имел в Омске влиятельных покровителей [30, с. 76, 80–81].

Все это свидетельствует о том, то политические ссыльные обладали высоким потенциалом политической адаптации. Они использовали экономические трудности в стране для интеграции в общество, включения в деловую жизнь тыла, усиления своего идеологического влияния на население. Умело приспосабливаясь к политической среде, добиваясь уступок от власти, они демонстрировали готовность к территориальной и профессиональной мобильности в поисках более комфортной социальной среды, активно преобразовывали ее, в том числе, занимая ведущие управленческие позиции в общественных организациях и в кооперации. Сформированные ими социальные сети, основанные на личных связях в кругах не только однопартийцев, но также либеральных общественных деятелей и чиновников, позволяли им смягчить политические репрессии либо вовсе избежать их.

Государство не выработало по отношению к представителям политической ссылки новой стратегии взаимодействия. Оно использовало традиционные репрессивные методы борьбы против противников политического режима, но прибегало к ним крайне редко и осторожно. В то же время образ «врагов нации», «внутренних немцев», сформированный с непосредственной подачи правительства, нацеливал на консолидацию нации вокруг политических мифов, уводя от реальных угроз.

* * *

Проведенный анализ свидетельствует, что сибирское население

¹¹ ГА РФ. Ф. 102. Дел. 4. Оп. 124. 1915. Д. 108. Ч. 20. Л. 11–11об.

быстро адаптировалось к факту участия в тотальной войне, восприняло предлагаемую государством трактовку ее причин и целей, почти в унисон с другими территориями произвело преобразование основных политических институтов, включилось в процесс материального обеспечения армии. Государство в лице правительства и местной администрации оказалось не готово в полной мере учесть специфику Сибири и адаптировать свою политику к ее особенностям. Традиционные формы получения информации о состоянии общества не позволили ему отследить нарастание дезадапционного потенциала и тем более — принять меры по его купированию. С превращением войны в затяжную, государство постепенно утрачивало рычаги влияния на адаптивные возможности населения.

Общество продемонстрировало широкий спектр инструментов политической адаптации, корректируя идеологическое содержание, нормативную базу, осуществляя организаторскую деятельность. В процессе приспособления к реалиям военного времени сибирское население активно преобразовывало политическую среду. Была сформирована удобная обществу, а не предписанная сверху, конфигурация политических институтов, проинтерпретирована мобилизационная политика. Наибольшее влияние на политическую жизнь оказывало не пассивно приспособившееся к среде большинство, а отдельные социальные группы, такие как солдатские жены и политические ссыльные, чья стратегия адаптации включала разные формы давления на власть с целью принудить ее к политическим преобразованиям. В условиях ухудшения экономической ситуации уже в 1916 г. именно они начали играть роль референтных групп, задавая систему отсчета социальных норм и ценностных ориентаций.

Литература

1. *Хоклвист П.* Революция ковалась в войне: непрерывный кризис в России 1914–1921 гг. (реферат) // 1917 год. Россия революционная: Сборник обзоров и рефератов. М., 2009. С. 163–175.
2. *Нарский И.В.* Первая мировая война как учебный процесс: военизация жизненных миров в провинциальной России (Урал в 1914–1922 годах) // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М., 2014. С. 179–201.
3. *Иконникова Т.Я.* Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. 365 с.
4. *Еремин Е.А.* Западносибирский тыл в период Первой мировой войны (июль 1914 — март 1918 гг.): Учебное пособие, Барнаул, 2010. 293 с.
5. *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя. М., 2012. 304 с.
6. *Матис А.Э.* Борьба с немецким засильем в годы Первой мировой войны и немецкие колонии Томской губернии // Вопросы истории Сибири XX века:

- Межвуз сб. науч. тр. Новосибирск, 1998. С. 58–57.
6. История и этнография немцев. Омск, 2009, 752 с.
7. *Кротт И.И.* Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 годы). Омск, 2010, 336 с.
8. *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. 655 с.
9. *Серебрянников И.И.* Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. / ред.-сост. Г.С. Андреев, П.К. Конкин, П.А. Новиков. Иркутск, 2008. 592 с.
10. *Шишкина С.Ю.* Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 — февраль 1917 г.). Тюмень, 2006. 208 с.
11. *Бузмаков Е.Л.* Черносотенные организации в Сибири (1905–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2000. 243 с.
12. *Меньщиков В.В.* Экономическое и социокультурное развитие Тобольской губернии в период Первой мировой войны, 1914–1917 гг.: Дис. .. канд. ист. наук. Омск, 2001. 282 с.
13. *Комарова Т.* «Тем, кто в забвенье брошен был судьбой...». Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2007. 120 с.
14. *Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск, 2009. 500 с.
15. *Шумилова Е.Э.* Благотворительная деятельность как элемент повседневного поведения горожан Западной Сибири в условиях Первой мировой войны // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сб. мат. Международ. науч. конф. Новосибирск, 2014. С. 205–210.
16. *Еремин И.А.* Деятельность уездных комитетов по предоставлению отсрочек от военной службы в Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2005. С. 153–155.
17. *Шлаин Б.И.* Западно-Сибирский углепромышленный район в 1914–1918 гг. М., 1920. 73 с.
18. *Сорокин П.А.* Социология революции. М., 2008. 784 с.
19. *Шайдуров В.* Евреи немцы, поляки в Западной Сибири XIX — начала XX в. СПб., 260 с.
20. *Горюшкин Л.М.* Эсеры в сибирской ссылке в годы первой мировой войны // Политическая ссылка и революционное движение в России. Конец XIX — начало XX в. Новосибирск, 1988. С. 7–25.
21. *Деев Л.* Кунст и Альберс. История немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864–1924 гг.). Владивосток, 2012. 396 с.
22. *Шилковский М.В.* Массовые беспорядки среди мобилизованных в Сибири во второй половине июля 1914 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 84–88.
23. *Беркевич А.Б.* Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. М., 1947. Т. 23. С. 29–30.
24. *Хазиахметов Э.Ш.* Революционная деятельность большевиков в Нарымской ссылке в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Вып. II. Томск, 1963. С. 167–197.
25. *Макарчук С.В.* Социалистические партии и потребительская кооперация в

Сибири (1907–1917 гг.) // Из прошлого Сибири. Вып. 1. Ч. 1: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1996. С. 27–32.

26. *Макарчук С.В.* Кооперация в Западной Сибири: сферы влияния социалистов в межреволюционный период // Из истории революций в России Томск. 1996. Вып. 1. С.139–145.

27. *Мосина И.Г.* Военно-промышленные комитеты и вопрос об участии в них рабочих // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск 1976. С. 17–31.

28. *Макарчук С.В.* Социалисты в межреволюционный период (июль — февраль 1917 г.). Кемерово, 1994. 100 с.

29. *Сорокина О.Ю.* Эсеры в Сибири в годы Первой мировой войны. Июль 1914 — февраль 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 182 с.

30. *Толочко А.П., Плотников А.Е., Родионов Ю.П., Зиновьев В.П.* Хроника общественного движения в Сибири. 1895 — февраль 1917 г. Кн. 1: Общественное движение в Омске. Томск, 1996. 195 с.

В.А. Шульдяков

Омский экономический институт

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ 1-ГО СИБИРСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I КАДЕТСКОГО КОРПУСА ЭПОХИ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917–1922 ГГ.)

Статья посвящена политическим аспектам и периодизации истории старейшего военно-учебного заведения Сибири в переломную эпоху. Приведены характеристика и важнейшие события каждого из десяти периодов. Показана эволюция политических настроений основных групп личного состава. За шесть лет корпус пережил три реформы и две контрреформы. Во время всех реформ руководство, офицеры и преподаватели корпуса придерживались политического нейтралитета. Контрреформы находили с их стороны активную поддержку. Вследствие большевистского переворота консерваторы (офицеры) и либералы, демократы (гражданские преподаватели) внутри корпуса сплотились, и в 1918–1922 гг. вместе с кадетами единодушно были на стороне белых режимов, исправно поставляя выпускников в военные училища. В агрессивных внешних условиях взрослые и дети продемонстрировали тесную спайку, обусловленную их социальной, культурной, духовной близостью. Неформальные отношения только усиливали дисциплину и сопротивление кадет революционным преобразованиям.

Ключевые слова: революция, гражданская война, военное образование, кадетские корпуса, политические настроения, Омск, Сибирь, Дальний Восток России.

Ядром офицерского корпуса Русской Императорской армии конца XIX — начала XX века являлись выпускники кадетских корпусов. Если в предреволюционный период будущий офицер проводил в военном училище лишь два — три года, то в кадетском корпусе, как правило, целых семь лет. На эти семь лет приходились часть детства, всё отрочество и часть юности, т. е. как раз тот отрезок жизни, когда формируется мировоззрение, ценности, модель поведения человека в обществе, политические взгляды. Основной личный состав кадетских корпусов делился на две части: постоянный состав (офицеры и чиновники, в том числе преподаватели, имевшие гражданские чины) и переменный (собственно кадеты). Кроме того, в каждом корпусе были вольнонаемные служащие и прислуга, а также небольшая служитель-

ская команда, состоявшая как из солдат срочной службы, так и сверхсрочников (из последних были, в частности, так называемые дядьки, помогавшие офицерам-воспитателям в воспитании кадет).

Революция и гражданская война стали проверкой на прочность как всей военно-учебной системы России, так и тех принципов, которые лежали в основе её учебно-воспитательного процесса, кадетского и юнкерского товарищества, взаимоотношений между постоянным и переменным составами. Крайне любопытными представляются различия в политическом поведении революционной эпохи разных групп личного состава кадетских корпусов: офицеров, гражданских преподавателей, кадет, дядек, солдат-срочников, вольнонаемных. Кадетские корпуса обеих столиц были ликвидированы большевиками в 1918 г. Корпуса, воссозданные на белом Юге, не столько учились, сколько мыкались в хаосе эвакуаций, и порой в лице старшекласников принимали участие в боевых операциях. В отличие от них 1-й Сибирский кадетский корпус в Омске, восстановленный в 1918 г. Временным Сибирским правительством, благодаря двум своевременным эвакуациям смог более — менее нормально просуществовать в Приморье до 1922 г., в г. Шанхае — до 1924 г. Поэтому его пример показателен и перспективен с точки зрения изучения влияния революционных процессов на «старую» военную школу.

Питомцы 1-го Сибирского кадетского корпуса оставили ряд воспоминаний о жизни их военно-учебного заведения в годы революции и гражданской войны (Д.И. Грибановский, К.М. Григоров, С.В. Марков, М. Мелик-Нубар, В.А. Соколов и др.), большей частью опубликованных в эмигрантских кадетских изданиях. Вместе с тем имеется уникальный источник, еще не введенный в научный оборот и принадлежащий человеку, встретившему революционные события не только в возрасте, гораздо более зрелом, чем у кадет, но и в ответственной должности, а именно: рукописные воспоминания полковника А.К. Зиневича, называющиеся «Выписки из дневника бывшего директора 1-го Сибирского императора Александра I кадетского корпуса. 1916–1920 гг.»¹. Они отложились в Государственном архиве Российской Федерации в личном фонде А.К. Зиневича (Ф. Р-6125), насчитывающем 98 единиц хранения за 1900–1936 гг. В ГА РФ этот фонд поступил в 1946 г. вместе с другими документами бывшего Русского заграничного исторического архива в Праге.

Полковник Генерального штаба Александр Константинович Зиневич (1868 — после 1935, Чехословакия), происходивший из дворян

¹ ГА РФ. Ф. Р-6125. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–135.

Киевской губернии, окончил Киевское пехотное юнкерское училище (1889) и Николаевскую академию Генерального штаба (1903; причислен к Генштабу 16.01.1905 г.). Начало его офицерской службы проходило в 166-м пехотном Ровенском полку. На рубеже XIX–XX в. А.К. Зиневич связал свою судьбу с востоком России: перевелся из армии в Охранную стражу КВЖД (1899) и, будучи в чине штабс-капитана, участвовал в Китайской войне 1900–1901 гг., за боевые отличия в которой получил орден Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1901); затем почти полгода служил в Заамурском округе Отдельного корпуса пограничной стражи. После окончания академии он проходил цензовые командования: ротой — в 93-м пехотном Иркутском полку (1903–1904), батальоном — в 14-м Сибирском стрелковом полку. Капитан А.К. Зиневич пытался строить свою карьеру поближе к родным местам: свыше трех с половиной лет служил помощником старшего адъютанта штаба Одесского военного округа (1905–1908), из которого перевелся в Чугуевское военное училище. Но перед Великой войной пошел на повышение опять на восток: начальником Войскового штаба Забайкальского казачьего войска (1912–1914). На войну он убыл в качестве начальника штаба 1-й Забайкальской казачьей бригады. В 1915 г. на фронте полковник А.К. Зиневич последовательно занимал должности начальника штаба 81-й и 18-й пехотных дивизий, наконец, командира 192-го пехотного Рымникского полка. За боевые отличия на фронте получил два ордена. 12 января 1916 г. последовало его назначение директором 1-го Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса. Хотя по своему общему образованию Александр Константинович был не кадетом, а реалистом (окончил Киевское реальное училище), тем не менее, опыт работы в военно-учебных заведениях у него имелся. За время своей службы он успел побыть младшим офицером в Киевском пехотном юнкерском училище (1893–1896), офицером-воспитателем 1-го Кадетского корпуса (1899) и преподавателем военных наук в Чугуевском военном училище (1908–1912) [1].

По старшинству Сибирский кадетский корпус в Омске был шестым военно-учебным заведением России кадетского типа (после столичных Морского, 2-го Кадетского, 1-го Кадетского, 1-го Московского кадетского и Пажеского корпусов) и первым среди провинциальных, губернских и областных, кадетских корпусов [2, с. 2]. В мае 1913 г. корпус отметил свое столетие, в связи с чем «царским благоволением» был переименован в «Первый Сибирский Императора Александра I кадетский корпус» [3, с. 228]. В обиходе корпус часто называли Омским, хотя официально он так именовался только в 1907–1913 гг.

Временем наибольшего расцвета 1-го Сибирского (Омского) кадетского корпуса считается период директорства в нем генерал-майора (с 6 декабря 1911 г. — генерал-лейтенанта) А.А. Медведева: 1906–1915 гг., чрезвычайно насыщенные различными событиями, инициативами и зримыми плодами деятельности. Александр Ардалионович Медведев (1858–1915) добился признания столетнего старшинства учебного заведения, подготовил и провел юбилейные торжества, построил здание лазарета, тир, произвел другие улучшения [4, с. 315–318]. В эмиграции один из воспитанников корпуса свидетельствовал: «В него стремились прекрасные офицеры-воспитатели и педагоги, и кадет окружало полное внимание и забота на каждом шагу. Самое светлое воспоминание о корпусе останется на всю жизнь у всех его питомцев, кто имел счастье находиться в стенах корпуса в эти дни» [4, с. 190].

В декабре 1915 г. начальник Главного управления военно-учебных заведений генерал от инфантерии А.Ф. Забелин произвел в Омске инспекторский смотр кадетского корпуса. 6 (19) декабря, в день корпусного храмового праздника, в присутствии А.Ф. Забелина корпус провел большой праздничный вечер. Внешне вроде бы все было хорошо. Однако в ночь на 7 декабря скоропостижно скончался «всеми любимый директор корпуса» генерал-лейтенант А.А. Медведев, а ровно через неделю столь же внезапно умер инспектор классов действительный статский советник Э.Е. Отте (1851–1915) [4, с. 194, 196]. Эти две смерти подозрительны и, скорее всего, связаны с результатами инспекторского смотра. Вероятно, А.Ф. Забелин высказал руководству корпуса свое явное недовольство. Воспоминания А.К. Зиневича свидетельствуют в пользу этого предположения.

В 1916 г. столичное и краевое начальство полагало, что вследствие торжеств, мягкости и неудачной кадровой политики бывшего директора А.А. Медведева 1-й Сибирский кадетский корпус распустился в дисциплинарном отношении (кадеты на улицах города уклонялись от отдания чести офицерам и т. п.). Полковник А.К. Зиневич, согласно его воспоминаниям, был назначен и ехал в Омск, чтобы «подтянуть» корпус. Постоянному составу военно-учебного заведения это было понятно, и он встретил нового директора чуть ли не обструкцией: квартира директора оказалась совершенно не подготовленной (даже мебели в ней не было) и т. д. А.К. Зиневичу пришлось приложить немало усилий, чтобы взять корпус в руки и начать проводить в учебно-воспитательном процессе свою волю. Благо он имел поддержку командующего войсками Омского военного округа генерал-лейтенанта Н.А. Сухомлинова, «большого противника всякой рас-

пущенности»².

Однако «лед» в отношениях с подчиненными новому директору так до конца и не удалось «растопить». Дальнейшие революционные события не прибавили ему авторитета, и он так и остался для корпуса «чужим». Характерно, что в кадетских эмигрантских публикациях про корпус А.К. Зиневич лишь вскользь упоминается (и то не всегда), его имени-отчества или хотя бы инициалов в них нет. Между прочим, благодаря этой отчужденности, «чужеродности» А.К. Зиневича его мемуары носят ярко выраженный субъективный и критический характер, особенно в отношении офицерско-преподавательского персонала корпуса. В данном случае это положительная черта исторического источника, т. к. при общей нормальности отношений в кадетских корпусах и традиции «не выносить сор из избы» дореволюционные внутрикорпусные проблемы редко достаивались внимания мемуаристов. Тем более, для тех, кто прошел революцию и гражданскую войну, они представлялись несущественными и даже ностальгически-милыми мелочами.

В политической истории 1-го Сибирского кадетского корпуса во время революции и гражданской войны, исходя из таких важнейших критериев, как статус учебного заведения и отношение личного состава к революционным событиям, можно выделить десять периодов.

Время с марта по июнь 1917 г. можно считать первым периодом. В эти месяцы корпус по инерции функционировал на прежних, дореволюционных, основаниях.

Первые три дня Февральской революции, 27 февраля — 1 марта 1917 г., директору А.К. Зиневичу пришлось провести в «непрерывных беседах с кадетами и корпусным персоналом», требовавшими разъяснения обстановки. По его свидетельству, «головокружительный политический переворот, в несколько дней уничтоживший вековую русскую монархию», совершенно вышиб педагогический персонал из колеи. Если гражданские преподаватели корпуса встретили свержение монархии с сочувствием и даже радостью, они стали жизнерадостны, заносчивы, преисполнились самыми радужными надеждами, то офицеры были случившимся просто «пришиблены». Педагогический комитет заседал ежедневно, и благодаря солидарности в этом отношении педколлектива не только удалось сохранить в учебном заведении полный внешний порядок, но даже ход обычных занятий не нарушился. Зато солдаты служительской команды сразу стали нести свои обязанности по корпусу вяло и неохотно, надеясь, очевид-

² См.: ГА РФ. Ф. Р-6125. Оп. 1. Д. 4. Л. 17-22.

но, на скорую демобилизацию. Кадеты 3-й, младшей, роты не понимали происходившего и с детской беззаботностью продолжали шалить. Кадеты 2-й и особенно 1-й рот отнеслись к событиям «более сознательно»³. Неизбежное признание руководством корпуса Временного правительства было встречено старшей, 1-й ротой с пониманием. Кадет Лузанов даже отреагировал на соответствующее сообщение директора восклицанием: «Правильно!»⁴. Но никакого ликования по этому поводу, как в других учебных заведениях Омска, в корпусе не было [4, с. 196].

Революция привела к перебоям в снабжении корпуса и всего г. Омска предметами первой необходимости, прежде всего топливом и мукой. Из-за отсутствия топлива для корпусной электростанции корпус по неделям оставался без электрического освещения. Отчасти эти перебои в подвозе вызывались двоевластием, и, чтобы наладить снабжение, педсовету корпуса пришлось делегировать в образовавшийся Омский совет рабочих и военных депутатов преподавателя С.А. Жихарева. Послали своих представителей в местный совдеп и солдаты корпусной служительской команды⁵. Снабжение корпуса более — менее нормализовалось к концу марта⁶.

К середине марта 1917 г. педколлектив корпуса политически самоопределился. Открытыми монархистами остались трое: директор А.К. Зиневич, ротные командиры полковники Е.В. Руссет и В.И. Попов-Азотов. Большинство преподавателей и некоторые офицеры, в том числе инспектор классов полковник С.Ф. Забуга, записались в Омскую организацию Партии народной свободы (конституционных демократов)⁷. А.К. Зиневич вспоминал, что ему в дальнейшем не пришлось услышать в корпусе ни одного слова сочувствия к арестованной и затем перевезенной в Тобольск царской семье⁸.

Во второй половине марта группа педагогов (А.А. Незванов, С.А. Жихарев, А.Н. Клементьев, подполковник В.П. Петров) попыталась сместить директора корпуса, обвинив его перед новыми властями в монархизме и контрреволюционности. Сохранить свою должность А.К. Зиневичу помогло заступничество начальника штаба Омского военного округа генерал-лейтенанта барона А.А. фон Таубе, который увидел в выступлении вышеперечисленной четверки желание покви-

³ ГА РФ. Ф. Р-6125. Оп. 1. Д. 4. Л. 23.

⁴ Там же. Л. 24.

⁵ Там же. Л. 32.

⁶ Там же. Л. 34.

⁷ Там же. Л. 31.

⁸ Там же. Л. 35.

таться за прошлое с неугодным начальником, в свое время поставившим «в должные рамки распущенный корпусной состав»⁹. Осудило политическое выступление против директора и общее собрание воспитательно-преподавательского состава корпуса, после чего четверка принесла А.К. Зиневичу свои извинения.

После этого инцидента единственное, что несколько нарушало весной 1917 г. привычное течение жизни военно-учебного заведения, — это предоставление по требованиям областных властей помещений корпуса под разного рода политические собрания, имевшие иногда «весьма бурный характер» (например, в корпусе проходил Акмолинский областной съезд учителей)¹⁰.

Временное правительство взяло курс на реформирование военного образования, для чего в марте 1917 г. при Военном министерстве была создана соответствующая комиссия под председательством директора Педагогического музея военно-учебных заведений генерал-лейтенанта З.А. Макшеева, а в конце мая — начале июня 1917 г. в Москве был проведен Всероссийский съезд военно-учебных заведений¹¹. Дело шло к преобразованию кадетских корпусов в военные гимназии, на основах демилитаризации и полной бессословности, в духе милютинской реформы военного образования 1860-х — 1870-х годов. Между тем, реформу эту потомственное офицерство в целом оценивало отрицательно, многие считали, что милютинские военные гимназии гасили воинский дух Русской армии.

Воспитанники Одесского великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса разослали по другим корпусам послание, направленное против предстоящей военно-учебной реформы:

«Споемте, братцы, гимн прощальный
Лихим кадетским корпусам.
Теперь, друзья, официально
Мы приравняемся к «шпакам»¹².
Прощай, кадетская ты форма,
Прощай, наш доблестный мундир,
И уничтоженный реформой,
Прощай, наш ротный командир.
В замену наших офицеров,
Взамен занятий строевых
Понасылают нам «эсэров»,

⁹ ГА РФ. Ф. Р-6125. Оп. 1. Д. 4. Л. 33.

¹⁰ Там же. Л. 34.

¹¹ Объединение (Тверь). 1917. № 30, 9 июня. С. 3.

¹² Шпак — гражданский человек.

Хромых, убогих и слепых.
 Прощайте вы, смотры, парады,
 Традиции старые умрут.
 Не слышно будет «Звериады»¹³,
 «Гимназией» корпус назовут.
 Так сохранимте же, друзья,
 Хотя в сердцах наш дух кадетский,
 Пусть наша дружная семья
 Не дрогнет пред реформой зверской».

Первыми откликнулись на эти строки и прислали ответ из Омска, тоже стихотворный, сибиряки-александровцы (судя по содержанию, кадеты выпускного 7-го класса). Фактически, это был призыв к духовному сопротивлению:

«В годину тяжких испытаний
 Уходим мы из этих стен.
 Что с ними будет — мы не знаем,
 Их переделают совсем.
 Не станет корпуса родного,
 Но дух кадетский не умрет,
 Обычай славного былого
 Реформы все переживет.
 Пусть самый корпус перекрасят,
 В «шпаков» оденут всех кадет,
 Но не умрет с кадетской формой
 Наш им переданный завет.
 Под серой курткой гимназиста
 Кадета сердце будет жить,
 И «Звериаду», как и прежде,
 В священной целостности хранить.
 Переодетые кадеты,
 Сомкнитесь дружную семьей
 И в новом корпусе храните
 Традиционный старый строй»¹⁴.

В ряде кадетских корпусов после свержения императора началь-

¹³ «Звериада» (от «звери ада») — а) специальная песня кадет и юнкеров, в которой закреплялись неформальные отношения, правила и традиции кадетско-юнкерского братства; в разных корпусах и училищах были свои вариации, но единая основа сохранялась; б) богато оформленный рисунками альбом, в который записывалась «Звериада» и другие произведения неформального характера и который через специальный обряд передавался из поколения в поколение (от одного доверенного лица к другому).

¹⁴ Кадеты (Париж). 1948. № 2. С. 23.

ство проявило конформизм и смогло отчасти повлиять на кадет. Так, в Вольском корпусе воспитанников вывели на парад революционного гарнизона с красными бантами, в помещениях учебного заведения немедленно сняли и спрятали все царские портреты¹⁵. В Омске было не так. Здесь кадеты своими средствами действительно пытались сохранить на практике «традиционный старый строй». Они довольно долго игнорировали распоряжение о снятии с погон вензеля императора Александра I. Когда низшие служащие постановили убрать из корпуса все портреты и символику династии Романовых, кадеты не позволили им этого сделать. Во время богослужений в корпусном храме они по-прежнему молились о здравии Николая II и его семьи. Когда воинские части Омского гарнизона готовились к новому, «революционному», параду, в корпус прислали красное знамя с надписью: «Да здравствует свободная Россия!» Кадеты идти под этим стягом категорически отказались. На парад корпус вышел со своим корпусным значком, без каких-либо революционных символов типа красных бантов, розеток, цветов[4, с. 196, 198]. До конца 1916/1917 учебного года в 1-м Сибирском кадетском корпусе поддерживался традиционный порядок. Нормально окончив учебный год, кадеты разъехались на летние каникулы, а выпускной 7-й класс сразу отправился в военные училища[4, с. 199].

Июль — октябрь 1917 г. можно считать вторым периодом. В эти месяцы Временное правительство попыталось реформировать военно-учебные заведения. Однако эта попытка была сорвана Октябрьским переворотом.

Седьмого июля 1917 г. военный министр А.Ф. Керенский подписал «Положение по учебно-воспитательной части для гимназий военного ведомства». 1-й Сибирский кадетский корпус был переименован в Сибирскую гимназию военного ведомства, все императорские портреты и эмблемы из него были убраны, винтовки 1-й роты спрятаны в цейхгауз, а Юбилейное знамя, по распоряжению Главного управления военно-учебных заведений, было отправлено директором А.К. Зиневичем в Петроград [4, с. 200, 5, с. 2]. Воспитанники стали теперь гимназистами. Правда, сами они продолжали считать себя и называть в обиходе кадетами, а свое учебное заведение — корпусом. Старших в классах теперь следовало выбирать самим учащимся, а раньше они назначались начальством. Всем военным гимназистам разрешили носить прически. Погоны были заменены: вместо вензеля «А» с римской цифрой «I» и короной теперь на них был скромный трафарет: «ОмК» [6, с. 355] (ви-

¹⁵ Григоров К.М. Воспоминания // Архив автора. Гл. 7. Л. 1.

димо, использовали запасы старых погон образца 1907 года).

1917/1918 учебный год начался в Сибирской гимназии военного ведомства с инцидента, показавшего, по мнению А.К. Зиневича, расстановку политических сил внутри учебного заведения. Крайнее недовольство воспитанников вызвало то, что директор не только отправил Юбилейное знамя в столицу (кстати, ряд военных гимназий не выполнил это распоряжение Гувуза, благодаря чему они сохранили свои знамена), но и решил считать «корпусным флагом» красное полотно (видимо, то самое, вышеупомянутое — со словами «Да здравствует свободная Россия!»). Возмущенные кадеты тайно похитили и сожгли этот красный флаг. А.К. Зиневич усмотрел в этом поступке «глубокий сдвиг вправо корпусной молодежи»: «Таким образом, ясно как день, что параллельно протекают два процесса: глубокое полевение городских низов и солдат в городе (в том числе и корпусной служительской команды) и, наоборот, столь же значительное поправление воспитанников-кадет, быстро отрезвляющихся от революционного угара и начинающих уже открыто проявлять свое истинное отношение к революции, в самой отрицательной форме».

Боясь негативной реакции на этот акт со стороны Совдепов и вспышки слепой ярости толпы, полковник А.К. Зиневич сделал все, чтобы он не получил огласки за пределами учебного заведения. По приказу директора в корпусной мастерской немедленно было изготовлено «новое роскошное полотно», прибито к деревку от знамени и поставлено в директорском кабинете.

Затем в тот же день он провел заседание педколлектива, чтобы объяснить ему, а через него и учащимся, всю опасность подобных инцидентов «при царящем в городе видимом брожении народных масс». Собрание внешне вроде бы согласилось с директором, однако, когда он дал поручение воспитателям поговорить на эту тему с кадетами и убедить их не повторять подобного, то понял, что офицерам явно «не по душе эта задача». В то же время в лице гражданских преподавателей директор нашел «горячих союзников, недвусмысленно негодовавших на поступок кадет, позволивших себе так ярко проявить свою контрреволюционность», из чего он сделал вывод, что «преподавательский персонал» все еще стоит на позиции защиты достижений революции. «Однако общая опасность заставила всех держать язык за зубами, и инцидент не получил дальнейшей огласки»¹⁶.

А.К. Зиневич считал, что политический раскол между преподавателями и кадетами, чреватый неизбежными конфликтами между

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-6125. Оп. 1. Д. 4. Л. 35.

обоими лагерями, был налицо, что ставило его как директора в тяжелое положение. С одной стороны, он как официальный начальник обязан был подчиняться Временному правительству, а с другой — он не мог не считаться и «с настроениями кадет, способных погубить себя и весь корпус»¹⁷. Чтобы несколько охладить горячую молодежь, А.К. Зиневич решил искать поддержку со стороны родителей воспитанников. С этой целью по его инициативе при корпусе впервые был создан из «наиболее почтенных и известных лиц» родительский комитет, призванный «помогать удерживать равновесие среди различных политических течений, так ярко обнаружившихся в вопросе о корпусном знамени», помогать «регулировать взаимоотношения между различными корпусными группировками и влиять на воспитанников», а также способствовать положительному для учебного заведения решению различных вопросов вне его стен.

В педсовет корпуса родительским комитетом были делегированы два представителя: подполковник Фетисов и госпожа З., — которые регулярно стали навещать корпус, участвовать в заседаниях и на первых порах «своей корректностью и примирительным духом много способствовали умиротворению страстей». Найдя опору в родителях, директор А.К. Зиневич взял курс на политический нейтралитет корпуса, выставив свой «главный тезис»: «[...] Все для сохранения корпуса, устранения воспитанников от политических треволнений, т. е. нейтралитет учебного заведения во всем, кроме борьбы за его функционирование, в случае если бы из города начались выпады за его закрытие». Затея с родительским комитетом не понравилась офицерскому составу корпуса, в то время как преподавателями она была «принята довольно благосклонно, хотя и не без оттенка скептицизма». Кадеты же сначала были огорошены и колебались, как относиться к новшеству: считаться с голосом родителей или игнорировать их увещания. В целом педколлективу стало морально легче, т. к. в смутное, чреватое непредвиденными эксцессами время ему удалось переложить часть ответственности за детей на самих родителей¹⁸.

Значительное поправение кадет форсировалось их уличными конфликтами с хулиганами из городских низов, которых бесило то, что «романовские волчата» продолжали носить старую форму с погонами. Кадетам во время увольнений из корпуса, начиная с первых же дней сентября 1917 г., все чаще приходилось отстаивать «честь мундира» кулаками. Особенно доставалось младшим воспитанникам, ко-

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-6125. Оп. 1. Д. 4. Л. 35–36.

¹⁸ Там же. Л. 36.

торых, случалось, били и срывали с них погоны. Постепенно они перестали ходить в отпуск в выходные дни, а если шли, то группой и в сопровождении, «под прикрытием», старших кадет[4, с. 200].

Осень 1917 г. — это период развала «старой» армии. Омский гарнизон был одним из самых разложившихся и распущенных в России. Общее полевение и нарастание агрессивности городских низов и солдатской массы отрезвляюще подействовало на тех педагогов корпуса, которые поддерживали кадетскую и правосоциалистические политические партии. По словам корпусного делегата в Омском Совете рабочих и солдатских депутатов преподавателя С.А. Жихарева, члены Совдепа из интеллигенции стали чувствовать себя там «порою точно в пасти льва»¹⁹. Усиление агрессивности внешней среды привело осенью 1917 г. к тому, что «кадеты подтянулись и стали сами следить за дисциплиной, окружив офицеров особым почетом и уважением», честь им старались отдавать как можно более «отчетливо». Первыми во всей России сибиряки-александровцы прекратили устраивать офицерам и преподавателям «бенефисы», т. е. акты организованного демонстративного неповиновения начальству. Более того, семиклассники решили усилить дисциплину своими радикальными мерами, постановив за опоздание в строй или в церковь пороть. За эти проступки на «лобном месте» (коврике в уборной) давали по 25 «поясов» (ударов поясным ремнем по заднему месту)²⁰. В общегородскую организацию учащихся, занимавшуюся «углублением революции», кадеты вступить отказались и замкнулись в своем тесном кругу[4, с. 200].

1 (14) ноября 1917 г. — 22 (09) февраля 1918 г. — можно считать третьим периодом. Это было время пассивного сопротивления Сибирской гимназии военного ведомства установлению и мероприятиям советской власти.

Первого ноября 1917 г. с общего собрания офицеров и юнкеров 2-й Омской школы прапорщиков началось вооруженное выступление школы против местной «революционной демократии», поддержавшей Октябрьский переворот в Петрограде. Оно выразилось в арестах ряда лиц, захвате штаба Омского военного округа и склада с оружием одного из запасных полков, но не привело к боевому столкновению. В результате противостояния сторон и переговоров это выступление закончилось 3 ноября разоружением, а затем и расформированием школы без производства юнкеров в прапорщики[7, с. 84–88].

Выступление это застало кадетский корпус врасплох. Когда под-

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-6125. Оп. 1. Д. 4. Л. 35.

²⁰ Кадеты. Париж, 1949. № 2 (7). С. 40.

нятые Совдепом запасные батальоны двинулись на 2-ю школу прапорщиков, появилась информация, что солдаты хотят разоружить и кадет. Поскольку был слух, что в Петрограде юнкера оказывают восставшим большевикам упорное сопротивление, а А.Ф. Керенский стягивает к столице верные ему войска, кадеты решили поддержать вооружение выступление 2-й Омской школы прапорщиков в защиту Временного правительства. 1-я, строевая, рота корпуса самовольно вооружилась винтовками. Когда вечером 1 ноября полковник А.К. Зиневич пришел в помещение роты, то «застал кадет при оружии и по их возбужденному, воинственному виду» понял, что «они решили без боя не сдаваться». Директор усмотрел в этом «страшную опасность», т. к. «сопротивление сотни кадет против тысяч озверелых солдат было явно абсурдно и ничего, кроме гибели всех детей поголовно, принести не могло». А.К. Зиневич приказал немедленно сдать и отнести винтовки в цейхгауз, а кадетам тотчас же ложиться спать. Сам он с офицерами остался в прихожей у парадной двери, т. к. к тому времени уже имел точные сведения, что к корпусу для его разоружения направляется «целый батальон». К подходу «батальона» в корпусе наступило внешнее успокоение. Старшие классы, конечно, не спали, но все кадеты находились в своих постелях. Когда группа солдат «ввалилась в корпус», то встретила директора: «[...] Я, выйдя к ним на встречу, — писал А.К. Зиневич, — попросил не шуметь, чтобы не напугать спящих детей, после чего сам провел их к цейхгаузу с оружием, где и показал мирно стоящие в пирамидах винтовки, что сразу успокоило солдат, и они довольно тихо ушли с миром, заявив мне, что на днях за оружием будет прислано, так как корпусу больше их (винтовки. — В.Ш.) иметь не полагается». «Грозу пронесло мимо», «страшная опасность» миновала. Когда солдаты ушли, многие офицеры — «кажется, искренне» — благодарили директора «за сохранение корпуса от кровавой расправы»²¹.

Октябрьский переворот сплотил воспитательско-преподавательский персонал и кадет, но зато подняли головы вольнонаемная прислуга и солдаты. С установлением в Омске советской власти в корпусе произошла «глубокая метаморфоза». А.К. Зиневич по этому поводу писал: «[...] Ныне приходится уже воевать не с воспитательско-

²¹ ГА РФ. Ф. Р-6125. Оп. 1. Д. 4. Л. 36–37. Описывая события во время выступления школы прапорщиков, А.К. Зиневич сильно сместил даты (скорее всего, он запутался со стилями и вместо того, чтобы прибавить дни, отнял их, и к тому же ошибся на один день: отнял не 13, а 14 дней), что позволяет предположить, что его «Выписки из дневника» — не совсем дневник, а, как минимум, дополнены большими вставками мемуарного характера.

преподавательским персоналом, мгновенно присмирившими с наступившей переменой, а с корпусными служителями: вахтерами, швейцарами, уборщиками, фельдшерами, поварами и т. д. А главное, с солдатской командой, категорически заявившей, что буде им обслуживать кадет, что они могут и сами о себе позаботиться. Приходится теперь изворачиваться, как обслуживать даже столовую, так как никто не хочет больше прислуживать за столом, подавать пищу, переменять посуду, чистить ножи, вилки и ложки, а равно помогать поварам в чистке картофеля и т. д., что ставит нас почти в безвыходное положение»²². Более того, корпусные «товарищи» стали следить за каждым шагом офицеров корпуса²³.

Так называемая «демократизация» армии, начатая советской властью, обернулась для корпуса прежде всего тем, что родительский комитет и служительская команда начали «во все совать свой нос» и придираются к директору и воспитательно-преподавательскому персоналу, что привело в конечном итоге к расширению состава педсовета. Представительство в нем родительского комитета удвоилось. Затем в него были введены «выборные» от служительской команды и, наконец, — в последнюю очередь — от каждой кадетской роты; все — с правом решающего голоса.

Вследствие нарушения единоначалия во внутренней корпусной жизни «все пошло через пень-колоду». По словам А.К. Зиневича, не проходило дня, чтобы от него не требовали каких-нибудь, самых неожиданных, объяснений и не предъявляли неисполнимых требований. Кроме корпусных, досаждали еще и городские большевики, которые уже не просили помещения, а просто уведомяли, что в корпусе в такое-то время состоится тот или иной митинг или собрание, причем порой назначали мероприятия на учебные часы. Директору приходилось отпраиваться «в логовище зверя» и убеждать большевистских деятелей, что нельзя срывать учебный процесс. Служба для него превратилась «в сплошную каторгу»²⁴.

В декабре 1917 г. 3-й Западно-Сибирский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов постановил преобразовать Сибирскую гимназию военного ведомства в гражданское учебное заведение. А военнокорпусной комитет прислал в нее своего комиссара Н. Фатеева, члена ВОКома (бывшего прапорщика военного времени из студентов [4, с. 201, 6, с. 355]), который приступил к «демократизации» заведения и

²² ГА РФ. Ф. Р-6125. Оп. 1. Д. 4. Л. 37.

²³ Там же. Л. 38.

²⁴ Там же. Л. 38.

сбору материалов для предстоящей его реорганизации [8, с. 37].

На педсовете корпуса при обсуждении вопроса о комиссаре А.К. Зиневич первым согласился с его назначением, чем вызвал недовольство офицеров и преподавателей. Директор полагал, что «кто бы ни был назначен, он, естественно, проникнется интересами корпуса и станет на его защиту, что будет иметь больший вес и значение в глазах большевиков, чем все отстаивания его царским полковником». А.К. Зиневичу комиссар нужен был как посредник, предохраняющий корпус «от всяких нежелательных столкновений»²⁵. Однако в данном случае директор явно недооценивал большевиков: ни их далеко идущих планов по реформированию системы образования, ни того обстоятельства, что большевистские комиссары, стремясь осуществлять полный контроль, прежде всего добивались, чтобы любые приказы без их подписи силы не имели.

Согласно приказу ВОКома № 840 от 14 декабря 1917 г., все чины военного округа должны были снять погоны. Этот приказ вызвал «чуть ли не открытый бунт в корпусе», т. к. кадеты категорически отказались ему подчиниться. Потребовались длительные уговоры офицеров, избиение нескольких кадет солдатами в городе со срывом с них погон²⁶, наконец, ультиматум Н. Фатеева, пригрозившего закрыть заведение, если погоны немедленно не будут сданы в цейсгауз [5, с.2]. Лишь тогда воспитанники, ради нормального окончания учебного года, согласились снять погоны. Но подчинились они только наполовину. Кадеты устроили однодневный «бенефис» (небольшой беспорядок выразился в нарушении правил приема пищи: вместо обычных считанных секунд роты долго строились в столовую, а выходили из нее не организованно, а каждый кадет в индивидуальном порядке) [6, с. 355–356] и на следующий день провели «похороны погон». По одним данным, это была тайная ночная церемония²⁷. По другим — совершенно открытое, торжественное действо: с духовым оркестром, хором, траурной процессией, гробом и публикой [6, с. 356]. Похоронили погоны в нижнем саду корпуса, непосредственно примыкавшем к Иртышу [6, с. 356, 4, с. 203].

Снятие погон произошло 18 (31) января 1918 года. 7-й класс объявил этот день «Днем похорон погон». С тех пор неофициальная традиция запрещала 31 января танцевать, петь, играть и вообще веселиться. В этот день «трубам не играть, барабанам не бить»; все сиг-

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-6125. Оп. 1. Д. 4. Л. 38.

²⁶ Там же. Л. 37.

²⁷ Там же. Л. 38.

налы подавались звонками или голосом. Эта традиция соблюдалась до расформирования корпуса в Югославии в 1925 году [13, с. 105, 111].

Вечером следующего дня комиссар Н. Фатеев явился в 1-ю роту лично убедиться, что погоны сняты. Кадеты устроили ему «большую демонстрацию». По сигналу «к вечернему чаю» они пошли мимо комиссара не строем, как полагалось, а толпой. Причем каждый старался задеть его плечом или высказать в его адрес что-либо обидное. В результате Н. Фатеев был вынужден скрыться из помещения роты. После его ухода там мгновенно воцарился порядок [4, с. 203, 208].

Большевики не оставили кадетские демонстрации без ответа: нашли и вырыли погоны, облили их керосином и сожгли. Директору А.К. Зиневичу запомнилось, как сумрачно смотрели кадеты «на всю эту процедуру сожжения дорогих для них отличий»²⁸.

В рамках «демократизации» ВОКом прекратил отпуск средств на содержание корпусной церкви, учителей Закона Божия и танцев. Если в отношении церкви и танцев родительскому комитету разрешили самому, если сочтет нужным, найти на них деньги, то Закон Божий был совершенно изъят из преподавания. Штаты учебного заведения сократили. Уволили всех ротных командиров и часть офицеров-воспитателей (приказав им к 1 апреля освободить казенные квартиры в корпусе²⁹). Оставили только семь воспитателей. Директор А.К. Зиневич под предлогом несоответствия должности был отстранен (по его воспоминаниям, уехал из Омска в Петроград в разрешенный ему ГУВУЗом четырехмесячный отпуск по болезни³⁰) и вместо него родительским комитетом и педсоветом был избран и утвержден ВОКомом новый директор³¹, точнее, исполняющий обязанности: полковник С.Ф. Забуга [13, с. 3]. Ко всем этим новшествам кадеты относились враждебно, оказывая им пассивное сопротивление. Так, когда комиссар разрешил в храм не ходить, кадеты, наоборот, перестали ловчить, и все до одного смирно простаивали в корпусной церкви все службы. Тех, кто по лености пытался уклониться, строго преследовали сами воспитанники; и привычных ранее «уклонистов» не стало [4, с. 203].

Когда в Омске начал проводиться в жизнь декрет «О свободе со-

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-6125. Оп. 1. Д. 4. Л. 38.

²⁹ Западная Сибирь. Омск, 1918. № 2. С. 21.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р-6125. Оп. 1. Д. 4. Л. 38. В период гражданской войны полковник А.К. Зиневич вернулся в Сибирь. В 1920–1921 гг. он числился в составе Академии Генштаба на Русском Острове [23, с. 384, 400]. В эмиграции Зиневич жил в Китае, Югославии, Чехословакии.

³¹ Западная Сибирь. Омск, 1918. № 3. С. 37–38.

вести» и прошел слух, что большевики собираются грабить церкви, группа кадет решила охранять стоящий рядом с корпусом Войсковой Свято-Николаевский собор, получив на то согласие и благословение настоятеля собора отца Леонида Покровского. Ночами по два кадета, вооруженные револьверами (добыты частным образом), стали дежурить в запертом храме. Причем было условлено, что в случае нападения грабителей дежурные ударят в набат, и все кадеты выйдут на защиту собора³².

Около 11 часов ночи 18 (5) февраля 1918 г. к собору явился есаул Б.В. Анненков в сопровождении двух офицеров и трех казаков, который согласно ходатайству делегации прихожан Никольского собора и постановлению общего собрания партизан Отряда особого назначения Сибирской казачьей дивизии намеревался вывезти из храма в безопасное место, в станицы, казачьи реликвии. При посредничестве штабс-капитана Булатова, который, видимо, также явился охранять собор, кадеты выдали Б.В. Анненкову Знамя Ермака и другие реликвии, которые были погружены партизанами на тройку и под «сильным ружейным огнем» красногвардейцев вывезены из Омска — в станицу Захламинскую³³.

В ночь на 19 (6) февраля 1918 г. большевики, убив келейника, арестовали архиепископа Омского и Павлодарского Сильвестра. Около 4 часов ночи 19 февраля Войсковой собор вслед за другими храмами города ударил в набат. Кадеты хлынули из корпуса к собору. После молебна вместе с прихожанами они двинулись к Успенскому кафедральному собору — «на выручку архиепископа». На мосту через Омь красногвардейцы угрозой расстрела остановили шествие. Затем, когда красногвардейцы попытались разогнать вновь собравшуюся у Никольского собора толпу, вокруг него и на прилегающих улицах произошла грандиозная жестокая драка. В итоге кадеты, вооруженные цигелями³⁴, обратили в бегство красногвардейцев, орудовавших прикладами, но открыть огонь не решившихся. Утром стараниями воспитателей и учителей в корпусе начались учебные занятия [4, с. 205, 207; 16, с. 170–173].

Днем 19 февраля корпус был оцеплен войсками, в том числе матросами 1-го Северного морского карательного отряда латыша Запкусса. Красные открыли ружейный огонь по фасаду корпуса, бросили в

³² Западная Сибирь. С. 205, 207.

³³ ГИАОО. Ф. 1706. Оп. 1. Д. 218. Л. 473–475об.; Вольный казак (Омск). 1918. № 3, 23 (10) февраля. С. 3; [15, с. 288].

³⁴ Цигель — длинный металлический шест, с овальным навершием, для полотенца. Ставился в головах у каждой кадетской кровати.

окна несколько гранат (к счастью, обошлось без жертв) и затем ворвались в здание. Кадеты сопротивления не оказали, поскольку корпусные винтовки, смазанные маслом, давно были заперты, как и патроны, в цейхгаузе. Начался обыск и допросы [4, с. 207–208]. Омский Совдеп постановил в трехдневный срок расформировать и распустить три старших класса корпуса. 20 февраля педсовет был вынужден на это согласиться [14, с. 3]. 21 февраля большевики произвели в корпусе второй обыск. В результате двух обысков они изъяли из цейхгауза корпуса 18 трехлинейных винтовок, 13 однозарядных винтовок Бердана, 10 карабинов Сколера, патроны, а из корпусного музея — 13 старинных ружей [4, с. 207–208]³⁵. У офицеров отобрали револьверы и шашки. 22 (9) февраля 1918 г. воспитанники 5-го, 6-го и 7-го классов покинули корпус. Они разъехались по домам в своих кадетских шинелях и фуражках, но в «закамуфлированном» виде [6, с. 356], вероятно, чтобы избежать в дороге надругательств со стороны толпы.

23 февраля — 18 апреля 1918 г. можно считать четвертым периодом в истории корпуса. Это было время его «удушения» большевиками. С этой целью они изменили учебную программу. Классные занятия сократили с обычных шести часов в день до четырех. Появились «свободные уроки», когда отсутствовал учитель. В марте в корпусе начали формировать добровольческие части РККА с обучением стрельбе в корпусном тире и метанию боевых гранат на берегу Иртыша. Кадетам запретили ходить по плацу и нижнему саду. Видя развал учебного заведения, родители стали забирать детей, и к началу апреля число оставшихся кадет не превышало ста человек, в основном иногородних. Их свели в один возраст и поселили на третьем этаже, в бывшем помещении 3-й младшей роты. А первый и второй этажи превратили в казармы интернационалистов «международных социалистических партизанских отрядов» и красноармейцев [4, с. 210]. Педсовет корпуса решил закончить учебный год к 19 апреля и распустить детей на летние каникулы [14, с. 3].

В это время в корпусе фактически было коллегиальное управление: комиссар Маленко (бывший политссыльный [4, с. 208]), председатель педсовета Забуга и председатель комитета вольнонаемных служащих Белоконев³⁶. Оставшиеся кадеты держались сплоченно. Функции 7-го класса, хранителя традиций, взяли на себя как самые старшие четвероклассники. Они всемерно поддерживали воинскую дисциплину и всячески противодействовали комиссару [4, с. 210]. Пе-

³⁵ Омский вестник. 1918. № 48, 15 (02) марта. С. 1.

³⁶ Там же.

ред Пасхой кто-то из кадет нашел в саду забытый красноармейцами красный флаг и повесил его в туалете. От массового наказания кадет спасло смелое заступничество старого корпусного дядьки Яшкина, который своими укорами прервал поток нецензурной брани комиссара, построившего всех кадет и угрожавшего им экзекуцией, если не выдадут виновного.

19 апреля — август 1918 г. — это пятый период, который можно охарактеризовать как межвременье, в конце которого корпус как учебное заведение прекратил свое существование. В апреле кадеты разъехались по домам, осталось лишь человек 15 сирот, временно расположенных в гимнастическом зале [4, с. 211]. В мае 1918 г. президиум Западно-Сибирского Совдепа решил окончательно расформировать корпус, для чего создал ликвидационную комиссию, а оставшихся кадет перевели в пансион одной из местных гражданских гимназий³⁷.

Изгнанные из корпуса и возвратившиеся в свои города кадеты-омичи, особенно трех старших классов, в силу товарищеской спайки, межклассной субординации и теснейших связей с офицерской средой представляли собой готовые ячейки для тайных военных организаций. Летом 1918 г. они в составе многих частей Сибирской армии воевали против большевиков, но особую роль сыграли в формировании трех партизанских отрядов: есаулов И.Н. Красильникова и Б.В. Анненкова под Омском (оба отряда развертывались в июне 1918 г. на базе кадетского корпуса) и штабс-ротмистра Э.Г. фон Фрейберга под Ачинском. В боях с большевиками погибли семиклассники Константин Одинцов, убитый в разведке под станцией Гольшманово (28–29 июня 1918 г.) [4, с. 297, 404, 17, с. 40.]³⁸, и Владимир Рагозин, зарубленный в конной атаке анненковцев под Белорецким заводом (12 июля 1918 г.) [4, с. 305; 18, с. 319]³⁹. 18 сентября 1918 г. в Омске на кадетском участке Казачьего кладбища был похоронен кадет 5-го класса Георгий Иванов 18-й, убитый в бою под г. Камышлов. В боях участвовали и более младшие кадеты. У И.Н. Красильникова, наряду со старшеклассниками, был весь 4-й класс, ростом ниже своих винтовок. В 1918 г. вступил в отряд Б.В. Анненкова и был ранен третьеклассник Николай Малык [4, с. 297, 14, с. 3].

Конец августа 1918 г. — июль 1919 г. — шестой период в истории корпуса. На это время пришлось его восстановление и функциониро-

³⁷ Омский вестник. 1918. № 102 от 26 (13) мая. С. 2.

³⁸ Омский вестник. 1918. № 131 от 2 июля (19 июня). С. 1.

³⁹ Русская армия (Омск). 1919. № 146, 11 июля. С. 2.

вание в Омске при Временном Сибирском и Российском правительствах, почти что на дореволюционных, за исключением монархических символов, основаниях. 31 августа 1918 г. в должность директора 1-й Сибирской гимназии военного ведомства вступил генерал-майор В.Д. Нарбут (1873–1945), занимавший ее затем до 1921 года [19, с. 363]. Уволенные большевиками ротные командиры, офицеры-воспитатели и преподаватели были возвращены на прежние должности [4, с. 212]. 6 сентября кадетам, как и всей Сибирской армии, вернули погоны. Наконец, 16 сентября 1918 г. молебном в корпусном храме начался новый учебный год [14, с. 3].

Хотя командование требовало от воинских начальников откомандировать всех детей для возобновления учебы и был соответствующий приказ по Сибирской армии [4, с. 305], тем не менее, далеко не все кадеты вернулись в корпус. Так, остался в армии младший брат Логин из знаменитой семьи Пепеляевых, давших контрреволюции Анатолия и Виктора Николаевичей. Вместе с братом Анатолием Логин работал в томском подполье и участвовал в походе на восток, где при столкновении паровозов получил увечья. Едва поправившись, вместо того, чтобы возвратиться в кадетский корпус, Л.Н. Пепеляев поступил добровольцем в Томский гусарский полк и со своим подразделением, приданным Партизанской бригаде полковника И.Н. Красильникова, снова уехал на восток. Этот восемнадцатилетний юноша, подававший большие надежды как художник, был смертельно ранен в голову во время атаки на красных партизан 1 января 1919 года⁴⁰.

Особенностью 1918/1919 учебного года стало то, что в корпус явилось около ста кадет других корпусов. Они предьявляли в канцелярии свои отпускные билеты и просили о зачислении в списки корпуса. Сначала их прикомандировывали, а потом и перевели. Особенно большой приток таких кадет со стороны был во 2-ю роту (средний возраст). Из-за перегруженности 5-го класса пришлось создать в нем дополнительное 3-е отделение, в которое и зачисляли всех прикомандированных. Кадеты-омичи в шутку прозвали его «иностранным отделением» [4, с. 308].

Другой особенностью было то, что учебному заведению вернули не все его помещения. На третьем этаже корпуса размещалась русская контрразведка во главе с полковником, состоявшим на русской службе чехом; большинство солдат этой контрразведки составляли также чехи [6, с. 357]. Начальник военного контроля полковник Иозеф Иозефович Зайчек не только работал, но и жил на 3-м этаже кадетского

⁴⁰ Сибирская речь (Томск). 1919. № 7, 12 января. С. 2.

корпуса⁴¹. Помещение 2-й роты занимал особый отряд чехословаков. Они же, чехи, содержали своих раненых в корпусном лазарете [4, с. 214] и занимали его, как минимум, до апреля 1919 года⁴².

С приходом к власти адмирала А.В. Колчака 1-ю Сибирскую гимназию военного ведомства переименовали в 1-й Сибирский кадетский корпус (в феврале 1919 г.) и вернули ему прежнюю строевую организацию. 1-й роте выдали винтовки и боевые патроны [4, с. 213]. Всю зиму 1918–1919 гг. эта рота не только училась, но еще и несла караульную службу у дворца генерал-губернатора, где располагались кабинет и канцелярия Верховного правителя и заседал Совет министров. В караул назначалось по 11 человек, кадеты стояли на трех постах [6, с. 356–357].

Во время большевистского восстания в ночь на 22 декабря 1918 г. 1-ю роту подняли по тревоге и выставили от нее караул к корпусной электростанции. Часовых пришлось менять каждые 15 минут, т. к. мороз был около 40 градусов. Рота прокараулила всю ночь, готовая выступить на поддержку гарнизона, но ее так никуда и не послали. Утром 22 декабря роте привезли на грузовике полушубки и шапки-ушанки. Два — три дня она пробыла в боевой готовности, а потом вернулась к нормальному учебному процессу [6, с. 357].

В начале 1919 г. в 5-м классе, восхищенном подвигами Б.В. Анненкова, возник сговор с целью побега на фронт к атаману. В феврале «заговорщики» группами по два — три человека самовольно покинули корпус и собрались в Семипалатинске, где вступили добровольцами в Азиатский батальон 3-го Сводно-партизанского пехотного полка Партизанской дивизии. После переброски этого полка в Екатеринбург из кадет в нем была сформирована команда разведчиков под началом кадета-омича Александра Вахрушева, участвовавшая в ряде боев на Урале. В одном из них, под Богоряками, был убит кадет 5-го класса Борис Тилле. В конце июля 1919 г. по приказу свыше кадет откомандировали из полка обратно в корпус [4, с. 297, 305].

На военных парадах, которые часто происходили в столичном Омске, 1-й Сибирский кадетский корпус всегда был первой частью, проходившей перед Верховным правителем церемониальным маршем. А.В. Колчак не упускал корпус из поля своего зрения, участвовал в судьбе как всего учебного заведения, так и отдельных кадет. Когда 20 апреля 1919 г. покончил жизнь самоубийством кадет 6-го класса Евгений Дурново, директор генерал В.Д. Нарбут 24 апреля и 10 мая

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.

⁴² ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 62. Л. 103.

1919 г. писал рапорты по этому делу лично А.В. Колчаку⁴³. Известно повеление Верховного правителя о принятии в корпус на казенный счет, в изъятие общих правил, 16-летнего ученика 4-го класса Пермского реального училища Леонида Темникова — сироты, сына замученного большевиками начальника Мотовилихинского завода горного инженера Ивана Никаноровича Темникова⁴⁴.

Корпус находился совсем рядом с резиденцией Верховного правителя, и адмирал иногда бывал на службах в корпусном храме; при посещениях заведения он неоднократно имел беседы с кадетами [4, с. 214]. В воспоминаниях из этого своего общения с Верховным правителем питомцы корпуса делали вывод, что Александр Васильевич «очень любил кадет и внимательно к ним относился»⁴⁵. Последние, несомненно, отвечали ему взаимностью. Поэтому в 1920 г. они так тяжело восприняли известие о расстреле своего верховного вождя, прибавив к неофициальным корпусным традициям еще один траурный день — 7 февраля. Уже в эмиграции, в Югославии, у них возникла традиция собирать в этот день, как они говорили, «в день смерти нашего адмирала Колчака», тридцать русских серебряных монет и отсылать их во французскому генералу М. Жанену, как Иуде Искаротскому, за предательство «на смерть большевикам» Верховного правителя России [20, с. 50].

В мае 1919 г. 1-й Сибирский кадетский корпус благополучно закончил учебный год. Выпускной класс отправился на Томские военно-училищные курсы [4, с. 216]. Вместе с кадетами, окончившими Иркутский корпус, омичи составили в нем 3-ю роту полковника Вишневецкого и уже в июле, после трехмесячного курса, были произведены в подпоручики; почти все они попали на укомплектование офицерского кадра 2-го полка Добровольческой дивизии генерала П.П. Крамаренко [21, с. 38].

Остальным кадетам предоставили летний отпуск, и многие летом 1919 г. разъехались «на каникулы» не по домам, а в строевые части. Наиболее яркий пример — кадет Павел Дмитриевич Афанасьев (?–1932, г. Гирин, Китай), сын есаула Афанасьева, в Мировую войну командира Ишимского отделения конского запаса. В 1918 г., будучи добровольцем в Ишимском отряде Западно-Сибирской армии, он был ранен в бою под станцией Голышманово и из-за этого лишился правой руки. Тем не менее, отучившись в корпусе 1918–1919 учебный

⁴³ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 62. Л. 165–165об.

⁴⁴ См.: ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 62. Л. 402–409, 421.

⁴⁵ Там же. С. 213.

год, вновь ушел на фронт. Стреляя с одной левой руки, он получил за отличия первый офицерский чин. Корпус окончил лишь в 1921 г. на Русском Острове. Несмотря на инвалидность, П.Д. Афанасьев продолжил военную службу и отступил с Земской ратью в Китай в чине хорунжего [24, с. 26]⁴⁶.

Осенью 1918 г. в Сибирский корпус поступило много воспитанников из кадетских корпусов Европейской России, потерявших связь с родными и знакомыми. Они вынуждены были остаться на лето 1919 г. в корпусе. Часть из них, более старших, привлекли к военной подготовке гражданского населения Омска, введенной по приказанию А.В. Колчака. Свободные от этих занятий младшие кадеты выполняли в Главном штабе некоторые функции нижних чинов, отправленных на фронт. В июне помещение 1-й роты корпуса было предоставлено для расквартирования юнкеров 1-го Омского артиллерийского училища [4, с. 216].

Конец июля — конец августа 1919 г. — это седьмой период 1-го Сибирского кадетского корпуса, включающий в себя его эвакуации из Омска на Русский Остров под Владивостоком.

Приближение фронта и перегруженность Омска заставили срочно эвакуировать корпус на восток. Кадет телеграммами собрали к 25 июля в Омск⁴⁷. Эшелон корпуса выехал из Омска 30 июля. В нем вместе со всеми офицерами (и их семьями) и кадетами эвакуировалась на восток и часть преподавателей корпуса (также с семьями). Вагонов дали мало, поэтому корпус увез с собой лишь самое необходимое и то в весьма ограниченном количестве. Пришлось оставить в Омске даже большую часть учебников, не говоря уже про фундаментальную библиотеку [22, с. 13]. 27 августа 1919 г. 1-й Сибирский кадетский корпус благополучно прибыл во Владивосток⁴⁸.

Сентябрь 1919 — январь 1920 г. — восьмой период, время более-менее нормального функционирования 1-го Сибирского кадетского корпуса на Русском Острове, продолжавшегося до падения колчаковского режима в Приморье.

Из Владивостока корпус был перевезен на Русский Остров и размещен в бывшем военном городке 9-й Сибирской артиллерийской бригады, недалеко от пристани Подножье [13, с. С. 105]. Быстро обустроившись на новом месте, корпус приступил к учебным занятиям.

⁴⁶ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 2. Л. 8; Сибирский казак (Харбин). 1932. 19 декабря.

⁴⁷ Русская армия (Омск). 1919. № 153, 20 июля. С. 3; За Родину (Семипалатинск). 1919. № 42, 20 июля. С. 1.

⁴⁸ Сибирская речь (Омск). 1919. 31 августа.

Вследствие падения курса колчаковских денег, резкого подорожания продуктов питания и отсутствия дополнительных ассигнований от казны в корпусе произошла экономическая забастовка обслуживающего персонала, состоявшего тогда из военнопленных Мировой войны. Немцы и венгры потребовали себе условий жизни, одинаковых с кадетскими. Пойти на это руководство корпуса не могло, прежде всего по причине отсутствия финансовых средств. Пришлось отказаться от услуг военнопленных. Кадеты взяли все их функции на себя. Наряды на работы, конечно, отрывали от занятий и нарушали размеренность учебного процесса [5, с. 14].

Армии нужны были офицеры, и выпускной 7-й класс (93-й выпуск — 1920 года) готовили ускоренным темпом и выпустили в конце декабря 1919 г. Большинство выпуска уехало в январе 1920 г. в Читинское атамана Семенова военное училище [4, с. 222].

31 января 1920 г. — 26 мая 1921 г. — девятый период жизни корпуса, происходившей под «розовой» земской властью Приморья, когда вследствие краха колчаковского режима и благодаря присутствию на Дальнем Востоке японских интервентов корпус пережил на Русском Острове еще один, но растянутый по времени «революционный цикл».

В результате восстания во Владивостоке 31 января 1920 г. образовалось местное правительство: «Приморская областная земская управа» во главе с эсером А.С. Медведевым, в создании которого участвовали и коммунисты. Для 1-го Сибирского кадетского корпуса это сразу же обернулось разоружением.

Ранним утром 31 января 1920 г. трубач 1-роты кадет Д.И. Грибановский перед тем, как дать сигнал побудки, подошел к окну посмотреть погоду и чуть не ахнул. Корпус был окружен, судя по английской форме, юнкерами Владивостокской учебно-инструкторской школы, которая дислоцировалась тут же, на Русском Острове. На здание 1-роты было нацелено шесть — восемь пулеметов. Первой реакцией трубача было сыграть общую тревогу, но потом он решил обратиться к дежурному офицеру-воспитателю. Капитан Сомов, «исключительно хороший офицер и атлет», быстро оценив обстановку, приказал Д.И. Грибановскому поднять роту не по тревоге, а «индивидуально, без шума». Сам же отправился на улицу для ведения переговоров. Сомов предположил, что во Владивостоке произошел переворот и что, коль оцепили корпус, должна быть депутация. Кто-то же должен уговаривать сдать. Капитан не ошибся. Депутация была, только перепутала здания и вломилась в 3-ю роту — к «малышам».

Корпус окружили солдаты местного батальона и юнкера учебно-инструкторской школы. Они сообщили о свержении колчаковской

власти во Владивостоке и потребовали, чтобы корпус немедленно сдал все вооружение. Оружие у корпуса имелось, но патронов было мало. Пулеметов — всего четыре. Причем это были Митральезы, незадолго до того переданные уходившими из России французскими интервентами. Кадеты еще не знали их устройства и ни разу не стреляли из таких пулеметов. Корпус не был готов к серьезному, тем более неравному бою. Конечно, среди кадет нашлись бы горячие головы. Но корпусное начальство не могло пойти на такую безответственную глупость. Во избежание напрасного кровопролития директор корпуса генерал-майор В.Д. Нарбут приказал офицерам и кадетам сдать все оружие.

Во время сдачи оружия между юнкерами и кадетами установились «довольно милые отношения». Юнкера стыдливо объясняли безвыходность своего положения. Кадеты молча помогали носить оружие к грузовикам. Все это сопровождалось такой небрежностью, что им удалось стащить и спрятать в дуплах деревьев шесть карабинов. Юнкера недосчитались, произвели обыск спальни и чердака 1-й роты, но ничего не нашли и уехали. Кроме указанных карабинов, корпус сдал все прочее оружие вплоть до штыков⁴⁹.

После разоружения в корпус зачастили агитаторы. Явилась даже целая делегация от новой власти. Собрав всех кадет, делегаты долго ругали белые порядки и уговаривали поддержать «земскую управу». Кадеты молчали. Революционная агитация на них не действовала. Корпус посетил и новый комендант Владивостокской крепости эсер А.А. Краковецкий. 4 февраля 1920 г. А.А. Краковецкий первым делом потребовал от выстроенного на плацу кадетского корпуса, чтобы на приветствие личный состав отвечал не по воинскому уставу, а по граждански. Кадеты подчинились и ответили ему: «Здравствуйте!» Потом комендант приказал снять погоны, кокарды и надеть на головные уборы красные звезды. В случае неповиновения грозил прекратить выдачу продовольствия или вообще разогнать заведение. Пришлось кадетам, после уговоров офицеров-воспитателей, подчиниться. Так у кадет-омичей, наряду с 31 января, появился еще один траурный день: день вторичного снятия погон 4 февраля [13, с. 111].

Затем Приморское областное земское правительство А.С. Медведева взялось за «демократизацию» корпуса, преобразовав его в военную гимназию. Потом в учебном заведении появился комиссар и взялся за «углубление революции». Механизм пассивного сопротивления кадетского товарищества остался прежним: когда были отме-

⁴⁹ Архив автора. Письмо Д.И. Грибановского от 18 мая 1995 г.

нены обязательные церковные службы и Закон Божий, 7-й класс сразу же запретил всем кадетам всякое «ловченье» от посещения корпусного храма и уроков Закона Божьего.

Это время жизни под «розовой» приморской властью отличалось от подобного периода 1917 — первой половины 1918 г. главным образом мизерностью финансирования и полуголодным существованием [4, с. 226–227]. Весной 1921 г., чтобы избежать настоящего голода, директор В.Д. Нарбут был вынужден пойти на большой риск: тайно от властей послал за границу командира 1-й роты полковника В.И. Попова-Азотова за помощью к атаману Г.М. Семенову. Последний реально помог: через торговую фирму-посредника прислал два вагона продовольствия [4, с. 230].

В январе 1921 г. областное правительство передало военно-учебное заведение из военного ведомства в отдел народного образования с соответствующим сокращением штатов и учебных программ и распорядилось закончить учебный год к 1 апреля, выпустив сразу два класса: не только 7-й, но и 6-й, так как в преобразованном в гражданское заведении предполагался шестилетний курс обучения. К счастью, руководству военной гимназии удалось перенести срок окончания учебного года и выпуска на 1 июня 1921 года [4, с. 230].

Интернированные белые при молчаливом согласии японцев готовили переворот. Первую попытку они предприняли в ночь на 31 марта 1921 г. В последний момент выступление было отложено. Однако не все боевые группы успели об этом предупредить. Отряд, сосредоточившийся для захвата железнодорожного вокзала Владивостока, перешел в наступление, но был встречен огнем и с потерями отступил. В этот отряд входили и кадеты-омичи. Один из них, вице-унтер-офицер Михаил Блосфельд, выпускник 1920 г., оставшийся при корпусе, был в том неудачном деле смертельно ранен. Его похоронили на Русском Острове — на Кадетском кладбище возле бухты Бабкина [4, с. 230].

26 мая 1921 г. — 25 октября 1922 г. — последний, десятый период в жизни корпуса. Это было время нормального функционирования 1-го Сибирского кадетского корпуса на Русском Острове при белых режимах Приморья вплоть до эвакуации учебного заведения из России.

Военный переворот 26 мая 1921 г. спас заведение. Образовавшееся во Владивостоке Временное Приамурское правительство С.Д. Меркулова вернуло ему название 1-й Сибирский кадетский корпус, ротную организацию, винтовки 1-й роте и т. д. 94-й выпуск разъехался по воинским частям, а затем был собран в открытое осенью 1921 г. на Русском Острове Корниловское военное училище. Генерал В.Д. Нарбут был

назначен инспектором классов этого училища, а 1-й Сибирский кадетский корпус принял от него полковник Е.В. Руссет, 19 декабря 1921 г. произведенный в генерал-майоры [4, с. 231].

Особенностью 1921/1922 учебного года был наплыв в корпус, особенно в 3-ю роту, сыновей беженцев и жителей Владивостока. Офицерско-преподавательскому составу пришлось много времени и сил уделять тем, кто отстал или «разболтался». Среди поступивших владивостокцев оказались двое, пристрастившихся к наркотикам. Кадетская среда быстро отреагировала на это новое для нее явление: старшекласники выпороли наркоманов, которые после такого позора оставили корпус. В 1923 г. кадеты-омичи записали в свою «Звериаду» новое требование: запрет на употребление наркотиков [13, с. 111–112].

Последний на родине 95-й выпуск корпуса пошел весной 1922 г. частично в Корниловское военное училище и гардемаринами во флот, частично — в армию и пограничную стражу [4, с. 233–234]. Вероятно, в 1922 г. с приходом к власти генерала М.К. Дитерихса и в связи с его монархическим экспериментом корпусу официально вернули имя императора Александра I.

В связи с падением белого Приморья корпус 25 октября 1922 г. на судах Сибирской военной флотилии был эвакуирован из России. На Русском Острове остались несколько офицеров (инспектор классов полковник С.Ф. Забуга, командир 3-й роты полковник А.И. Котляревский и др.) и большинство преподавателей с их семьями, а также большая часть кадет 3-й роты. «Мальши» остались не по своей воле. Начальство не осмелилось брать с собой в эмиграцию, в неизвестность, детей, у которых не было отцов в оставлявшей родину Земской рати. Их решили перевести во владивостокские приюты. Когда корабли снялись с якоря, кадетские оркестры Сибирского и Хабаровского корпусов грянули «Боже, Царя храни» [4, с. 237–239].

Почти два года провел корпус в Шанхае, сделав два выпуска (96-й и 97-й). В 1924 г. двумя партиями, в феврале и ноябре, Сибирский и Хабаровский кадетские корпуса на пароходах были перевезены из Китая в Югославию, где 1 февраля 1925 г. в г. Сплит оба корпуса были расформированы, а кадеты и выпускники — распределены по уже существовавшим в Югославии русским эмигрантским кадетским корпусам и другим учебным заведениям. Последний год корпусом руководил в качестве временно исполняющего должность директора полковник В.И. Попов-Азотов.

* * *

Разномыслие между гражданскими преподавателями и офицерами корпуса, обнаружившееся вследствие Февральской революции,

после Октябрьского переворота сошло на нет, и в 1918–1922 гг. личный состав корпуса почти единодушно, за исключением части низших служащих, был на стороне белого движения. Если корпусные офицеры, чувствовавшие ответственность за вверенных им воспитанников, а также за собственные семьи, в военно-политических событиях держались пассивно, выжидательно-нейтрально, то кадеты со свойственными отрочеству и юности горячностью, максимализмом приняли живейшее участие в вооруженной борьбе. Корпус дал белым режимам, в их военные училища, четыре выпуска.

В агрессивных внешних условиях противоречие между кадетским сообществом и воспитательно-преподавательским составом отошло на задний план, что обусловило отказ самих кадет от «бенефисов». «Корпусная семья» продемонстрировала в революционных событиях большую внутреннюю спайку, обеспечивавшуюся как духовной близостью между постоянным и переменным составами, так и неформальными отношениями в кадетской среде: внутриклассным товариществом и взаимопомощью, строгой ротной-возрастной иерархией, «подтягиванием» младших старшими, гегемонией старшего 7-го класса. Механизм укрепления самодисциплины был прост и эффективен. Поведение кадет жестко контролировалось теневой властью корпуса — «майоратом», состоявшим из пяти-шести семиклассников — «майоров». Из его поля зрения ничего не ускользало, и наказывал он жёстче, чем власть официальная, вплоть до телесных наказаний [6, с. 354, 355, 357]. Но никакие «пояса» или «кошки» (имеется в виду порка поясными ремнями и ножами от штыка) не помогли, если бы корпусных офицеров и всех кадет не объединяли ценности, воспитываемые русской военной школой, главными из которых всегда были любовь к родине, честь, товарищество и дисциплина.

Литература

1. *Лихотворик А.А.* Русская армия в Великой войне: Картотека проекта. [Электронный ресурс]. <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=2227>. Дата обращения: 30.10.2014.
2. Российские императорские кадетские корпуса к 1917-му г. // Кадеты (Париж). 1949. № 8.
3. Краткий исторический очерк Первого Сибирского императора Александра I кадетского корпуса. 1813–1913. М., 1915.
4. Первый Сибирский императора Александра I кадетский корпус. Шанхай: Издание Общества бывших воспитанников корпуса в г. Шанхае, 1940.
5. *Марков С.В.* Краткий исторический обзор I-го Сибирского императора Александра I кадетского корпуса // Военная быль (Париж). 1969. № 96.
6. *Григорьев К.М.* «Летал я как песчинка по случайным маршрутам трех континентов...» Из воспоминаний // «Жизнь — Родине, честь — никому!» Омский

- кадетский корпус. 1813–2013. Ист. очерки и материалы. [Омск, 2013].
7. *Басов М.* К истории юнкерских восстаний в Сибири // Сибирские огни. Новоиколаевск, 1922. № 4.
 8. Очерк деятельности Омского военно-окружного комитета, избранного 3-м Западно-Сибирским областным съездом Советов рабочих и солдатских депутатов за время от 11-го декабря 1917 г. по 31 января 1918 г. (доклад тов. Рускиса) // Западная Сибирь. Омск, 1918. № 3.
 9. *Волкова М.В.* Красивый жест // Сибирский казак (Харбин). 1932. 19 декабря.
 10. *Волкова М.В.* Красивый жест // Часовой. 1933. № 97.
 11. *Волкова М.В.* «Кадетская проделка» // 2-я батарея 1-го Сибирского казачьего конно-артиллерийского дивизиона / Сост. Е.М. Красноусов. Брисбен, 1958.
 12. *Арсеньев А. (Митропольский-Несмелов А.И.).* Как они хоронили свои погоны. Из жизни кадет Омского корпуса в 1918 году // Луч Азии (Харбин). 1941. № 10.
 13. *Соколов В.А.* Первый Сибирский императора Александра I кадетский корпус: 175 лет со дня основания 1 мая 1813 года // Кадетская переключка (Нью-Йорк). 1989. № 47.
 14. *Цветкова Г.* «Мы — дети страшных лет России...» // Вечерний Омск. 1992. 13 августа.
 15. *Вибе П.П.* К вопросу о похищении Анненковым знамени дружины Ермака // Известия Омского гос. историко-краевед. музея. № 14. Омск, 2008.
 16. *Шулдяков В.А.* К предыстории «анненковщины»: Отряд особого назначения Сибирской казачьей дивизии в марте 1917 — феврале 1918 года // Недбаевские исторические чтения. Омск, 2008.
 17. *Симонов Д.Г.* Белогвардейские вооруженные формирования на Тюменско-Шадринском направлении летом 1918 г. // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 1. Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны. Новосибирск, 1997.
 18. 2-я батарея 1-го Сибирского казачьего конно-артиллерийского дивизиона / Сост. Е.М. Красноусов. Брисбен, 1958.
 19. *Купцов И.В., Буюков А.М., Юшко В.Л.* Белый генералитет на Востоке России в годы гражданской войны. Биографический справочник. М., 2011.
 20. *Приходкин Б.Д.* Тридцать серебряников: Плата за предательство // Кадеты (Париж). 1950. № 11.
 21. *Еленевский А.П.* Военные училища в Сибири // Военная быль (Париж). 1963. № 63.
 22. *Мелик-Нубар М.* Эвакуация Сибирского императора Александра I кадетского корпуса из Омска // Военная быль (Париж). 1958. № 32.
 23. *Ганин А.В.* Военная академия на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 14. М., 2013.
 24. *Баженов А.Д.* Юные герои // Первый в Сибири кадетский корпус (1813–1933). Харбин, 1934.

Д.Н. Шевелев

Томский государственный университет

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ПРОПАГАНДИСТСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ
ВРЕМЕННОГО СИБИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
(КОНЕЦ МАЯ — НАЧАЛО НОЯБРЯ 1918 Г.):
ОТ ЗАМЫСЛОВ К ВОПЛОЩЕНИЮ***

В статье рассматривается начальный (конец мая — начало ноября 1918 г.) этап развития правительственных органов информации и политической пропаганды белой Сибири. Эсеры, игравшие в формирующихся властных структурах Сибири в это время ключевую роль и к тому же обладавшие богатым опытом пропагандистской работы, активно взялись за нацеленную на борьбу с большевиками идейную мобилизацию общества, предусматривавшую и определенную корректировку политических настроений населения. В первой половине июня 1918 г. создаются первые органы, перед которыми ставились задачи информационного обеспечения государственной власти и ведения политической пропаганды: правительственное информационное бюро и отдел по формированию добровольческой народной армии. Несколько позднее началось формирование осведомительных структур в Сибирской армии. Цель исследования заключается в выявлении основных тенденций формирования и развития правительственного аппарата осведомления и политической пропаганды в этот период. В статье анализируются проекты создания государственных информационно-пропагандистских учреждений, их структурная, организационная и функциональная трансформация. Автор приходит к заключению о том, что в организации «правильной» информации правительственные учреждения добились определенных результатов: в городах востока России (от Екатеринбурга до Якутска и Владивостока) сформировалась сеть корреспондентов Сибирского телеграфного агентства, начал издаваться «Сибирский вестник». Информационное бюро собирало и анализировало материалы периодической печати, снабжало заинтересованные министерства и ведомства сведениями о положении дел на местах. Однако влияние этой информации на принятии решений было минимальным. Гораздо сложнее дело обстояло с организацией на государственном уровне политической пропаганды. В целом же действовавшие сами по себе осведомительные органы белой Сибири не представляли собой единую систему, масштабы их пропаган-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00395.

дистской деятельности были невелики, а влияние на местном уровне — достаточно ограниченным.

Ключевые слова: Сибирь, гражданская война, белое движение, Временное Сибирское правительство, политическая пропаганда.

В настоящее время хорошо известно, что гражданская война в России являлась обусловленным острыми политическими, экономическими и социальными противоречиями широкомасштабным вооруженным противостоянием в рамках которого «красные» и «белые» отстаивали альтернативные модели будущего общественного устройства страны. При этом как одна, так и другая сторона остро нуждались в массовой поддержке населения, расширении своей социальной базы. В такой ситуации и большевикам и их противникам необходимы были новые политические технологии, административные практики, благодаря которым, с одной стороны, можно было не только контролировать действия отдельных противников режима или оппозиционных партий, но и осуществлять надзор за настроениями населения в целом. С другой же — позволявшие не просто массово воспроизводить господствующие идеологические установки, а сильнее, чем прежде, воздействовать на людей, изменяя их политические настроения.

Первая мировая война наглядно продемонстрировала возросшую роль политической пропаганды в жизни общества и государства. «Во время войны, — писал известный американский политолог Г.Д. Лассуэлл, — пришлось убедиться, что мобилизация людей и средств оказалась недостаточной. Потребовалась мобилизация мнений. Власть над мнением, — так же, как над жизнью и имуществом, — перешла в официальные руки, ибо та опасность, которая грозила в результате свободы мнений, была больше той, которая могла получиться от искажения этих мнений» [1, с. 31]. Именно в годы Первой мировой войны, по мнению американского историка П. Холквиста, в России получает широкое распространение «осведомление» — новая государственная практика, отражавшая переход от «территориальной» концепции государственной власти к политике управления «населением» как специфической социальной общностью, и представлявшая собой «сбор информации для изучения настроений в обществе и последующего их изменения» [2, с. 63]. Причем, как полагал П. Холквист, процесс этот не ограничивался только наблюдением. «Определив контуры общественных настроений, — отмечал он, — технократы от осведомления стремились их трансформировать посредством государственного вмешательства — процедуры, которая практически во

всех странах именовалась не иначе как „просвещение“» [3, с. 91].

В своей практике государственного строительства и белые и красные использовали административный опыт царской России. В итоге «для антисоветских движений осведомление о настроениях населения было такой же упорядоченной и организованной процедурой, как и для большевиков». «В белых правительствах, — писал П. Холквист, — неизменно создавался „осведомительный отдел“, в задачу которого входило составление регулярных сводок о настроении населения» [3, с. 95]. Однако задача органов осведомления не ограничивалась одним лишь сбором сведений о настроениях населения. «В нее, — как отмечает американский исследователь, — также входило воздействие на политические настроения людей и доведение их до требуемого уровня посредством спонсируемых государством просветительных мероприятий». При этом у белых и у красных сложились разные модели осведомительной работы.

Цель настоящей заключается в выявлении основных тенденций и специфики формирования и развития правительственных органов информации и политической пропаганды белой Сибири на начальном (конец мая — начало ноября 1918 г.) этапе. Данный период является ключевым в деятельности осведомительного аппарата антибольшевистских правительств на востоке страны, поскольку именно в это время закладывалась организационная основа, вырабатывались методы пропагандистской работы и определялось место информационных служб в политической системе белой Сибири.

* * *

Эсеры, которые играли на тот момент ключевую роль в формирующихся властных структурах Сибири и обладали богатым дореволюционным опытом ведения пропаганды, признавали важность, необходимость и своевременность осведомительной и политико-просветительной работы среди населения. Они активно взялись за идейную мобилизацию общества на борьбу с большевиками, предусматривавшую и определенную корректировку политических настроений населения. Еще 27 мая 1918 г. в Новониколаевске на заседании Военно-революционного штаба Временного Сибирского правительства было принято решение об организации агитационной комиссии [4, с. 36]. Сформировать комиссию, в которую предполагалось включить по одному представителю от социалистических партий, поручалось бывшему редактору местной газеты «Голос Сибири» Н.А. Гудкову. В конце мая начинается работа по формированию исполнительного аппарата Западно-Сибирского комиссариата. В частности, был образован «административный, он же организационно-

инструкторский» отдел, при котором создавалось информационное бюро. К 1 июня 1918 г. отделом в качестве инструкторов было привлечено 17 человек, которые «с целью информации населения и восстановления органов местного самоуправления были отправлены в Новониколаевский, Томский и Кузнецкий уезды»¹.

Такое внимание к информационно-пропагандистской работе было не случайным. С одной стороны, как отмечалось в докладе товарища министра внутренних дел Временного Сибирского правительства П.Я. Михайлова: «Выступив активно против советской власти в момент, когда большевизм не был изжит широкими слоями населения, когда последнее, неосведомленное о всем творящемся, легко поддавалось всяким провокационным измышлениям большевиков и их агентов, в тот момент перед Западно-Сибирским комиссариатом стал вопрос о немедленной, возможно полной информации населения о происходящих событиях»². С другой — новая власть нуждалась и в мерах агитационно-пропагандистского воздействия. Как указывалось в другом докладе, составленном руководителем одного из осведомительных учреждений этого периода — инструкторско-информационного отдела МВД, «перед Западно-Сибирским комиссариатом, объявившим освобожденную территорию под власть Временного Сибирского правительства, встал вопрос об успокоении деревни и не только успокоении, но и направлении жизни ее в нормальное русло, в русло законности и порядка, привлекая население на свою сторону»³.

Первоначально сибирская пресса рисовала довольно радужную картину массовой общественной поддержки новой власти. Так, в беседе с сотрудником новониколаевской газеты «Народная Сибирь» сотрудником командующий Западно-Сибирским военным округом А.Н. Гришин-Алмазов сообщил о том, что «все без исключения слои населения, особенно рабочие и крестьяне, относятся более чем сочувственно к нам, помогают нам, рискуя своей жизнью, без всяких распоряжений с нашей стороны, по своей инициативе восстанавливают органы всеобщего избрания, свергая большевиков»⁴. Особенно важным для нового режима было положительное отношение к перевороту со стороны сибирской деревни, что неоднократно отмечалось в периодической печати. «Из разговоров с крестьянами-рядовыми обывателями деревни, моими случайными собеседниками по вопросу о свер-

¹ Заря (Томск). 1918. 5 августа (23 июля).

² ГА РФ. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.

³ ГА РФ. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 2. Л. 34 об.

⁴ Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 2 июня.

жении большевистского ига, — говорилось, например, в заметке одного из корреспондентов томской „Народной газеты“, — я вынес крайне отрадное впечатление. Все они с большой радостью и чувством удовлетворения относятся к падению красноармейского режима. Они говорят, что теперь крестьянство вздохнуло свободно и готово, насколько у него хватит сил и умения, оказать помощь новой власти, вставшей на защиту народовластия и народоправства»⁵.

Однако довольно скоро и политическое руководство Сибири, и сибирская общественность убеждаются в том, что настроения значительной части населения края по отношению к Омскому правительству скорее неопределенные, выжидательные, а со стороны отдельных социальных групп (рабочие, фронтовики) — откровенно враждебные. Люди устали от тягот многолетней войны, многие лишь недавно вернулись с фронта. Кроме того, большинство сибиряков не видели в большевиках того «смертельного врага», которого непременно нужно было уничтожить. В такой ситуации Временному Сибирскому правительству, наряду с мерами принуждения, экстренно необходимы были и меры информационно-психологического воздействия. Кроме того в таких мерах были заинтересованы военные. «В целях привлечения возможно большего числа добровольцев в ряды Сибирской Добровольческой армии, — телеграфировал уполномоченным ЗСК в середине июня начальник штаба Западно-Сибирской отдельной армии полковник Г.А. Белов, — прошу усилить в этом смысле агитацию по всей местности занимаемой нами через партии, стоящие на платформе Временного Сибирского правительства»⁶.

Зададим себе вопрос — как новая власть представляла осведомительную работу, ее основные направления и инструменты воздействия?

В начале июня 1918 г. в Новониколаевске Н.А. Вадзинским, в будущем секретарем информационного отдела ЗСК, был разработан «Проект организации информационного отдела и бюро печати». «Правильная постановка информации населения и правительственных учреждений, — говорилось в проекте, — представляется настолько насущно необходимой, что создание особенного информационного органа является одной из настоятельнейших задач при конструкции государственного аппарата внутреннего управления. Не останавливаясь подробно на обосновании необходимости информации, можно указать, как на следствие отсутствия правительственной

⁵ Народная газета (Томск). 1918. 23 (10) июня.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-1561. Оп.1. Д. 3. Л. 2.

информации, на распространение среди населения массы разноречивых и в достаточной мере вредных слухов»⁷. Все «информационное дело» в проекте подразделялось на печать и инструкторская часть. Первое направление, которое должно было находиться в ведении бюро печати, включало издание известий Западно-Сибирского комиссариата, информационных бюллетеней и деятельность телеграфного агентства. Второе — «живую инструкцию» и «передачу сведений в местную печать». Осуществление этих задач возлагалось на инструкторский отдел. При этом взаимоотношения двух отделов должны были складываться следующим образом: «инструкторский отдел, состоящий при местном секретариате, получает от первого отдела — бюро печати — комплекс готовых сведений, которые сообщаются агитаторам и инструкторам, а также собирает от них сведения о настроении масс той или другой местности, об общем положении дел и передает их в бюро печати, где они подвергаются соответствующей обработке, систематизируются и где составляется, на основании всех имеющихся сведений, подробные сообщения о состоянии различных местностей, причем, обзоры эти составляются в двух видах — один годный для опубликования, другой секретный — для правительства»⁸.

Еще один проект организации правительственной информационной службы был подготовлен в первой половине июля 1918 г. известным писателем сибиряком Г.А. Вяткиным. «Информационная деятельность, — полагал он, — правительственной власти необходима, прежде всего, для тесной связи этой власти с народом — между им и правительством должен быть поставлен своего рода резонатор, ровно на все радиусы передающий вести сверху вниз и обратно. Информацию надлежит понимать в самом широком смысле слова, т. е. не только как осведомление, но и как уяснение, толкование и популяризацию правительственных идей, заданий и мероприятий. Это особенно необходимо в сложных условиях современной действительности, когда путаница понятий и неосведомленность масс приводят нередко крупным недоразумениям, и когда нашей Сибирской области, имеющей 60 % неграмотного взрослого населения, приходится самостоятельно приступать к государственному и общественному строительству»⁹.

Решение этой задачи, по мнению Г.А. Вяткина, следовало возложить на информационный отдел, входивший в состав управления де-

⁷ ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 43.

лами Совета министров на правах автономной единицы. В своей докладной записке Г.А. Вяткин обозначил и основную схему деятельности правительственной информационной службы: «одновременная и параллельная работа в двух направлениях: информации правительственной (от центра к периферии) и информации общественной (от периферии к центру)». При этом всю «правительственную информацию для большей точности и правильности отдел получает непосредственно от управляющего делами Совета министров и от секретарей министерств за их подписью, а также от секретариата областной думы, по возможности в срочном порядке и с подписью „к опубликованию“». Вяткин предложил и ряд конкретных мер, необходимых для продуктивной работы отдела «1) организация информационной агентуры на местах и Сибирского телеграфного агентства в центре; 2) издание официальной правительственной газеты с неофициальным отделом, и 3) организация газетных и журнальных вырезок из всех периодических изданий Сибири, а также главнейших печатных органов Европейской России и заграницы»¹⁰.

При организации правительственной информационной службы серьезные надежды возлагались на ее Владивостокское отделение. «Задачи Владивостокского отделения Инфбюро, — говорилось в одном из докладов, — достаточно хорошо определяются уже местом нахождения этого Бюро на рубеже России, в самом интернациональном городе, который только можно себе представить, переполненном газетчиками всех стран и рангов. Владивосток стоит спиной к России и лицом к Америке — Японии — в точно таком же положении должно быть и Бюро. Информация России о загранице составляет, собственно, сравнительно второстепенный отдел деятельности Бюро. Главнейшая его задача — информация заграницы, умело составленная и проводимая в заграничную прессу и в общественное мнение всяческими путями»¹¹.

Предполагалось, что для успешного выполнения поставленной перед ним задачи, Владивостокское отделение СТА должно было наладить тесное сотрудничество с возможно большим количеством иностранных периодических изданий, «охотно печатающих преподносимые им известия». «Накачивание заграничных дружественных и даже враждебных газет тенденциозным материалом, — отмечалось в том же докладе, — имеет свою особую цель. Теперь, конечно, нельзя уже говорить о возможности при помощи печати „заключить мир че-

¹⁰ Там же.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

рез головы империалистических правительств“, но известная обработка общественного мнения и даже некоторая фальсификация его дает известный голос в дипломатической игре»¹². Наиболее действенным признавался способ, заключающийся в «так называемом „приручении“ иностранных журналистов, которыми кишит в настоящее время Владивосток и которые объединены в довольно дружную корпорацию». «Есть много методов этого приручения, но можно с уверенностью сказать, — отмечалось в докладе, — что главнейшим двигателем здесь являются деньги. Самым удобным способом внедрения необходимых сведений в заграничную печать является заручение содействием таких лиц, как например официального корреспондента «Рейтера» или Треста лорда Нортклифа. Информация, преподносимая иностранной печати таким путем, является тем удобной, что она является с точки зрения информационной печати безусловно достоверной». Помимо необходимости иметь в своем распоряжении несколько «достаточно дружеских» газет, в докладе указывалось на желательность установления подобных отношений и с иностранными телеграфными агентствами.

В начале июня 1918 г. при управлении делами ЗСК создается информационное бюро. Точная дата создания бюро неизвестна. На заседаниях Западно-Сибирского комиссариата вопрос об организации правительственного информационного бюро не рассматривался, по крайней мере, в опубликованных протоколах заседаний такого решения нет. Однако сохранилось удостоверение, выданное первому руководителю информационным бюро Г.Н. Бутакову, в котором говорилось, что «он, как заведующий бюро, имеет право на беспрепятственный вход во все правительственные и общественные учреждения, а также на все съезды и заседания»¹³. Всем лицам и учреждениям предписывалось оказывать ему всяческое содействие. Удостоверение было выдано 2 июня 1918 г. В начале же июня от имени «информационного отдела Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства» был подготовлен и напечатан военный бюллетень, в котором сообщалось о событиях в Мариинске [5, с. 69]. Все это позволяет датировать создание правительственного информационного бюро самым началом июня 1918 г., вероятно, первым или вторым его числом.

Первоначально штат сотрудников бюро состоял из девяти чело-

¹² Там же.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 5. Л. 49.

век¹⁴. Его деятельность бюро преимущественно сводилась к распространению по телеграфу важнейших сведений о мероприятиях Комиссариата. С увеличением контролируемой антибольшевистскими силами территории и переходом власти к Временному Сибирскому правительству сфера полномочий информационного бюро была существенно расширена. По соглашению с управляющим делами Совета министров ВСП Г.К. Гинсом бюро в «целях формального удобства» было причислено к канцелярии Совета министров в качестве ее 4-го отделения. По существу же за ним было оставлено право автономной работы и самостоятельного внутреннего распорядка¹⁵.

Приказом по канцелярии Совета министров 15 июля 1918 г. Г.Н. Бутаков «в виду преобразования информационного бюро и приглашения специалиста для организации бюро на новых началах» от должности заведующего был освобожден¹⁶. Пост управляющего информационным бюро занял А.И. Манкевич, до этого исполнявший обязанности секретаря Западно-Сибирского комиссариата. Г.А. Вяткин был назначен его помощником. Новые руководители представили на рассмотрение Г.К. Гинса проект реорганизации правительственной информационной службы, в основе которой лежала уже известная докладная записка Г.А. Вяткина.

Таким образом обозначилось несколько направлений работы осведомительных учреждений сначала Западно-Сибирского комиссариата, а затем Временного Сибирского правительства. Во-первых, это организация «правильной» информации, с одной стороны населения о происходящих событиях и мероприятиях власти, а с другой — правительства о настроениях общества. Во-вторых, пропагандистское обеспечение жизненно важных мероприятий новой государственной власти.

Можно выделить несколько ключевых инструментов государственного информационно-пропагандистского воздействия.

Правительственное информационное бюро вело работу в двух направлениях. С одной стороны, в его задачу входило информировать население о деятельности правительства. С другой стороны, информационное бюро должно было снабжать правительство, заинтересованные министерства и ведомства сведениями о положении дел на местах. С этой целью информационное бюро собирало и анализировало материалы всех периодических изданий, издававшихся на терри-

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 54.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 54.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 5. Л. 20.

тории подконтрольной Омскому правительству, а также ведущих печатных органов Европейской России и зарубежных стран.

Государственное телеграфное агентство являлось рабочим инструментом правительственного информационного бюро. В «Проекте организации информационного отдела и бюро печати» государственное телеграфное агентство, наряду с правительственной газетой, рассматривалось как единый информационный механизм центральной власти, «так как официальное агентство есть само по себе те же „Известия“, только сокращенные в официальной части, пополненные интересующими широкою публику сведениями и приспособленными к передаче по телеграфу»¹⁷. «Создание телеграфного агентства, — отмечалось далее в проекте, — гарантирует верность, соответствие взглядам правительства, однородность и наиболее широкое распространение известий через частную независимую печать, которая имеет тираж во много раз превышающий тираж правительственных изданий и которая в настоящее [время] принуждена довольствоваться, правда, сенсационными, но большей частью не соответствующими действительности известиями». Таким образом, планировалось сосредоточить в руках государственного телеграфного агентства передачу всей официальной информации, обеспечить передаваемым сведениям «правильное» изложение и толкование, а также широкое распространение через периодическую печать.

24 июля 1918 г. постановлением Временного Сибирского правительства, наряду с «Временными правилами об организации Информационного бюро при канцелярии Совета министров», было утверждено и «Положение о Сибирском телеграфном агентстве». В задачу СТА входило распространение в Сибири и за границей «политических, финансовых, экономических, торговых и других, имеющих общественный интерес, текущих сведений» [4, с. 188]. Сибирское телеграфное агентство готовило и рассылало циркулярные телеграммы, а также издавало бюллетени. Они направлялись членам правительства, консулам стран Антанты, областным и губернским комиссарам, а также в редакции всех газет и ряду частных подписчиков.

Летом 1918 г. Западно-Сибирскому комиссариату, а затем Временному Сибирскому правительству было чрезвычайно важно иметь свой официальный печатный орган. «Правительственные учреждения, местные комиссариаты, органы местного самоуправления, официальные лица, — указывалось в уже упоминавшемся „Проекте организации информационного отдела и бюро печати“, — положительно

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 4.

голодают по информации и инструкции. Во многих местностях задерживается назначение кандидатов в комиссары вследствие того, что инструкции комиссарам представляют собой что-то вроде секрета, так как не были опубликованы — так было, например в Мариинске. В различных глухих углах (например, по верхней Томи) по сию пору ничего неизвестно о наборе добровольческой армии и мобилизации офицеров. Деревня — русская и инородческая, совершенно не уяснила себе смысла переворота и идеи оздоровления центра через автономию окраин»¹⁸. Кроме того, в связи с отсутствием официального правительственного издания долгое время был «неизвестен персональный состав Временного Сибирского правительства», что давало «неиссякаемый источник волнениям и противоправительственной агитации среди демократии».

Первоначально организация правительственной газеты в Сибири встретила определенные трудности как организационного, так и технического характера. Новое правительство не располагало собственной типографией. Кроме того, оказалось сложным делом подобрать опытного и грамотного редактора [9, с. 102]. В результате Западно-Сибирский комиссариат своим официальным печатным органом не располагал. На своем первом заседании Совет министров Временного Сибирского правительства постановил: «Признать необходимым издание правительственного органа. Найти опытного руководителя правительственного органа и поручить ему разработать программу газеты» [4, с. 101]. Однако в связи с вышеуказанными трудностями первый номер печатного органа Временного Сибирского правительства — газеты «Сибирский вестник» — вышел лишь 16 августа 1918 г.

В период гражданской войны одним из основных видов пропагандистской коммуникации, наряду с печатной пропагандой, являлась устная пропаганда. В Западной Сибири первое массовое применение противниками большевиков живого слова в качестве средства пропагандистского воздействия относится к лету 1918 г., когда несколько сотен направленных в деревню правительственных и земских инструкторов вели агитацию в поддержку Временного Сибирского правительства, Учредительного собрания и создания добровольческой народной армии. 1 июня 1918 г. уполномоченный ВСР по Западной Сибири М.Я. Линдберг, заведующий военным отделом ЗСК Н.В. Фомин и командующий войсками Западно-Сибирского военного округа полковник А.Н. Гришин-Алмазов утвердили «Временные усло-

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 3 об.

вия формирования сибирских добровольческих полков в Западно-Сибирском военном округе». 8 июня постановлением Западно-Сибирского комиссариата «формирование отрядов добровольческой армии Временного Сибирского правительства» поручалось товарищу председателя Томской губернской земской управы М.П. Рудакову¹⁹. 10 июня при «Томской губернской земской управе (дом бывшего губернского управления) открыт отдел комиссариата Временного Сибирского правительства по формированию добровольческой народной армии»²⁰, о чем в тот же день М.П. Рудаков телеграфировал в административный отдел ЗСК [5, с. 92]. «К организации формирования добровольческой армии в Томской губернии приступлено в качестве первых шагов посылкой на места приглашенных инструкторов и рассылкой плакатов и воззваний»,²¹ — докладывал временно руководивший отделом поручик Александровский. На местах при содействии земств началась пропагандистская кампания по привлечению в Сибирскую армию добровольцев. Со специальным воззванием отдел обратился к крестьянам²².

Основой для организации отдела по формированию добровольческой народной армии послужил инструкторский отдел Томской губернской земской управы. 20 июня 1918 г. в его состав было включено информационное бюро административного отдела ЗСК. «Отдел, — отмечалось в томской „Заре“ — распался на два подотдела: 1) военный, 2) гражданский и преследовал следующие задачи: первый — информирование населения о текущих событиях и способствовать созданию добровольческой армии; второй — восстановление и инспектирование разрушенных органов местного самоуправления»²³.

Отделом был сформирован штат военных и гражданских инструкторов. «С этой целью в деревню были влиты вполне осведомленные обо всем происходящем интеллигентные силы, контингент которых составлялся главным образом из студентов томских высших учебных заведений и служащих земств и кооператоров»²⁴. Работавшие на местах инструкторы наряду с прочим интересовались отношением крестьянства к новому правительству, земствам и Сибирской армии и, таким образом, осуществляли политический надзор. Рассматривался вопрос о расширении работы отдела. «Агитационную

¹⁹ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.

²⁰ Сибирская жизнь (Томск). 1918. 11 июня.

²¹ Народная газета. 1918. 11 июля (28 июня).

²² Воля Сибири (Красноярск). 1918. 12 июля

²³ Заря (Томск). 1918. 5 августа (23 июля).

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 2. Л. 34 об.

работу, — отмечалось в одном из докладов, — желательно углубить и сделать ее культурно-просветительной, ибо интересы и запросы крестьян разнообразны, и политика в их темном сознании принимает порой такие причудливые формы, что инструктор часто бывает вынужден заниматься вопросами, далеко отстоящими от политики. Необходимо это еще и потому, что земство, ввиду неорганизованности и отсутствия средств, само еще не скоро вплотную может взяться за эту чрезвычайно неотложную работу государственного строительства».

В дальнейшем с переходом к принудительной мобилизации отдел по формированию добровольческой народной армии был реорганизован в информационно-агитационный отдел МВД.

* * *

В течение лета — начала осени 1918 г. в Сибири было создано несколько правительственных информационно-пропагандистских учреждений, деятельность которых достигла определенных результатов. Так, правительственное информационное бюро только до 8 августа выпустило около 100 номеров телеграфных бюллетеней, разослало 12 337 экз. сборников правительственных узаконений и других официальных изданий по 600 адресам, опубликовало биографии всех сибирских министров и ряд интервью с политическими и общественными деятелями края²⁵. В 30 городах востока России, от Екатеринбурга до Якутска и Владивостока, сформировалась сеть корреспондентов Сибирского телеграфного агентства, начала издаваться правительственная газета. Информационное бюро собирало и анализировало материалы периодической печати, снабжало заинтересованные министерства и ведомства сведениями о положении дел на местах. Однако влияние этой информации на принятие решений было минимальным. Работа по организации «правильной» информации политических и общественных кругов ведущих зарубежных стран находилась в зачаточном состоянии. В конце октября 1918 г. руководитель Владивостокского отделения СТА честно признавал, что в отношении телеграфного осведомления заграницы «мною предпринято [...] пока весьма немногое», «переговоры (с агентством Рейтер. — *Д.Ш.*), начатые мною исключительно как предварительные»²⁶.

К началу ноября в центральном аппарате информационно-агитационного отдела МВД работало 16 сотрудников. Кроме того, в подчинении отдела находились семь губернских, 38 уездных и 126

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 6. Л. 49 об.

районных инструкторов-организаторов. Таким образом, к моменту прекращения своей деятельности отдел располагал «173 интеллигентными работниками, разбросанными по всей Западной и Средней Сибири от Урала (Златоустовский уезд) до Байкала»²⁷. На его содержание правительство выделяло ежемесячно 30 тыс. рублей. Отделом издавались листовки, брошюры и воззвания. Однако осенью 1918 г. вся пропагандистская работа на местах была свернута. В ноябре уездным инструкторам направляется инструкция, подписанная заведующим отделом. «Сообщаю план ликвидации работы по информации населения и перевыборам в земство, — говорилось в ней. — К ликвидации приступить немедленно, по получении сего. Конечный срок ликвидации 15 ноября сего года. С ликвидацией отдела всякая работа на средства правительства на местах прекращается; если же земство пожелает продолжить работу силами, занятыми в данное время, то оно может пригласить на службу на свои средства к себе, в противном случае все инструкторы увольняются»²⁸. По мнению исследователя А.Л. Посадкова, такой «поворот событий в сфере организации пропаганды» был не случаен и отражал «наступление генеральско-чиновничьей контрреволюции» [7, с. 90–91]. Практическая целесообразность была, таким образом, принесена в жертву политической конъюнктуре.

В целом же действовавшие сами по себе осведомительные органы белой Сибири не представляли собой единую систему, масштабы их пропагандистской деятельности были невелики, а влияние на местном уровне — достаточно ограниченным. Кроме того, та сочтавшая в себе элементы информации, политической пропаганды и надзора за настроениями населения модель осведомительной работы, которая благодаря влиянию эсеров начала конституироваться в Сибири, оказалась пересмотрена. На первый план стали выдвигаться «правильно» поставленная информация и культурно-просветительная работа.

Литература

1. Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне. М.; Л., 1929. 202 с.
2. Холквист П. «Осведомление — это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001. С. 45–93.
3. Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 2. Л. 36.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 1. Л. 114.

катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война : материалы международного научного colloквиума. СПб., 1999. С. 83–102.

4. Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.). Сб. документов и материалов / Сост. и научн. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007. 818 с.

5. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая — 30 июня 1918 г.). Сб. документов и материалов / Отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2005. 246 с.

6. *Шереметьева Д.Л.* Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая — середина ноября 1918 г.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 300 с.

7. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока: в 5 т. / [В.В. Авдеев, С.В. Козлов, С.Н. Лютов и др.]. Отв. ред. А.Л. Посадсков. Новосибирск, 2002. Т. 3. 1917–1930 гг. 435 с.

Д.Г. Симонов

Институт истории СО РАН,
Новосибирский государственный университет

АДАПТАЦИЯ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ ВОСТОКА РОССИИ К УСЛОВИЯМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (СЕРЕДИНА 1918 — НАЧАЛО 1920 Г.)*

В статье рассматривается проблема адаптации офицерского корпуса антибольшевистских вооруженных формирований востока России к условиям гражданской войны. Делается вывод о том, что основная масса офицеров — ветеранов Первой мировой войны — не смогла в полной мере адаптироваться к условиям «внутренней», гражданской войны. Как следствие, вооруженные силы контрреволюции, боровшиеся против Красной армии, в большинстве своем оказались морально слабыми и неспособными проявить максимум энергии как в самоорганизации, так и в боевой деятельности.

Ключевые слова: гражданская война, антибольшевистские вооруженные формирования, генералы, офицеры, политическая адаптация.

Весной 1918 г., после заключения Брестского мирного договора, Первая мировая война для России окончательно переросла в войну гражданскую. Противоборствующие в этой войне стороны приступили к формированию собственных вооруженных сил, для приведения которых в регулярное состояние требовались квалифицированные командные кадры, каковые составлял офицерский корпус старой Русской армии. В данных условиях у подавляющего большинства офицеров отсутствовал выбор в вопросе о том, на чьей стороне воевать, ибо в зависимости от места жительства они подлежали мобилизации в ту или иную армию. В связи с этим возникла проблема адаптации офицеров к новым условиям службы. От глубины такой адаптации во многом зависела боеспособность армий и, как следствие, — победа или поражение в гражданской войне. Критериями же ее оценки могут являться состояние воинской дисциплины офицеров, степень их профессиональной отдачи по роду деятельности и психологической ком-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00313.

фортности службы.

Тема офицерского корпуса антибольшевистский вооруженных формированиях, в том числе на востоке России, нашла широкое отражение в научных публикациях и диссертациях [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]. Рассмотрены вопросы о численности офицерского корпуса, его материальном обеспечении, участии в боевых действиях. Активно ведутся исследования биографического характера. В целом, однако, большинству историков свойственна определенная идеализация белого офицерства. Героический дискурс в изучении данной темы оставляет за рамками исследовательского поля целый ряд научных проблем, в том числе проблему адаптации офицерского корпуса к условиям гражданской войны.

Отметим, что офицерский корпус Русской армии был неоднороден. Применительно к рассматриваемому периоду в нем условно можно выделить три неравные по численности группы. В первую группу входил генералитет, по всем формальным признакам являвшийся военной элитой армии; во вторую группу — кадровые офицеры, имевшие полноценное военное образование и к окончанию Первой мировой войны в большинстве своем состоявшие в чинах капитана, подполковника или полковника; в третью группу — подавляющая масса офицеров, преимущественно прапорщики и подпоручики, которые получили офицерские чины в 1915–1917 гг. после ускоренного курса обучения и ни по духу, ни по своим жизненным приоритетам не являлись людьми военными.

Обращает на себя внимание весьма незначительное количество генералов старой Русской армии на высших командных постах в антибольшевистских формированиях востока России. Советский историк Г.Х. Эйхе, в конце 1919 г. командовавший 5-й красной армией Восточного фронта, писал о том, что на должностях начальников дивизий и командиров корпусов в белогвардейских вооруженных силах востока России не было ни одного генерала старой Русской армии, за исключением М.В. Ханжина [8]. Г.Х. Эйхе был не прав в своем утверждении. Только в вооруженных силах Временного Сибирского правительства летом — осенью 1918 г., кроме командира III Уральского корпуса генерала М.В. Ханжина, командные должности занимали еще одиннадцать генералов старой армии. Это командиры II Степного Сибирского корпуса А.Ф. Матковский и В.В. Бржезовский, начальник 7-й Уральской дивизии горных стрелков В.В. Голицын, начальники 2-й Оренбургской казачьей дивизии В.Н. Шишкин и М.Г. Серов, начальники 3-й Оренбургской казачьей дивизии А.Н. Ончоков и В.И. Печенкин, начальники 8-й Сибирской стрелковой дивизии Л.В. Афанасьев и А.В.

Мисюра, начальник Забайкальской казачьей дивизии Д.Ф. Семенов и командир 4-й отдельной конной бригады И.Ф. Шильников [9, с. 132–133]. Однако ни один из перечисленных генералов во время гражданской войны не проявил себя сколько-нибудь энергичным и способным военачальником. Большинство из них очень недолго командовало войсками на фронте и постепенно предпочло переместиться на менее ответственные и более комфортные тыловые должности. При острой нехватке квалифицированных штабных работников не у дел оказались генерал-майоры Генерального штаба В.Г. Владимиров, В.Е. Мясников, В.Л. Попов. Что касается М.В. Ханжина, то он действительно оказался единственным генералом старой армии, с именем которого связаны недолговременные успехи антибольшевистских вооруженных формирований востока России за все время гражданской войны.

«Раздаются голоса, — пишет в своих воспоминаниях генерал П.П. Петров, — что распоряжалась на фронте молодежь, а старые опытные военные игнорировались. Это неправда. Были пробы назначения заслуженных военных и на боевые участки, и для работы по подготовке войск. Ничего не вышло. Люди совсем не могли работать в необычной обстановке и поневоле устранились [10, с. 111]. В частности, П.П. Петров называет фамилию генерал-лейтенанта С.Н. Люпова. Во время Первой мировой войны С.Н. Люпов последовательно командовал полком, дивизией и корпусом. За боевые отличия был награжден орденом Св. Георгия IV степени и Георгиевским оружием. При этом С.Н. Люпов был относительно молодым человеком; в 1918 г. ему исполнилось всего 48 лет. В Народной армии Самарского Комуца он был назначен сначала начальником 3-й стрелковой дивизии, а затем — командиром Уфимского отдельного корпуса.

Деятельность С.Н. Люпова охарактеризовал в своих воспоминаниях генерал В.М. Молчанов, осенью — зимой 1918 г. в чине подполковника командовавший отдельным отрядом в составе Уфимского корпуса. «[...] Никто нами сверху не руководил, — утверждал В.М. Молчанов. — [...] Было обидно, было даже впечатление, что мы никому не нужны, заботы о нас были минимальные [...]. Во всех отношениях мы были какими то пасынками. Никто нас не хотел и видеть». Командуя отрядом, насчитывавшим около семи тысяч человек, В.М. Молчанов фактически не имел штаба. Когда он обратился в штаб корпуса с просьбой прислать ему «хотя бы одного офицера, знакомого со штабной службой», то получил отказ, объясняемый отсутствием таковых в тылу. «Это было не совсем так, как я увидел и узнал впоследствии, — пишет В.М. Молчанов, — но не было такого человека, который мог бы откопать „окопавшихся“» [11, с. 223, 227].

Столь же неудачными для Народной армии Комуча были назначения на должности командиров Самарского и Казанского стрелковых корпусов соответственно генерал-лейтенантов В.В. Артемьева и В.В. Рычкова. Во время Первой мировой войны они, как и С.Н. Люпов, вполне успешно командовали дивизиями и корпусами. Но в условиях гражданской войны их энергии и опыта хватило лишь на то, чтобы сформировать корпусные штабы, но не сами корпуса. Эти воинские соединения так остались существовать только на бумаге.

Генералы старой армии в большинстве своем принадлежали к психологическому типу, который хорошо охарактеризовал генерал барон А.П. Будберг, оценивая состоявшееся весной 1918 г. назначение генерала от кавалерии П.П. Плешкова на должность Главнокомандующего русскими войсками в полосе отчуждения КВЖД. «По моему, — пишет А.П. Будберг, — трудно было сделать более неудачный выбор, так как Плешков — это типичная фигура старого командования, добродушный, обходительный барин, ничем остро не интересующийся, любящий спокойную и без волнений, ровно текущую жизнь высокого военного начальника довоенного времени, — одним словом, совершенно не то, что нужно сейчас, чтобы собрать и организовать всю эту разношерстную и, несомненно, очень распутившуюся толпу, забрать ее в ежовые рукавицы и заставить работать и учиться, ибо только труд, внутренняя дисциплина и воспитание в духе жертвенного подвига и бескорыстного служения идее может дать то, что сейчас так остро и спешно нужно России, то есть [...] чистых подвижников, ничего себе не ищущих, и все готовых отдать на служение великому и святому делу»¹.

По иронии судьбы позднее, уже в эмиграции, А.П. Будберг подвергся тем же упрекам со стороны генерала В.М. Молчанова. В своих устных воспоминаниях В.М. Молчанов сетовал: «Офицеры нужны были на фронте! Особенно те остатки кадровых офицеров и высшие чины, все эти генералы. Почему они не пришли командовать нами, а почему они нас критиковали всюду?» И далее В.М. Молчанов приводит свой диалог с генералом А.П. Будбергом, который вместе с генералом М.М. Манакиным, находясь у автора воспоминаний в гостях, критиковал «всех нас, всех „высочек“ (как они говорили) во время Колчака. А я возмутился и говорю:

— Вы, Ваше Превосходительство, как Вы можете говорить в присутствии моем?!

¹ Будберг А.П. Дневник // Архив Русской Революции. Т. XII. Берлин, 1923. С. 277.

— Мы про Вас не говорим, это про других мы говорим.

— Вы и про других не имеете права говорить, потому что Вы не пошли, — я говорю. — Вы, барон Будберг, занимали пост военного министра — Вы укрылись! А почему Вы не пошли командовать корпусом, почему Вы не пошли командовать дивизией? Наладить это дело? Простите, потому что Вы не были подходящи для этого. Потому что Вы знали: дивизия, по-вашему, — это 14 тысяч штыков, а мы дивизией считаем — у нас до 1500 штыков доходило. И выполняли дивизионные задачи»².

Генералы старой армии не находили применения своим силам на фронте и по другой причине. В первые месяцы активной антибольшевистской борьбы на востоке России организаторами и руководителями вооруженных формирований выступили относительно молодые кадровые офицеры, имевшие, как правило, чины подполковника или полковника. Многие из них в течение очень короткого времени достигли генеральских чинов, сделав карьеры, для которых в старой армии потребовались бы годы и десятилетия. Эти молодые генералы, заняв должности начальников дивизий, командиров корпусов и командующих армиями, рассматривали «стариков» как конкурентов по службе и противодействовали их выдвижению. Впрочем, и в среде «молодежи» развернулась упорная борьба за должности и чины.

Командующий союзными войсками в Сибири французский генерал М. Жанен в декабре 1918 г. отмечал, что «[...] В военной среде происходит не меньшая грызня, чем в гражданской. Честолюбцы возбуждаются перспективами повышения и горят желанием помешать своим сослуживцам воспользоваться этими же перспективами. Обвинения в шпионаже, большевизме и пр. очень часты [...]»³. Генерал А.Т. Антонович, в то время полковник и профессор Академии Генерального штаба, в декабре 1918 г. писал: «Наводит на грустное размышление и деятельность окружающих меня людей — их не интересует дело как таковое; их не интересует именно военное искусство, военная наука как таковая; нет, они заняты этими вопросами только в той мере, в какой может быть материальная выгода. А ведь это люди, посвятившие себя, отдавшие себя на служение военной науке. Что это? Испорченность людей, заботящихся по обывательски, или нет искреннего служения делу, потому что оно — фикция?» [12].

Генерал А.П. Будберг, присутствовавший 8 мая 1919 г. на опера-

² Молчанов В.М. Последний белый генерал...

³ Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // Колчаковщина. Из белых мемуаров. Л., 1930. С. 107.

тивном докладе адмиралу А.В. Колчаку в штабе Сибирской армии, «был ошеломлен и подавлен» тем, что в тоне докладчиков, в числе которых были командующий армией генерал Р. Гайда и начальник его штаба генерал Б.П. Богословский, «сквозило несдерживаемое удовольствие по поводу неудач в Западной армии и усердно подчеркивались свои, довольно проблематичные при общем положении фронта, успехи». «Я знал, — пишет А.П. Будберг, — что между штабами армий раздор и нелады, но никогда не думал, что дело зашло так далеко. В Ставке я сразу заметил, читая донесения штабов армий, что между ними существует антагонизм, вызванный, несомненно, соперничеством по части успехов и ссорами по вопросу о распределении сообщений; кроме того, как мне объяснили в Ставке, сибиряки — представители восставших против большевиков офицерских организаций — относились вообще очень пренебрежительно к Западной армии как преемнице Народной армии Комуча»⁴.

При ближайшем рассмотрении взаимоотношений среди командного состава антибольшевистских вооруженных формирований трудно не заметить не только отдельные факты, а целое явление, которое можно охарактеризовать так: никто ни с кем не считался и никто никому не хотел подчиняться.

Наиболее известный пример такого рода — длительный конфликт между адмиралом А.В. Колчаком и атаманом Г.М. Семеновым, в результате которого военный потенциал Дальнего Востока не был использован Ставкой Верховного главнокомандующего для усиления фронта. В мемуарной и исследовательской литературе описано противостояние между военным министром Российского правительства генералом Н.А. Степановым и начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом Д.А. Лебедевым, и, в свою очередь, — между Д.А. Лебедевым и командующим Сибирской армии генералом Р. Гайдой, следствием чего стала недееспособность органов высшего военного управления в организации и обеспечении боевой деятельности армии. Арест командующим 1-й Сибирской армии генералом А.Н. Пепеляевым своего непосредственного начальника главнокомандующего войсками Восточного фронта генерала К.В. Сахарова в декабре 1919 г. стал важнейшим фактором окончательной дезорганизации и краха вооруженных сил.

Советский военный историк полковник В.Ф. Воробьев, анализируя ход военных операций на фронте Оренбургской армии, констати-

⁴ Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т. XV. Берлин, 1924. С. 24–25.

ровал, что одной из причин неудачных действий противника под Оренбургом являлось отсутствие какого-либо руководства со стороны А.И. Дутова и его начальника штаба генерала А.Н. Вагина подчиненными им войсками. Командиры корпусов действовали самостоятельно, редко выполняя приказы штаба армии. В то же время антагонизм и распри между командирами корпусов зашли настолько далеко, что командир 1-го корпуса отказывался действовать совместно со 2-м корпусом. Каждый командир полка считал своей обязанностью только формально выполнить приказ, в соответствии с которым требовалось занять к назначенному времени «исходное положение», выделить, как правило, во всех случаях одну треть в резерв, а дальше полки бессмысленно топтались на одном месте [13, с. 71].

После реформирования Оренбургской армии в Южную ее новый командующий генерал П.П. Белов также не снискал авторитета у своих подчиненных. В условиях происходившего в июне — июле 1919 г. отступления колчаковских армий П.П. Белов, выполняя директивы Ставки, приказал своим войскам сконцентрироваться в районе Актюбинска с тем, чтобы при ожидаемом переходе в контрнаступление 1-й, 2-й и 3-й армий Восточного фронта содействовать им ударом в левый фланг и тыл красным. В ответ командиры корпусов стали настаивать на отводе Южной армии на восток для соединения с основными силами колчаковских войск или на запад для соединения с войсками генерала А.И. Деникина. В конечном итоге они отказались подчиняться П.П. Белову, считая проводимые им в жизнь распоряжения Ставки не только ошибочным, но и преступным. Штаб 1-го Оренбургского казачьего корпуса отправился на запад, а штабы 4-го Оренбургского, 5-го Стерлитамакского и 11-й Яицкого армейских корпусов — на восток⁵.

В своих воспоминаниях начальник 21-й Яицкой дивизии генерал К.И. Гоппер выражал полную убежденность в том, что деятельность П.П. Белова на посту командующего Южной армией вылилась в «нарочито и сознательно созданную путаницу, конечной целью которой было все, но только не победа над врагом». По утверждению К.И. Гоппера, корпусные командиры генералы Н.А. Галкин и А.В. Эллерц-Усов даже собирались арестовать П.П. Белова как германобольшевистского шпиона⁶. Подобного рода обвинения, являвшиеся

⁵ См. подробнее: *Гоппер [К.И.] Начало и конец Колчака // Гражданская война в Сибири и Северной области.* Сост. С. А. Алексеев. М.; Л., 1927. С. 46–77; *Акулинин И. Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920.* Шанхай, 1937.

⁶ *Гоппер [К.И.] Начало и конец Колчака... С. 71.*

проявлением разного рода околополитических интриг и оправданием собственной профессиональной несостоятельности, были широко распространены в высших военных кругах. И, как правило, для таких обвинений не было серьезных оснований. Генерал А.П. Будберг, совсем не склонный давать кому бы то ни было положительные оценки, накануне разгоревшегося конфликта в высшем командном составе Южной армии, писал, что, «судя по всем распоряжениям и действиям, у командующего этой армией генерала Белова хорошо сделанная голова, правильно поставленное мышление, хорошее знание дела, понимание значения тыла и заботливость о войсках»⁷.

Адмирал А.В. Колчак, генералы В.О. Каппель, С.Н. Войцеховский, Г.А. Вержбицкий, В.М. Молчанов, Б.В. Анненков и Р.Ф. Унгерн-Штернберг, полковники Е.И. Урбанковский и Н.Н. Казагранди в мемуарной и исследовательской литературе стали своего рода символами решительной и непримиримой борьбы с большевизмом, которую вело русское офицерство на востоке России. Благодаря этим и многим другим военачальникам и командирам, список которых может быть продолжен, в массовом сознании части российского общества сложился героический ореол вокруг белого офицерства. Однако нет оснований утверждать, что подавляющее большинство офицеров старой Русской армии, в том числе находившихся на востоке страны, являлись убежденными и последовательными противниками советской власти, готовыми вести борьбу «не на жизнь, а на смерть».

Нельзя сбрасывать со счетов то, что часть офицерского корпуса старой армии добровольно встала на сторону советской власти. Одним из организаторов советских вооруженных сил в Сибири в 1918 г. являлся генерал-лейтенант А.А. Таубе. Бывшим офицером (прапорщиком) был П.Ф. Сухов, совершивший в июле — августе 1918 г. во главе красногвардейского отряда знаменитый рейд по территории Степного Алтая. Начальником штаба этого отряда состоял Д.Г. Сулим, также бывший прапорщик. Организаторами партизанского движения в Енисейской губернии в конце 1918–1919 гг. являлись бывшие офицеры штабс-капитан П.Е. Щетинкин и прапорщик А.Д. Кравченко. Примечательно, что А.Д. Кравченко после объявления мобилизации офицеров в войска Временного Сибирского правительства в июне 1918 г. прибыл на сборный пункт в Красноярске, был зачислен в списки 1-го Енисейского Сибирского стрелкового полка, а спустя несколько дней дезертировал из воинской части. Офицерский чин имел и С.Г. Лазо — организатор партизанского движения на Дальнем Востоке.

⁷ Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т. XV. Берлин, 1924. С. 262.

В принципе понятно, что количество офицеров, добровольно поступивших на службу в Красную гвардию и Красную армию на востоке России, было не очень велико. Но объясняется этот факт отнюдь не позицией офицерства, а тем, что советское военное строительство на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке ко времени начала широко-масштабной гражданской войны находилось в своей начальной стадии, когда не было создано ни системы управления, ни организационной структуры воинских частей и соединений. При наличии открывающихся вакансий, учитывая тогдашнюю безработицу, наверняка многие офицеры не отказались бы служить в Красной армии.

О том, что белые офицеры в своей массе отнюдь не являлись убежденными и последовательными противниками большевиков, свидетельствует и то, что после разгрома колчаковской армии в конце 1919 — начале 1920 г. многие из них добровольно или по мобилизации продолжали служить в управлениях и частях Рабоче-крестьянской Красной армии и Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Понятно, что полного доверия к этим новоявленным красным командирам у советской власти не было, и после окончания гражданской войны подавляющее их большинство отправили в отставку. Лишь немногие из бывших белых офицеров сделали карьеру в Красной армии.

Почти хрестоматийный пример такого рода — Л.А. Говоров, артиллерийский подпоручик колчаковской армии, ставший позднее маршалом и Героем Советского Союза. Генерал-майор В.А. Свиньин, состоявший в 1919 г. генералом для поручений при главном инженерном управлении военного министерства Российского правительства, в РККА к 1935 г. дослужился до звания бригадного инженера, соответствовавшего его прежнему генеральскому чину, и даже был награжден очень редким в то время орденом Красной звезды. Правда, его дальнейшую карьеру прервали арест в 1938 г. и смерть в заключении. Бывший начальник штаба Южной группы белой Сибирской армии генерал-майор А.Я. Крузе сумел избежать репрессий 1930-х годы, а в конце Великой Отечественной войны в звании генерал-майора командовал 24-м гвардейским стрелковым корпусом. Службу в Советской армии, перед выходом в почетную отставку, он закончил в звании генерал-лейтенанта [14, с. 284–286, 488–489].

В архивных фондах учреждений и соединений антибольшевистских вооруженных формирований востока России не встречается статистических материалов, связанных с уклонением офицеров от мобилизации в армию. Вряд ли такая статистика велась в силу несовершенства самой системы учета военнослужащих после упразднения к

началу 1918 г. организационных структур Временного правительства. Но отдельные случаи уклонения офицеров от службы фиксируются многократно. Приведем лишь два примера.

Девятнадцатого июля 1918 г. председатель Белозерской волостной управы Курганского уезда Пантелеев сообщил уездному комиссару, что по поступившим на его имя заявлениям на днях «в район здешней волости» прибыл и поселился в деревне Меньщиковой подпоручик Я.Т. Корюкин. Вызванный в волостную управу для проверки документов, Я.Т. Корюкин предоставить таковые категорически отказался, но написал отношение на имя председателя управы, в котором сообщил «для сведения», что он как офицер освобожден от военной службы на основании свидетельства Омского уездного воинского начальника. От уездного комиссара данное послание было переправлено начальнику Курганского гарнизона капитану Пунинскому, который 25 июля обратился в городскую милицию с просьбой принять соответствующие меры и препроводить не явившегося по мобилизации подпоручика Я.Т. Корюкина в его распоряжение⁸.

Поручик Красников, будучи мобилизован в ряды Сибирской армии и попав на службу во 2-й Степной Сибирский стрелковый полк, 7 июля 1918 г. подал на имя своего ротного командира рапорт, в котором охарактеризовал начавшуюся войну с большевиками как «братоубийственную» и заявил об отказе в силу своих убеждений «сражаться на внутреннем фронте за какие бы то ни было захваты власти партиями». Однако, оказавшись в камере предварительного заключения, поручик очень быстро отказался от своих убеждений. 11 июля он направил рапорт в комиссию по записи добровольцев в отряд есаула И.Н. Красильникова: «[...] Ознакомившись с положением дел, я ясно увидел за спиной этих “братьев” опять ту же черную грубую силу, против которой я дрался с 22 августа 1914 г. по 19 января 1918 г., и в такую дорогую минуту, где каждый человек дорог, [...] я считаю позором для себя сидеть сложа руки где-то в предварилровке [...]». Дальнейшая судьба поручика Красникова не известна, но его просьба о добровольном вступлении в отряд есаула И.Н. Красильникова удовлетворена не была⁹.

Данные примеры свидетельствуют, что некоторые офицеры после объявления мобилизации предпочли уклониться от явки на сборные пункты и даже поменять место жительства. Часть же офицеров, уже поступивших в войска, испытывала внутренний дискомфорт от

⁸ ГА РФ. Ф. 3755. Оп. 1. Д. 8. Л. 96, 119, 120.

⁹ РГВА. Ф. 39710. Оп. 1. Д. 4. Л. 7–8.

предстоявшего им активного участия в гражданской войне.

В мемуарных и архивных источниках содержится немало информации о нежелании офицеров, состоявших в войсках, отправиться в действующую армию. Так, Ф.Ф. Мейбом, в августе 1918 г. в боях под Казанью в чине штабс-капитана командовавший офицерской добровольческой ротой, вспоминал: «[...] Каждый боевой день приносил потери, а пополнения не было [...]. Раненые офицеры после выздоровления возвращались в строй и передавали нам, что каждый кабак (Казани. — Д.С.) набит людьми в офицерской форме, все улицы также полны ими... сущее безобразие... Одни формируют какую-то гвардейскую часть и находятся при штабе, другие говорят, что рядовыми они не пойдут, и, наконец, многие отговариваются тем, что у нас нет определенного монархического лозунга “За Веру, Царя и Отечество!” и т. д. Для нас они — шкурники и предатели. Эти новости сильно действовали на настроение наших офицеров. Они ничего не говорили, не спорили, а как-то притихли, понурили головы. Чувствовалось, что каждый из них считал себя отрезанным куском, преданным своими же братьями-офицерами» [15, с. 112].

Еще одно свидетельство подобного рода привел генерал К.В. Сахаров, весной 1919 г. занимавший должность генерала для поручений при А.В. Колчаке. Во время одной из служебных командировок, по пути в Томск, он получил распоряжение Верховного правителя «принять все меры к возможно большему привлечению офицеров из тыла на фронт, так как действующие части испытывают острый недостаток в младшем командном составе». К.В. Сахаров вспоминал: «Безо всякого ущерба для местного дела мне удалось отправить на фронт в три дня из Томска двести офицеров, из Новониколаевска сто семьдесят». «[...] Не скажу, — отмечал К.В. Сахаров, — чтобы эти люди, уже месяцами привыкшие ничего не делать, легко сдавались и охотно ехали на фронт; наоборот, они приводили всевозможные аргументы, жалобы, посылали телеграммы в Главный штаб [...]»¹⁰.

Те, кто не сумел устроиться в тылу, а все же попал в действующую армию, находили иные способы уклониться от фронта. Так, 5 сентября 1919 г. после вступления в командование 7-й Сибирской стрелковой дивизии полковник А.В. Бордзиловский обнаружил, что в ее частях числятся уволенными в отпуска очень много офицеров, вопреки приказу Верховного главнокомандующего о категорическом запрещении таковых. Только 30 августа 1919 г. на пароходе «Корни-

¹⁰ Сахаров К. В. Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920 гг. Мюнхен, 1923. С. 82–83.

лов» из Тобольска в Томск самовольно уехало около 50 здоровых офицеров разных частей дивизии, в том числе 27-го Верхотурского и 28-го Ялуторовского полков, скрывавшихся в Тобольске и не явившихся в свои полки. Вследствие такой убыли во многих ротах осталось всего по одному офицеру¹¹.

Разложение тех или иных частей колчаковской армии началось именно с офицерского состава, и уже затем распространялось на солдат. Например, после получения известия об оставлении 14 ноября 1919 г. Омска белыми почти половина находившихся на станции Поспелиха Алтайской губернии офицеров 43-го полка сказалась большими и уехала в Барнаул [17, с. 37]. Накануне этот полк проявил высокую боеспособность и стойкость в боях с красными партизанами, понеся большие потери убитыми, ранеными и обмороженными. Брошенными офицерами на произвол судьбы солдатам не оставалось ничего иного, как поднять восстание и перейти на сторону партизан.

Катастрофа, происшедшая с колчаковской армией в декабре 1919 г., была обусловлена и тем, что значительная часть командиров и начальников самоустранилась от выполнения своих служебных обязанностей или попросту бросила подведомственные им воинские части. Так, одна из лучших в армии 7-я Уральская дивизия горных стрелков полностью развалилась в декабре 1919 г. благодаря ее начальнику полковнику В.М. Бондареву. В воспоминаниях полковника А.Г. Ефимова содержится любопытное свидетельство о поведении этого офицера во время Сибирского ледяного похода: «Неожиданно впереди, шагах в тридцати, из рядов повозок сорвался начальник 7-й Уральской дивизии полковник Бондарев. Он уже раньше со своими санями, где сидела его жена, и с группой конного конвоя, покинув дивизию, пробивался вперед, расталкивая других [...]. Но вот сани застряли среди деревьев. Бондарев выпряг лошадей и посадил жену верхом. Нервная команда: “Леля, за мной!” — панический полковник бросился дальше. Многие из ближайшего обоза последовали его примеру, бросая сани и удирая верхом [...]»¹².

Говоря об адаптации офицерства к условиям гражданской войны, нельзя обойти такое характерное для него явление как пьянство. Это явление носит социальный характер, почвой для которого является неудовлетворенность существующим положением и стремление уйти от жизненных реалий. В Русской армии офицеры, как правило,

¹¹ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 53. Л. 154, 155.

¹² Ефимов А. Г. Ижевцы и воткинцы. (Борьба с большевиками в 1918–1920 гг.). Конкорд, 1974. С. 198–199.

всегда знали меру выпивке. Но в антибольшевистских вооруженных силах востока России те же офицеры далеко перешагнули эту меру. Приведем ряд фактов такого рода.

Двадцать четвертого августа 1918 г. начальник Омского гарнизона арестовал на один месяц с содержанием на гауптвахте за появление в нетрезвом виде в саду «Аквариум» и буйство подпоручика 1-го Степного Сибирского запасного полка Качнова. 12 сентября был арестован на три месяца за появление в нетрезвом виде в районе крепости и за публичное осуждение действий правительства хорунжий 1-го Сибирского казачьего полка Попов. 15 сентября аресту на один месяц за появление в пьяном до бессознательного состояния виде подвергся штабс-капитан Романчук — офицер отряда есаула И.Н. Красильникова. В приказе по Омскому гарнизону от 17 сентября 1918 г. полковник В.И. Волков отметил, что за последнее время участились случаи недостойного поведения офицеров в связи с непомерным потреблением спиртных напитков, и отдал распоряжение коменданту города подвергать аресту всех таких офицеров. В.И. Волков также предупредил о своем намерении в особых случаях ходатайствовать о разжаловании недостойных офицеров в рядовые¹³.

По свидетельству П.В. Вологодского, 7 марта 1919 г. в разговоре с ним адмирал А.В. Колчак констатировал «почти стихийное явление — развал до хулиганства в среде офицерства» [17, с. 154]. Борьба с этим явлением уже велась, в том числе путем разжалования офицеров в рядовые и отдачи их под суд.

Так, приказами по войскам Западно-Сибирского военного округа от 10 и 16 января 1919 г. были разжалованы в рядовые и отправлены на фронт прапорщик Кольчугинского отдельного стрелкового батальона А. Пастухов за появление в пьяном виде на улице, а затем в помещении воинской части; прапорщик Казанской отдельной инженерной роты Окатов за появление в пьяном виде в общественном месте и оскорбление на словах старшего в чине офицера; прапорщик железнодорожного отряда Народной армии С. Фрозинов за появление в пьяном виде в общественном месте и непристойное поведение¹⁴.

В закончившейся 15 апреля 1919 г. сессии прифронтового военно-полевого суда в Новониколаевске рассматривался ряд дел, возникших на почве пьянства и приведших к печальным последствиям. Названный суд приговорил к расстрелу поручика Муравьева и прапорщика Дидрихсона, 4 апреля совершивших в пьяном виде воору-

¹³ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 2. Д. 39. Л. 11, 18, 19, 20.

¹⁴ Отечественные ведомости. 1919. 5 февраля.

женное нападение на частную квартиру. Прапорщик Расстригин был приговорен к расстрелу за то, что, будучи пьяным, убил своего однополчанина прапорщика Янина. Тот же суд рассматривал дело солдата Антона Андреева, в пьяном виде убившего дежурного офицера прапорщика Диева. В ходе дознания выяснилось, что и сам прапорщик Диев был тоже нетрезв. 27 апреля 1919 г. начальник Новониколаевского гарнизона генерал А.П. Зоценко представил к разжалованию в рядовые и отправке на фронт за пьянство поручика Сиялова и подпоручика Торхова¹⁵.

Тринадцатого июня 1919 г. был предан Тюменскому военно-окружному суду начальник Тобольской местной команды штабс-капитан П.Ф. Игнатовский по обвинению в том, что в военное время 28 и 29 марта 1919 г. в г. Тобольске он «напился пьяным до потери приличного воинскому чину и офицеру вида», что тогда же 28 марта 1919 г. у себя на квартире, в нетрезвом виде, схватил во время личной ссоры подчиненного ему офицера подпоручика Ухалова за горло и повалил его на кровать, после чего пришел в свою команду и стал без всякого на то со стороны солдат повода ругать их «сволочью» и другими бранными словами, а затем, разувшись и сняв шинель и шапку, стал плясать среди них под гармошку «трепака».

Преданный тому же суду подпоручик А.М. Ухалов обвинялся и в том, что, «напившись пьяным», во время драки со штабс-капитаном Игнатовским нанес своему начальнику несколько ударов, а затем, придя вместе с ним в помещение команды, вступил в неуместные разговоры и споры с солдатами, без всякой причины кричал на них, ругался площадной бранью и вел себя настолько непристойно, что «во избежание явного соблазна и нареканий среди солдат», фельдфебель команды был вынужден под благовидным предлогом увести его на квартиру. Во время судебного разбирательства, происходившего 17 июня, в отношении Ухалова было дополнительно выдвинуто обвинение в том, в военное время 11 мая 1919 г. на станции Тюмень Омской железной дороги он «напился пьяным до потери приличного воинскому чину и офицеру вида» и там же в зале 1-го и 2-го классов, подойдя к двери дамской уборной, стал в присутствии публики мочиться, ругаясь «площадной бранью»¹⁶.

¹⁵ Военные ведомости. 1919. 1 мая.

¹⁶ ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1497. Л. 16–16 об. П. Ф. Игнатовский и А. М. Ухалов первоначально содержались на Тюменской гарнизонной гауптвахте, накануне взятия Тюмени советскими войсками эвакуированы в Омскую областную тюрьму, а с 26 сентября 1919 г. содержались в Иркутской губернской тюрьме. В Иркутск они прибыли в составе группы заключенных, в которой также чис-

Приказами Верховного правителя и Верховного главнокомандующего А.В. Колчака «за пьянство и поведение, недостойное звания офицера», только за два месяца, в июле-сентябре 1919 г. были разжалованы в рядовые около ста человек, в том числе приказом от 16 июля 1919 г. — 27 офицеров¹⁷, 23 июля — 20 офицеров¹⁸, 1 августа — 10 офицеров¹⁹, 10 сентября — восемь офицеров²⁰, 16 сентября — шесть офицеров²¹, 25 сентября — 18 офицеров²². Очевидно, что лишались чинов или отдавались под суд отнюдь не все офицеры, совершавшие те или иные проступки или преступления. Большинство аналогичных деяний в силу их массового распространения оставались безнаказанными. Морально опустившиеся офицеры роняли тень не только на офицерское звание, но и на идеи, которым они призваны были служить. Своими действиями они подрывали основы воинской дисциплины и препятствовали адаптации к службе основной массы военнослужащих — солдат.

В Русской, а затем и в Красной армии офицерское (командирское) звание было высоко престижным в глазах армии и общества, свидетельством чего являлся стабильно-высокий конкурс в военно-учебные заведения. Иное положение наблюдалось на территориях востока России, контролируемых антибольшевистскими режимами. По инициативе центральных военных органов для подготовки командных кадров на театре военных действий весной 1919 г. были организованы инструкторские школы в Екатеринбурге и Челябинске, каждая из которых была рассчитана на обучение 1500 юнкеров. Но к середине июля, когда уже готовился выпуск, в них состоялось соответственно 710 и 659 юнкеров²³, что свидетельствовало о том, что желающих стать портупей-юнкерами, а затем и офицерами было немного.

Общие оценки современниками состояния офицерского корпуса антибольшевистских вооруженных формирований востока России, как правило, всегда сводятся к общему отрицательному знаменателю. По словам управляющего министерством иностранных дел Россий-

лились ранее осужденные офицеры подпоручик В. В. Пономарев, прапорщики А.А. Калашников и М.П. Лебедев (ГА РФ. Ф. Р-4586. Оп. 1. Д. 26. Л. 21, 24, 28, 29, 30).

¹⁷ Русская армия. 1919. 30 июля.

¹⁸ Русская армия. 1919. 3 августа.

¹⁹ Русская армия. 1919. 13 августа.

²⁰ Русская армия. 1919. 12 октября.

²¹ Русская армия. 1919. 16 октября.

²² Русская армия. 1919. 24 октября.

²³ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 64. Л. 13об.

ского правительства И.И. Сукина, «командный состав наших войск, без всяких сомнений, был крайне неудовлетворителен. Младшие офицеры представляли собой серую массу, недостаточно воспитанную, старшие же начальники были лишены дарований, дисциплины и настойчивости, которых требовали тяжести условий борьбы. В этом отношении Красная армия всегда имела над нами решающее преимущество, ибо ее командный состав был, с одной стороны, опытен, а с другой — вынужден подчиняться строжайшей дисциплине, которую большевики особенно применяли в отношении офицеров» [18, с. 18–20].

Анализируя морально–психологическое состояние колчаковской армии, начальник Акмолинского управления государственной охраны МВД Российского правительства подполковник В.Н. Руссиянов в информационном сводке от 23 июня 1919 г. отмечал, что высшие офицеры в большинстве своем — карьеристы, а остальные — «патриоты и или “очень умные”, или “очень неумные” по отношению к настоящему моменту и событиям; каждый из них не проявляет на месте максимума своей деятельности, которая в данный момент так нужна государству». У большинства же офицеров он констатировал отсутствие знания «настроения и психики своих солдат», свойственную им «мягкость» и «сентиментальность», а не «сознание силы» и «настойчивости». Офицеры, по словам В.Н. Руссиянова, «смотрят на события и [на] свое участие в войне с точки зрения фатализма, а не неумолимой жизненной необходимости»²⁴.

Подводя итоги, отметим, что вопрос о состоянии офицерского корпуса антибольшевистских вооруженных формирований с точки зрения его адаптации к гражданской войне требует дальнейшего, более детального изучения. Но имеющиеся факты и свидетельства позволяют высказать мнение о том, что основная масса офицеров востока России — ветеранов Первой мировой войны — не смогла в полной мере адаптироваться к условиям «внутренней», гражданской войны. Как следствие, вооруженные силы контрреволюции, призванные бороться против Красной армии, в большинстве своем оказались морально слабыми и неспособными проявить максимум энергии как в самоорганизации, так и в боевой деятельности.

Следует заметить, что руководители антибольшевистского движения, рассматривавшие политическую действительность России в дореволюционных категориях, не предпринимали серьезных мер к адаптации офицерства к новым реалиям. В отличие от них лидеры

²⁴ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1517. Л. 18–20.

большевиков создали целую систему принудительной адаптации офицеров к службе в Красной армии. Такими адаптирующими факторами стал институт политических комиссаров в армии, коммунистические ячейки и политбойцы в воинских частях, а также особые отделы ВЧК и военно-революционные трибуналы при войсковых соединениях и объединениях. Все вместе они задавали жесткие, но вполне понятные правила поведения, позволившие максимально использовать офицеров для организации сильной регулярной армии.

Литература

1. *Войнов В.М.* Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918–1920) // Отечественная история. 1994. № 6.
2. *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М., 1999.
3. *Константинов С.И.* Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1997.
4. *Константинов С.И.* Вооруженные силы антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны (1918–1920 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1998.
5. *Волков Е.В.* Офицерский корпус вооруженных сил адмирала А.В. Колчака: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Челябинск, 2000.
6. *Волков Е.В.* Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005.
7. *Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л.* Белый генералитет на востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. М., 2011.
8. *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. М., 1966.
9. *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010.
10. *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания, документы. М., 2011.
11. *Молчанов В.М.* Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М., 2009.
12. *Папков С.* В тупике. Последние дни Академии Генштаба и Белой армии на востоке России в описании генерала Антоновича // Голоса Сибири. Вып. 3. http://golosasibiri.ru/almanah/vyp_3/026_parkov_01.htm
13. *Воробьев В.Ф.* Оборона Оренбурга (апрель — май 1919 г.). М., 1938. С. 71.
14. *Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л.* Белый генералитет на Востоке России в годы гражданской войны. Биографический справочник. М., 2011.
15. *Мейбом Ф.Ф.* Тернистый путь // 1918 год на востоке России. М., 2003.
17. Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1920 гг.): Документы и материалы. Новосибирск, 1959.
17. *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.) / Сост., предисл. и коммент. Д.Г. Вульфа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндреса. Рязань, 2006.
18. Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака. Документы и материалы / Сост. А.В. Квакин. М., 2005.

Д.Л. Шереметьева
Институт истории СО РАН

ГАЗЕТЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ*

В статье проанализирована газетная периодика, издававшаяся на подконтрольной антибольшевистским органам власти территории Сибири с июня 1918 г. по декабрь 1919 г. Определены сохранность и полнота прессы как исторического источника, прослежены количественные и качественные изменения в «ландшафте» периодики. Газеты рассмотрены как субъект, инструмент и пространство адаптивной деятельности населения края. В результате установлено, что газетная пресса — перспективный, обладающий признаками полноты и достоверности источник изучения политической адаптации издававших газеты людей, групп, коллективов, организаций и учреждений в Сибири периода гражданской войны.

Ключевые слова: гражданская война, периодическая печать, адаптация, политические партии, общественные организации, Сибирь.

Информационный потенциал периодической печати давно и широко используется исследователями истории гражданской войны [4, 3, 2, 5]. При этом большой объем и многоплановость этого комплекса источников предоставляют возможность для углубления знаний о нем, а применение различных методик и методологических принципов открывает широкие перспективы для осмысления и использования прессы в исторических исследованиях. Разработка пионерной темы — политическая адаптация населения Сибири — требует нового прочтения периодической печати, прежде всего — газет, находившихся на острие общественно-политической жизни.

Ни в одном архивном или библиотечном хранилище не содержится полного комплекса периодической печати Сибири эпохи гражданской войны. Большинство комплектов имеют разную степень полноты; примерно у десятка наименований газет сохранились только отдельные номера; имеются сведения о нескольких, вероятно, су-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-01-00313.

ществовавших изданиях. Библиографические справочники и указатели не позволяют преодолеть эту трудность. Большинство из них описывает лишь отдельные фонды, а в претендующих на обобщение информации имеются ошибки, неточности и пробелы [См.: 6, с. 68–71]. Такое состояние исторического источника вызвано объективными причинами. Газеты, напечатанные на низкосортной бумаге с применением некачественных полиграфических материалов, быстро разрушались. Нестабильная, постоянно меняющаяся ситуация во время гражданской войны делала невозможным строгий учет и комплектование периодических изданий. Поэтому только систематическая и последовательная поисковая работа в крупнейших фондах периодики: Научной библиотеке федеральных архивов, Российской национальной библиотеке, Российской государственной библиотеке, научных библиотеках Томского и Иркутского государственных университетов, а также в областных и краевых государственных архивах и библиотеках, — позволяет составить относительно целостное представление о прессе края лета 1918–1919 гг. и использовать ее в качестве полноценного исторического источника.

В период широкомасштабной гражданской войны в Сибири, с июня 1918 г. по декабрь 1919 г., на подконтрольной антибольшевистским органам власти территории Алтайской, Енисейской, Иркутской, Тобольской и Томской губерний, Акмолинской, Забайкальской, Семипалатинской и Якутской областей издавалось около 220 наименований газет. Однако это цифра «лукавая», так как единовременно выпускалось едва ли более девяти десятков изданий, а длительность существования большинства из них составляла всего несколько месяцев. Изданиями-долгожителями, выпускавшимися с дореволюционного времени, были только «Жизнь Алтая», «Омский вестник», «Приишимье», «Сибирская жизнь» и «Сибирь». Из газет, появившихся после Февральской революции 1917 г., с лета 1918 и до конца 1919 г. выходило порядка пятидесяти наименований. Остальные были учреждены и реорганизованы в период контрреволюции. При этом на всем протяжении гражданской войны, без длительных перерывов и переименований, удалось издавать только кадетские повременные органы «Забайкальскую новь», «Свободную Сибирь», «Сибирскую речь» и «Свободный край», частные «Сибирский листок» и «Тобольское народное слово», а также несколько небольших уездных газет: «Барабинскую степь», «Устькаменогорскую жизнь», «Ялуторовскую жизнь» и др. В сфере газетной периодики не было стабильности, наблюдалось постоянная модификация сети изданий.

Издания учреждались и пытались «выжить» в непрерывно ме-

нявшихся политических условиях, определявших их существование. В связи с восстановлением Западно-Сибирским комиссариатом Временного Сибирского правительства свободы слова летом 1918 г. прокатилась волна «языкового раскрепощения». В июне — июле 1918 г. число изданий росло главным образом за счет восстановления и создания новых партийных эсеровских, кадетских и меньшевистских изданий. Причем сложился относительный паритет либеральной и социалистической периодики. Стремительно увеличивалось количество частных и кооперативных газет. Появлялись издания органов местного самоуправления и профсоюзов. Кроме того, к августу 1918 г. в основном сложилась сеть газет органов государственной власти.

В чрезвычайных условиях гражданской войны политический режим контрреволюции быстро эволюционировал от первоначально декларированного народоправства к авторитаризму. По мере укрепления власти Временного Сибирского правительства усиливался административный и военный контроль за прессой. Наибольшую активность в сфере массовой информации осенью 1918 г., как и ранее, проявляли политические партии. Однако к середине ноября на фоне притеснений социалистических газет военными укрепилась либеральная печать.

В ночь на 18 ноября 1918 г. в Омске произошел государственный переворот, в результате которого власть перешла к Российскому правительству во главе с Верховным правителем адмиралом А.В. Колчаком. Установился авторитарный политический режим. На прессу это оказало существенное влияние. Общее количество повременных изданий непрерывно сокращалось. Гонения на оппозиционную прессу привели к тому, что к маю 1919 г. подавляющее большинство изданий эсеров, социал-демократов и профсоюзов, а также частные газеты социалистической направленности были закрыты. Количество изданий органов местного самоуправления почти сошло на нет. Сохраняли свои позиции в информационном поле кадеты, стабильно издавались газеты кооперации и частные издания. Блок повременных изданий органов государственной власти в 1919 г. был унифицирован и расширен. Новой тенденцией стало увеличение сети военных изданий.

В целом на территории Сибири, подвластной антибольшевистским органам власти, во второй половине 1918–1919 гг. газетная пресса сохраняла признаки и значение общественного института. Несмотря на постепенное нарастание политических гонений и насаждение официозной пропаганды периодическая печать не превратилась в апологета государственной власти и политического агитатора. Пресса оставалась диверсифицирована принадлежностью к различным изда-

телям, выполняла различные социальные функции и политические задачи.

Изменение «ландшафта» периодической печати было зримым отражением сдвигов, происходивших в жизни общества. Менялись участники открытого общественно-политического дискурса, их статус, возможности, цели, задачи и тактика. Условия гражданской войны требовали постоянного приспособления учреждений, организаций, групп и индивидов к политическим режимам гражданской войны. Поэтому периодическую печать целесообразно рассматривать одновременно как субъект, инструмент и пространство адаптивной деятельности. Это подразумевает возможность различного «прочтения» содержащейся в прессе информации.

Не подлежит сомнению, что в периодической печати приводятся достоверные ключевые сведения об изданиях: название, подзаголовок, принадлежность, место и время выпуска. Названия выступают главным идентификатором повременных органов. Как правило, наименование газеты во второй половине 1918–1919 гг. состояло из трех элементов: родового термина, относящегося к понятию информация («слово», «вестник», «ведомости», «газета» и др.), термина географического («сибирская», «алтайская», «тобольская» и др.) и политических маркеров. Для эсеров ими служили слова «земля», «воля», «труд»; для меньшевиков — «рабочий», «заря»; а для либералов — «свобода». Часто использовались вариации на тему названий центральных партийных газет: ЦК партии эсеров «Дело народа», ЦК партии кадетов «Речь», — а также название одной из первых меньшевистских газет — «Луч». Слово «народ» использовалось почти в равной мере кадетами и эсерами. При этом «границы» политической риторики были достаточно жесткие. «Заря» — единственный пример одинакового наименования изданий двух противоборствовавших общественно-политических групп: томских социал-демократов и омских социалистов-центристов. С осени 1918 г. в названиях газет стали использовать слова-маркеры патриотического и националистического характера: «Родина» — «родное», «долг», «Русь» — «русские».

Интересно проследить изменения, происходившие в заголовках газет на протяжении гражданской войны. Названия изданий органов государственной власти во второй половине 1918 г. еще не были унифицированы из-за отсутствия централизации и строгого контроля Центра за информационной ситуацией на местах. Только при Российском правительстве в 1919 г. наметилась тенденция к установлению единообразия, и газеты большинства губернских и областных администраций стали именоваться «Вестниками» по образцу правитель-

ственного издания.

Партийные организации и политические группы при восстановлении закрытых или возобновлении приостановленных изданий стремились выбирать узнаваемые варианты названий. Так, Барнаульская организация РСДРП после закрытия «Алтайского луча» издавала «Свободный луч», затем «Новый луч» и «Новый алтайский луч». Орган Алтайского губернского комитета партии эсеров «Наш путь» стал выходить под названием «Новый путь». Иркутская «Сибирь» в 1919 г. вынуждена была печататься под наименованиями «Новая Сибирь» и «Вольная Сибирь», а новониколаевская «Народная Сибирь» — «Родная Сибирь». Подчеркивание преемственности демонстрировало упорство в отстаивании выбранных позиций и расценивалось представителям власти, наложившими запрет на выпуск изданий, как политический вызов. Поэтому большинство «новых» и «свободных» газет вскоре перестали выходить по причине закрытия.

Названия газет дополняли подзаголовки, которые, как правило, уточняли позиции редакций частных и кооперативных изданий. Во второй половине 1918 г. самыми широко распространенными были указания на «социалистическую», «демократическую» или якобы нейтральную («общественно-политическая») направленность газет. Летом 1919 г. появились такие гибриды, как «национал-демократическая газета». Примечательно, что никто ни разу не написал о «либеральной» политической ориентации. Не могли себе позволить прямо заявить о политическом характере своих изданий даже такие редакторы, как Ю.С. Геркен и Л.П. Кожеуров, бывшие откровенными монархистами. Вероятно, репрезентация в этих категориях была категорически неприемлема для Сибири, где еще в конце 1917 г. население выбрало во Всероссийское Учредительное собрание только эсеров.

Подзаголовки, как и названия, могли быть «подвижными». Омская «Заря», изначально позиционировавшая себя как «орган социалистической мысли», в декабре 1918 г. заявила о своей нейтральности («общественно-политическая и литературная газета»), а со сменой владельца в феврале 1919 г. стала «органом демократической и кооперативной мысли». «Народная социалистическая» «Барабинская степь» весной 1919 г., когда все социалистические издания были закрыты, поменяла подзаголовков и стала «общественно-демократической газетой». Подобные факты не были единичными.

Имевшиеся в газетах сведения об их издателях были в различной степени полны и точны. Из-за политической конъюнктуры повременные органы могли выходить без них или по организационным соображениям содержать информацию не о фактическом владельце, а о

формальном. Примечательно, что сибирские кадеты, например, никогда не выпускали газеты официально, от имени партийных комитетов. Издателями значились товарищества или частные лица. Даже образованный в ноябре 1918 г. Восточный отдел ЦК не учредил газету под своим «брендом».

Смена издателей в газетах была редким явлением, особенно за пределами дежурных ситуаций, когда на смену частному лицу приходило издательское товарищество. В 1918 г. произошел только один принципиальный случай, свидетельствующий о борьбе за ресурс воздействия на общественное мнение. Из-за хитросплетения «прав собственности» между кооператорами и представителями социалистических групп возник конфликт в одной из самых многотиражных и информированных газет Сибири — омской «Заре». Издательское товарищество «Заря» в декабре 1918 г. распалось, газета стала собственностью Союза кооперативов Центросибирь, а действовавший на момент конфликта редакционный коллектив учредил новую газету, взявшую название «Наша заря».

Фамилии ответственных редакторов газет в основной массе легко установить. Порядка дюжины повременных органов, вышедших летом 1918 г. вблизи районов военных действий, и газеты, оппозиционные контрреволюции, не содержат сведений об ответственности. Однако по мере упрочения власти и установления административного контроля за периодической печатью практика издания «анонимных» газет в Сибири сошла на нет.

Мало оснований сомневаться в том, что указанные в периодических изданиях в качестве редакторов люди, действительно их возглавляли. Известны лишь единичные факты, ставящие под сомнение соответствие формальных сведений реально проводимой работе. Зачастую они были связаны с организационными трудностями и особенностями взаимоотношений внутри редакционных коллективов. Так, известные социал-демократы П.А. Казанский, В.И. Николаев и Л.И. Шумиловский значились в составе редколлегии барнаульского «Алтайского луча» с февраля до середины августа 1918 г. Все трое сочувствовали направлению газеты, но в июне — июле 1918 г., по всей вероятности, перестали выполнять обязанности редакторов. Первый руководил просветительским издательством «Сибирский рассвет», второй возглавил городское самоуправление Барнаула, а третий с середины июня 1918 г. работал в Омске заведующим отделом труда Западно-Сибирского комиссариата, затем занимал должность управляющего министерством труда Временного Сибирского правительства. В новониколаевской газете «Народная Сибирь» в сентябре — ноябре

1918 г. редактором неизменно значился член правления Союза сибирских кооперативов Закупсбыт А.В. Сазонов, и не ясно, каким образом он контролировал содержание номеров во время длительных командировок в Омск. В кадетской «Сибирской речи» редакцию официально представляла секретарь газеты Е.К. Татарова, а не главный вдохновитель и идеолог издания В.А. Жардецкий. Фактическим редактором омской «Зари» в 1919 г. был, по свидетельству современников, М.С. Лембич [1, С. 254], а не некие Введенские, с подозрительно часто менявшимися инициалами: П., Т., П.П., В.В. и П.В. Однако это были, скорее, исключения, подтверждавшие общую практику «прозрачности» работы ответственных редакторов.

В период так называемой «демократической контрреволюции», с конца мая — до середины ноября 1918 г., в качестве ответственных редакторов 123 издававшихся в Сибири газет официально значились около 180 человек. Приблизительно половина из них выпустила под своей ответственностью менее десяти номеров периодических изданий и только порядка трех десятков человек беспрерывно являлись редакторами газет. Во время нахождения у власти Российского правительства, с 18 ноября 1918 г. до 4 января 1920 г., в 140 сибирских газетах ответственными редакторами работали около 210 человек, а длительное время — не более четырех десятков.

Такое «непостоянство» являлось приметой времени. Оно было обусловлено тем, что пребывание этих людей на редакторских должностях в условиях гражданской войны было преимущественно следствием их общественно-политической деятельности. По меньшей мере половина редакторов изданий состояла в политических организациях или была тесно с ними связана. Члены политических партий, союзов и групп руководили повременной печатью парторганизаций, стояли во главе ряда профсоюзных периодических органов, части земских, кооперативных и частных газет. Причем руководителями изданий редко становились рядовые партийцы. В основном это были такие видные члены различных комитетов и «статусные политики», как депутаты Всероссийского Учредительного собрания М.Ф. Омельков, А.С. Суханов и А.И. Шапошников, депутаты Сибирской областной думы А.В. Адрианов, А.А. Богданов, С.К. Неслуховский и М.С. Фельдман, бывший член Президиума ВЦИК Советов А.В. Анисимов. Из так называемых «беспартийных» редакторов порядка тридцати возглавляли официальные издания органов государственной власти; столько же работали в органах местного самоуправления различного уровня.

Сведения о редакторах в газетах являются минимальными. Но они дают возможность приступить к изучению судеб и поведения

конкретных людей в широком спектре политических позиций и статусов (в диапазоне от представителей политической элиты до участников оппозиции, от лидеров общественно-политических организаций и руководителей кооперативных структур до рядовых их членов). Отсюда большой простор для анализа роли и места профессии редактора газеты в политических биографиях разных людей, а также их адаптивного поведения на посту руководителя издания.

Встречающаяся в газетах информация о составе коллективов изданий фрагментарна. Фамилии и инициалы авторов статей, корреспондентов и хроникеров зачастую не указывались вовсе или подменялись псевдонимами, криптонимами и т. п. Тем не менее, по существующим подписям под публикациями и по косвенным свидетельствам можно обнаружить в качестве авторов целый ряд общественных и политических деятелей.

По сибирской прессе конца мая 1918 — декабря 1919 г. прослеживаются идейно-политические позиции, адаптивные установки и стратегии целого ряда профессиональных литераторов, журналистов и политиков. Несмотря на условия гражданской войны, именовали публикации член «потанинского кружка», депутат Сибирской областной думы А.В. Адрианов, лично знакомый с большинством министров и управляющих ведомствами Временного Сибирского правительства; председатель Иркутской организации РСДРП В.А. Анисимов; юрист и публицист, профессор Томского университета И.И. Аносов; кандидат в члены Всесибирского крайкома партии эсеров, председатель фракции эсеров в Сибирской областной думе И.Г. Гольдберг (Irridens); гласный Омской городской думы, член омского отдела Союза возрождения России, лидер местных кадетов В.А. Жардецкий (Анк; В.Ж.); член Учредительного собрания, депутат Сибирской областной думы, эсер Е.Е. Колосов; секретарь Восточного отдела ЦК партии кадетов, редактор «Правительственного вестника» В.А. Кудрявцев; депутат Сибирской областной думы, гласный Томской городской думы, председатель Томского комитета партии кадетов С.П. Мокринский; городской голова Барнаула меньшевик В.И. Николаев; депутат Сибирской областной думы, товарищ министра туземных дел Временного Сибирского правительства, затем товарищ министра внутренних дел Временного Всероссийского и Российского правительств профессор Н.Я. Новомбергский; государственный служащий, профессор Омского политехнического и сельскохозяйственного институтов А.М. Осендовский; депутат Томской городской думы, один из лидеров сибирских меньшевиков Д.И. Розенберг; председатель Всекоосовета, член Омского блока политических и общественных объединений, член Государ-

ственного экономического совещания А.В. Сазонов; профессиональный журналист, бессменный член редакционных коллективов правительственных газет в Сибири Л.С. Ушаков; врач, товарищ председателя Иркутской городской думы, председатель общества «Возрождение армии», кадет П.И. Федоров (О. Яковлев, О.Я., Н.Е.М.-о) и некоторые другие.

В статьях авторы пытались выразить идейно-политические установки издания и повлиять на общественное мнение. При этом в сибирской журналистике контрреволюции сильно присутствовало личностное начало. Резкие расхождения взглядов и позиций литераторов с редакционной политикой изданий, как правило, не скрывались. В особых случаях дело могло закончиться «публичным увольнением». Например, известные сибирские журналист Г.Б. Баитов и поэт Г.А. Вяткин опубликовали летом 1918 г. открытые письма о прекращении сотрудничества с «Сибирской жизнью» из-за «принципиальных несогласий с редакцией газеты»¹.

Таким образом, газетная периодика — перспективный, обладающий признаками полноты и достоверности источник для изучения политической адаптации издававших газеты людей, групп, коллективов, организаций и учреждений в Сибири периода гражданской войны. Строго говоря, наличие или отсутствие у различных субъектов общественно-политической жизни повременных органов печати служит барометром их активности и эффективности легальной деятельности, показателем резистентности одних и гибкости других. Изменения, происходившие в сфере периодической печати, свидетельствовали о реакции общества и власти на меняющуюся политическую ситуацию. Анализ содержания газет конца мая 1918 — декабря 1919 г. будет способствовать определению основных трендов, проблем и результатов функционирования общественно-политических институтов в Сибири.

Литература

1. Клерже Г.И. Революция и гражданская война. Личные воспоминания / Отв. ред. А.Л. Посадков. Новосибирск, 2012.
2. Нестеренко П.И. Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях А.В. Колчака с союзниками. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Томск, 2000.
3. Никитин А.Н. Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири. Омск, 1991.
4. Семенова Н.М. Периодическая печать Сибири как источник по истории «демократической» контрреволюции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск,

¹ Голос народа (Томск). 1918. 9 июля; Народная газета (Томск). 1918. 9 июля; Заря (Томск). 1918. 8 августа.

1977.

5. *Сушко А.В.* Национальный вопрос в периодической печати Западной Сибири (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Омск, 2002.

6. *Шереметьева Д.Л.* Библиография газет Сибири периода гражданской войны // Материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию Сибархива. Новосибирск, 2010. С. 68–71.

В.В. Журавлев

Институт истории СО РАН,
Новосибирский государственный университет

**«ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СИБИРИ» В.А. РЯЗАНОВСКОГО
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ
К КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫМ РЕЖИМАМ***

В статье через призму концепции политической адаптации анализируется написанный в 1919 г. известным правоведом В.А. Рязановским обзор законодательства Западно-Сибирского комиссариата, Временного Сибирского, Временного Всероссийского и Российского правительств. Делается вывод о том, что главными задачами текста было адаптировать коллективное сознание к наличной политической действительности и обеспечивать приспособление к реалиям политического режима контрреволюционной диктатуры опорных для власти слоев населения. На их ценностные основания данный текст был призван оказывать трансформирующее воздействие.

Ключевые слова: гражданская война, политическая адаптация, социальная манипуляция, юриспруденция, законодательство, идеология, диктатура, контрреволюция, Колчак, Сибирь.

Гражданская война представляет собой сложный многомерный общественный конфликт. Разрушение единства государственной власти, возникновение внутри страны различных военных и государственных структур, борющихся между собою за контроль над территорией и населением, запускает целый ряд адаптационных процессов. Как сами власти, так и различные группы населения постоянно меняют свои способы действий, адаптируя их к стремительно меняющимся условиям и обстоятельствам.

Инструментарий концепции политической адаптации, будучи применен к истории гражданской войны в России, позволит по-новому проанализировать и оценить многие ранее известные исторические источники.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00313.

Колчаковский режим, установившийся на востоке России в ноябре 1918 г., остро нуждался в поддержке населения, в признании его в качестве законной власти. Наряду с принудительными механизмами он как вынужденно, так и на принципиальных основаниях прибегал к средствам убеждения. В условиях острого дефицита легитимности антибольшевистский режим пытался почерпнуть законность своего существования в выдвижении самого лозунга «восстановления законности». Законотворческая деятельность правительства не исчерпывалась только «производством» правовых актов, вызванных к жизни нуждами текущей политики и управления. Их нужно было еще «представить», репрезентировать населению.

На протяжении нескольких месяцев, с 9 июля по 23 октября 1919 г., официальный орган Российского правительства адмирала А.В. Колчака «Правительственный вестник» в девяти частях публиковал объемное для газетных страниц сочинение «Обзор законодательной деятельности государственной власти в Сибири», принадлежавшее перу известного правоведа профессора В.А. Рязановского.

Этот текст до сих пор почти не привлекал внимание историков, которые если и обращались к нему, то только для того, чтобы почерпнуть сведения о тех или иных законодательных актах Западно-Сибирского комисариата, Временного Сибирского, Временного Всероссийского и Российского правительств. Рассмотреть информационный потенциал «Обзора...» как источника по истории процесса и механизмов политической адаптации в условиях гражданской войны на востоке России — задача настоящей статьи.

* * *

Валентин Александрович Рязановский — крупная и широко известная фигура отечественной юриспруденции, правовой и исторической науки, а также общественной жизни дореволюционной России и русской эмиграции в Китае и Соединенных Штатах¹.

¹ *Хисамутдинов А.А.* Профессор юриспруденции и востоковед Валентин Рязановский // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 2. С. 25–29; *Амосов С.* Забытые идеи профессора Рязановского // Правосудие в Восточной Сибири. 2003. № 2–3(10–11); Рязановский Валентин Александрович // Александров Е.А. Русские в Северной Америке. Биографический словарь / Под ред. К.М. Александрова, А.В. Терещука. Хэмден; Сан-Франциско; СПб., 2005. С. 442; *Треушников М.К.* Об авторе и его правовых идеях // Рязановский В.А. Единство процесса. М., 2005. С. 5–12; *Побединский В.Н., Остроух Д.Е.* Проблема культурных влияний монголов на средневековое право Московской Руси: евразийцы и В.А. Рязановский // Вопросы культурологии. 2011. № 2. С. 16–21; Рязановский Валентин Александрович // Национальный исследовательский Томский гос-

Ко времени переезда в 1918 г. в Сибирь 34-летний профессор В.А. Рязановский прошел вполне успешный жизненный путь. Он родился 1 января 1884 г. в имении своих родителей в Костромской губернии, окончил Костромскую классическую гимназию, а в 1908 г. — юридический факультет Императорского Московского университета. После окончания университета В.А. Рязановский занимал различные судебные должности: от исполняющего обязанности секретаря Нижегородского окружного суда до присяжного поверенного округа Московской судебной палаты. С 1915 г. он одновременно становится приват-доцентом по кафедре гражданского права Демидовского юридического лицея в Ярославле. Начиная с 1911 г., В.А. Рязановский активно публиковался в таких авторитетных правоведческих журналах, как «Право», «Вестник права и нотариата», «Журнал министерства юстиции» и ряде др. К 1916 г. у него вышли из печати четыре работы, изданные отдельно, в том числе две монографии: «О посмертном преемстве супругов по русскому праву: Историко-догматический очерк» (1914, 217 с.) и «Преемство в линии восходящей по русскому праву: Историко-догматический очерк» (1916, 210 с.).

Как и для многих других представителей образованных слоев, революция первоначально способствовала его карьерному росту: с 21 июля 1917 г. В.А. Рязановский стал товарищем председателя Ярославского окружного суда, а 18 февраля 1918 г. был назначен на должность экстраординарного профессора кафедры гражданского права Демидовского юридического лицея. Во время выборной кампании во Всероссийское Учредительное собрание В.А. Рязановский состоял товарищем председателя Ярославской окружной по выборам в Учредительное собрание комиссии².

Однако развитие революции, установление советской власти и ликвидация старых судебных учреждений вынудили его покинуть Ярославль и искать преподавательскую должность в другом городе. Начавшаяся гражданская война застала В.А. Рязановского в Казани. В первых числах сентября 1918 г. часть преподавателей, сотрудников и студентов Казанского университета была эвакуирована из города, оставляемого Народной армией Самарского Комуча. В их числе был и В.А. Рязановский. Эвакуированные были направлены в глубокий тыл

ударственный университет: Электронная энциклопедия [Электронный ресурс].

http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Рязановский,_Валентин_Александрович; 130 лет со дня рождения профессора Валентина Александровича Рязановского // Вестник гражданского процесса. 2014. № 1. С. 282–292.

² ГА РФ. Ф.Р-176. Оп. 5. Д. 315. Л. 38а.

— в Томск, где располагался университет, единственный в то время на территории, контролируемой антибольшевистскими силами восточной контрреволюции.

С 5 ноября 1918 г. В.А. Рязановский состоял ординарным профессором кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства юридического факультета Томского университета. 1 декабря 1918 г. он был избран секретарем юридического факультета. Во время работы в Томске он читал курсы лекций по гражданскому праву, истории римского права, гражданскому процессу.

Почти сразу после эвакуации В.А. Рязановский, наряду с другими высококвалифицированными «казанскими беженцами», был привлечен и на государственную службу только что организованного Временного Всероссийского правительства. 30 сентября 1918 г. формируется Юридическое совещание при Временном Всероссийском правительстве³. В.А. Рязановский был введен в состав этого органа, где он выступил инициатором законопроекта «Об учреждении Высшего суда»⁴. В дополнение к этому, с конца октября 1918 г. он был временно прикомандирован на правах товарища председателя к Томскому окружному суду⁵. 18 января 1919 г. В.А. Рязановский выступил в томской прессе со статьей «Памяти Ф.Ф. Кокошкина»⁶.

После колчаковского переворота В.А. Рязановский также оставался востребованным на государственной службе. 5 марта 1919 г. указом Верховного правителя А.В. Колчака он был назначен (с оставлением в должности профессора Томского университета) членом совета министра юстиции. Это был коллегиальный совещательный орган, образованный при министре юстиции С.С. Старынкевиче.

Вскоре после этого в газете «Сибирская жизнь» вышла его очередная публикация: размышления на тему «Юристы и юридическое общество»⁷, в которой В.А. Рязановский позиционировал себя как важного представителя профессионального сообщества.

2 мая 1919 г. был отправлен в отставку с поста министра юсти-

³ Временное Всероссийское правительство (23 сентября — 18 ноября 1918 г.). Сб. документов и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 218–219.

⁴ Журавлев В.В. Открытие временных присутствий департаментов Правительствующего Сената в Омске 29 января 1919 года // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 1. С. 178.

⁵ ГА РФ. Ф.Р-176. Оп. 5. Д. 315. Л. 38а.

⁶ Сибирская жизнь. 1919. 18 января.

⁷ Сибирская жизнь. 1919. 26 апреля.

ции С.С. Старынкевич. На возникшую вакансию был назначен Г.Г. Тельберг⁸, однако на членство В.А. Рязановского в совете министерства юстиции это не повлияло.

Более того, 16 мая 1919 г. состоялся очередной карьерный шаг В.А. Рязановского. Указом Верховного правителя А.В. Колчака он был назначен членом образованной под председательством А.С. Белевского-Белоруссова подготовительной комиссии по разработке вопроса о всероссийском представительном собрании учредительного характера и об областных представительных органах⁹.

Впрочем, возможно, быстро осознав декоративный характер «комиссии Белоруссова», 5 июля 1919 г. В.А. Рязановский подал последнему прошение: «Не имея возможности вследствие переутомления принимать участие в работах комиссии, имею честь просить Вас принять зависящие от Вас меры к увольнению меня в отставку». Просьба была уважена и 11 июля 1919 г. появился соответствующий указ Верховного правителя¹⁰.

Именно в этих условиях В.А. Рязановский выступил в печати со своей публикацией.

* * *

Напомним, что «Обзор законодательной деятельности государственной власти в Сибири» был опубликован в девяти выпусках официальной газеты «Правительственный вестник»¹¹. Причем первые четыре фрагмента увидели свет 9, 17, 23 и 27 июля 1919 г. Вместе они составляли три главы, пронумерованные римскими цифрами и посвященные деятельности соответственно Западно-Сибирского комиссариата, Временного Сибирского и Временного Всероссийского правительств. Заглавие четвертого фрагмента в выпуске от 27 июля сопровождалось в скобках подзаголовком «Окончание». Спустя три недели, соответственно 25 июля, 1, 4 и 11 августа те же тексты были повторно опубликованы в четырех номерах «Вестника Томской губернии».

⁸ Правительственный вестник. 1919. 9 мая.

⁹ Правительственный вестник. 1919. 31 мая.

¹⁰ Правительственный вестник. 1919. 15 августа.

¹¹ О деятельности данного издания см.: *Шишкин В.И.* «Правительственный вестник» как источник по истории колчаковского режима // История белой Сибири: Материалы 6-й междунар. науч. конф. 7–8 февраля 2005 г. Кемерово, 2005. С.10–12; *Луков Е.В., Шевелев Д.Н.* Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 — январь 1920 г.). Томск, 2007. С. 45–53.

Однако по прошествии полутора месяцев после публикации «окончания», в «Правительственном вестнике» были напечатаны еще пять фрагментов данной работы (11 и 25 сентября, 10, 11 и 23 октября). Причем первая из этой группы публикаций начиналась с подзаголовка «Российское правительство», пронумерованного цифрой «IV», и сопровождалась примечанием, сообщавшим, что «настоящий обзор охватывает время с 18 ноября 1918 г. по 1 июля 1919 года».

Все это показывает, что работа над текстом «Обзора...» велась в два этапа и, видимо, первоначальный замысел не предполагал освещения законотворчества колчаковского периода. Впрочем, при датировке «Обзора...» необходимо учесть несколько моментов. Во-первых, еще 25 июня 1919 г. в томской «Сибирской жизни» В.А. Рязановским была опубликована статья «Обзор законодательной деятельности Временного правительства Северной области», близкая по названию, замыслу и содержанию к «Обзору законодательной деятельности государственной власти в Сибири», но значительно более краткая, своего рода «пробный шар». Во-вторых, это близость верхней хронологической границы работы — 1 июля 1919 г. и даты начала публикации — 5 июля 1919 г. В-третьих, то, что в части, опубликованный в номере от 25 сентября 1919 г., В.А. Рязановский упоминает о себе как о действующем члене комиссии А.С. Белоруссова-Белевского, что навряд ли могло быть написано после его отставки 11 июля 1919 г. В-четвертых, низкие темпы публикаций в неофициальной части «Правительственного вестника», вызванные техническими трудностями¹². Все это позволяет предположить, что к моменту начала публикации текст «Обзора...» был в основном готов, хотя, скорее всего, был передан в редакцию «Правительственного вестника» в два этапа.

* * *

Четыре главы «Обзора...» имели неравный размер и различную структуру. Первая глава называлась «Западно-Сибирский комиссариат», была опубликована в одном номере и не имела внутренних подразделений. Вторая глава, «Временное Сибирское правительство», заняла два номера и состояла из трех разделов: «Организация власти», «Общие вопросы законодательства и управления» и «Деятельность отдельных ведомств». Третья глава, также опубликованная в одном номере, тем не менее была разделена на четыре раздела: «Уфимское Государственное совещание», «Организация власти», «Компетенция», «Деятельность». Четвертая, самая пространная глава, носившая название «Российское правительство», была размещена в

¹² Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный... С. 47–48.

пяти выпусках «Правительственного вестника» и состояла из разделов «Организация власти», «Народное представительство» и «Мероприятия по отдельным ведомствам». Разделы, относившиеся к истории Временного Сибирского и Российского правительств, в свою очередь, членились на подразделы.

Конечно, размерность текста была детерминирована реальными сроками деятельности сменявших друг друга правительств, законодательство которых выступало предметом внимания В.А. Рязановского. Так, Западно-Сибирский комиссариат находился у власти немногим более месяца, Временное Сибирское правительство — немногим более четырех, Временное Всероссийское — несколько менее двух месяцев, а рассматриваемый автором «Обзора...» отрезок деятельности Российского правительства охватывал около семи с половиной месяцев. Однако уже из структуры видна определенная концепция автора «Обзора...», управлявшего вниманием потенциальной аудитории.

Значительно более рельефно концепция автора выступает при рассмотрении содержания данного текста, причем для анализа здесь важно не только то, что и как автор сказал, но и целая система умолчаний текста.

«Обзор...» начинается с историко-политического введения. «25 октября 1917 года большевики завладели центральной государственной властью в Петрограде, в начале ноября они завладели после недельного боя Москвой и постепенно утвердились в центре России. Значительно позже они распространили свое влияние на окраины». Этот начальный тезис подчеркивает стартовую ситуацию насильственного захвата власти, описываемую первопричину всех дальнейших процессов, выступавших предметом последующего авторского рассмотрения.

Далее В.А. Рязановский обращается к истории областнических органов, при описании которых, впервые в литературе формулирует концепцию генезиса контрреволюционных правительств Сибири. Рассказав о Чрезвычайном Сибирском областном съезде и Временном Сибирском областном совете под председательством Г.Н. Потанина, автор даже не упоминает главный акт Чрезвычайного съезда — «Положение о временных органах управления Сибири» от 15 декабря 1917 г., обходит молчанием факт отставки Г.Н. Потанина и не упоминает имени сменившего его на посту председателя правого эсера П.Я. Дербера. После этого автор переходит к истории созыва Сибирской областной думы. Рассказав об избрании Временного Сибирского правительства на тайном заседании думы, В.А. Рязановский пишет: «От-

крытое существование такого правительства в Западной Сибири было невозможно. Большая часть его членов уехала на восток, меньшая же часть осталась в различных городах Западной Сибири и по свержении советской власти образовала здесь (в Омске) Временное Сибирское правительство».

Вернувшись в своем изложении назад, В.А. Рязановский обращается к описанию подпольной деятельности Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства. Далее он пишет, что «в конце мая началось чехословацкое движение» и комиссариат пришел к власти. При этом автор акцентирует внимание на несамостоятельном правовом положении комиссариата, подробно подчеркивая, что его члены «называли себя уполномоченными Временного Сибирского правительства и действовали от имени последнего».

Характерно, что, цитируя один из первых актов новой власти — декларацию комиссариата «Ко всему населению Западной Сибири» от 1 июня 1918 г., В.А. Рязановский вместо слов «Западная Сибирь очищается от большевиков»¹³ пишет «Западная Сибирь очищена», тем самым подчеркивая совершенство действия, но искажая текст декларативного акта.

Далее В.А. Рязановский формулирует фундаментальный тезис по отношению к нормотворчеству Западно-Сибирского комиссариата: «Хотя члены З[ападно-]С[ибирского] комиссариата и заявляют в своей декларации, что им не поручено законодательствование, что власть законодательная принадлежит лишь Сибирской областной думе, однако, по самому положению своему, всем ходом событий они принуждены были издавать юридические нормы общеобязательного характера, которые по материальному содержанию, а также по силе и действию имели равное с законом значение. Так они и понимались населением и последующей властью».

Внешним поводом к рассмотрению данного вопроса являлись многочисленные ссылки на постановления и распоряжения комиссариата, отмена и корректировка последующими правительствами изданных комиссариатом актов. Однако по сути, в логике правового прецедента, этот тезис, никогда не формулировавшийся нигде, кроме данного текста, имел большое значение для разрешения властью проблемы политической адаптации опорных для себя групп населения к реалиям колчаковского режима. Если действия органов госу-

¹³ Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.). Сб. документов и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007. С. 43.

дарственной власти, не соответствующие их функциям и выходящие за пределы их компетенции, приемлемы для «населения и последующей власти» по причине «самого положения» этих органов и принуждения их к таковым действиям «всем ходом событий», то, например, действия Совета министров Временного Всероссийского правительства в ходе государственного переворота 18 ноября 1918 г. выглядят также «приемлемыми».

Далее следует обзор основных нормотворческих действий Западно-Сибирского комиссариата по следующей схеме: организация центральной власти, организация власти на местах, армия, «борьба с антигосударственными элементами», постановления Западно-Сибирского комиссариата общего характера (социальные, социально-политические и социально-экономические вопросы). Важное внимание В.А. Рязановский уделяет возникновению центральных ведомств в виде отделов комиссариата.

Завершая эту главу, В.А. Рязановский подчеркивает, что «осуществление государственной власти» Западно-Сибирского комиссариатом заняло «короткое время». Переходя ко второй главе, к разделу об организации власти, В.А. Рязановский описывает процесс властного транзита как нейтральный и естественный: «На смену Западно-Сибирскому комиссариату пришло Временное Сибирское правительство».

Автор вновь упоминает происхождение Совета министров от областной думы. Впрочем, это единственное упоминание законодательного органа Сибири в данной главе. Все нормотворчество думы — разработка и принятие наказа думы, дополнение Положения о временных органах управления Сибири от 15 декабря 1917 г., многочисленные декларации, приветствия и формулы перехода к очередным делам — совершенно отсутствуют в «Обзоре...». Зато Совет министров описывается следующим образом: «Совет министров был органом законодательства и верховного управления», как будто и то и другое было естественным состоянием дел и не противоречило положению от 15 декабря 1917 г.

Далее В.А. Рязановский обращается к рассмотрению Административного совета Временного Сибирского правительства, называя его «вторым важным органом центральной власти». Непропорционально много внимания автор-юрист уделяет созданию Сибирского высшего суда, особенно учитывая тот факт, что данный орган так никогда и не был создан.

Переходя к разделу о местной власти, В.А. Рязановский сравнивает систему местной администрации, созданную Временным Сибир-

ским правительством, с аналогичной системой, существовавшей «при правительстве Керенского». Также не упомянут в тексте «Обзора...» факт существования изданного Временным правительством «Положения о губернских (областных) и уездных комиссарах» от 19 сентября 1917 г., основанного на идее передачи властных функций на местах местным самоуправлениям, — акта, действие положений которого было формально возобновлено постановлением Временного Сибирского правительства от 18 июня 1918 г.¹⁴, и с которым реальная практика организации и функционирования местной администрации находилась в разительном противоречии.

Большое внимание В.А. Рязановский уделяет организации управления на Дальнем Востоке. Подробное изложение структуры, прав и обязанностей верховного уполномоченного Временного Сибирского правительства завершается следующим выводом: «Юридически права верховного уполномоченного не так велики, но фактическое значение последнего далеко не исчерпывается изложенным перечнем его прав и обязанностей. По-видимому, власть Вр[еменного] Сиб[ирского] правительства на Дальнем Востоке была только номинальной. Но и это имело большое значение, ибо лояльное отношение верховного уполномоченного на Д[альнем] Востоке — генерала [Д.Л.] Хорвата — к правительству способствовало укреплению Вр[еменного] Сиб[ирского] правительства». Вновь автор «Обзора...», обсуждая коллизию права и политической реальности, решительно высказывается в пользу подхода в духе «Realpolitik».

Раздел «Общие вопросы законодательства и управления» имеет следующую характерную внутреннюю структуру: «Право и закон», «Субъективные публичные права», «Охрана государственного порядка». Подраздел «Право и закон» в качестве центрального включал изложение постановления «Об аннулировании декретов советской власти». Вывод по нему вполне определен: «Признав ничтожными декреты советской власти, Временное Сибирское правительство тем самым признало действующей систему права, существовавшую в России до победы большевиков».

Говоря о гражданских правах, В.А. Рязановский отмечает, что «нормальные законодательные учреждения за этот период не действовали (вопрос о Сибирской областной думе рассмотрен выше), а избирательные права в органе самоуправления остались те же, что и при правительстве Керенского [...]. Участие в политических партиях

¹⁴ Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.). Сб. документов и материалов / Сост. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007. С. 168–169.

(кроме большевиков) не преследовалось». Здесь примечательным является отсылка к рассмотрению выше «вопроса о Сибирской областной думе». Как уже отмечалось, именно эта тема в тексте «Обзора...» отсутствует. Возможно, это следы некачественной цензуры, но также вероятно, что под «рассмотрением вопроса» автор подразумевает сюжет о выборах областной думы и формировании ею Временного Сибирского правительства в декабре 1917 — январе 1918 г.

Ярким примером казуистической логики является фрагмент о месте вопроса о гражданских правах в сибирском законодательстве. «В грамоте от 7 июля оно [Временное Сибирское правительство. — В.Ж.] объявило, что «Сибирское правительство... гарантирует всем народам Сибири, без какого бы то ни было исключения, туземным и пришлым, населяющим определенные территории и рассеянным по всему пространству великой Сибири, подлинную неприкосновенность их гражданских, политических и национальных прав» <...> Этим постановлением была провозглашена в прямом смысле обеспеченность прав народностей, но тем самым — прав отдельных граждан». Очевидно, что в грамоте «Ко всем народам Сибири» речь не шла гарантиях субъективных прав даже косвенно, что сменявшие друг друга сибирские власти не находили необходимым прокламировать права граждан, и что предложенное В.А. Рязановским построение крайне искусственно. Политико-адаптационные цели данного фрагмента лежат на поверхности: сюжет о гражданских правах смягчал, делал более приемлемым дальнейший сюжет о их ограничении.

Именно от вопроса о гражданских правах В.А. Рязановский переходит к теме «охраны государственного порядка»: «Ограничения субъективных публичных прав граждан были введены в связи с борьбой государства с внутренним врагом. В этой борьбе Сибирское правительство заняло определенную решительную позицию». Предметом внимания автора здесь становятся «Временные правила о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», акт об учреждении особых прифронтовых военно-полевых судов и восстановление смертной казни в «судах за некоторые тягчайшие преступления», в частности «за военную и государственную измену».

Наконец, В.А. Рязановский переходит к разделу о деятельности отдельных ведомств. Интересно, как он структурирует этот материал, особенно при сопоставлении с аналогичным разделом в главе о Российском правительстве.

Порядок изложения материала о ведомствах Временного Сибирского правительства	Порядок изложения материала о ведомствах Российского правительства
Народное просвещение	Министерство юстиции
Юстиция	Министерство внутренних дел
Министерство внутренних дел	Народное просвещение
Военное министерство	Министерство земледелия
Земледелие	Военное и Морское министерство
Финансы, торговля и промышленность	Финансы, торговля и промышленность
Продовольствие и снабжение	Министерство продовольствия и снабжения
Пути сообщения	Ведомство путей сообщения
	Ведомство вероисповеданий

Рассматривая данные списки, вероятно, можно заключить, что в начале стоит блок ведомств политических и социальных ведомств (характерны первые места ведомств, по которым служил автор текста, — министерств юстиции и народного просвещения). Затем следует блок экономических министерств. Впрочем, расположение военного и морского министерств во втором случае выпадает из этой логики и вообще его место выглядит странным для военного времени. Отсутствие ведомства вероисповеданий для периода Временного Сибирского правительства, напротив, адекватно структуре законодательства, а его последнее место во втором списке оправдано поздним возникновением и скромным местом ведомства как в системе распределения государственных полномочий, так и в законотворческом процессе Российского правительства.

Глава, посвященная Уфимской Директории, имеет своеобразную структуру. Большой раздел посвящен Государственному совещанию в Уфе. Он также, подобно началу раздела о Западно-Сибирском комиссариате, реализован в форме исторического экскурса. В.А. Рязановский строит его так: сначала он указывает на возникновение на востоке нескольких антибольшевистских правительств, затем утверждает, что «среди этих разрозненных областных властей под влиянием общенациональных идей, и ввиду необходимости сообща бороться с советской властью, очень скоро развилось стремление к созданию единой центральной власти», после чего переходит к рассказу об Уфимском государственном совещании. Этот рассказ сводится к перечислению институтов и структур, принимавших участие в совещании,

и цитированию текста «Уфимской конституции». Далее идет речь об учреждении и составе Директории, ее переезде в Омск и заключении договоренности с Советом министров Временного Сибирского правительства. Этот подраздел завершается фразой «Деятельность его [правительства. — В.Ж.] продолжалась до 18 ноября».

В разделе «Компетенция» автор вновь обращается к вопросу о соотношении политической и юридических реальностей. Он сравнивает претензию Директории на статус единственного носителя верховной власти на всем пространстве Российского государства с реальным контролем над сокращающейся территорией. Подобным же образом В.А. Рязановский решает данный вопрос, говоря о взаимоотношениях правительства и Учредительного собрания: новой власти было «вменено в обязанность руководствоваться в своей деятельности непререкаемыми верховными правами Учредит[ельного] собрания, но при создавшейся в то время обстановке приведенное указание являлось лишь общим пожеланием, ибо конкретное осуществление последнего поневоле откладывалось в долгий ящик».

Раздел «Деятельность» завершал собой и главу о Директории и первую часть «Обзора...» вообще. Он целиком был посвящен процессу ликвидации областных правительств. Заключительные слова раздела содержат общую оценку автором роли Директории: «Таким образом, Вр[еменное] Всер[оссийское] пр[авительст]во разрешило вопрос о прекращении деятельности областных правительств Сибири, Урала, Алаша и Сибирской областной думы, что и было фактически осуществлено, и таким образом расчистило почву для образования единой центральной власти на востоке России. Только Совет управляющих ведомствами просуществовал дольше и пережил на некоторое время Директорию, прекратившую свое существование 18 ноября. В исполнении этой централизующей задачи и заключалась историческая миссия Директории. Через нее положено начало новому собиранию земли русской, которое продолжается современной властью».

В этом отрывке можно выделить несколько аспектов. Во-первых, автор показывает Директорию как исполнившую единственную отведенную ей роль. Во-вторых, сыграв данную роль, она показана как «естественно», сама собой покидающая политическую арену, прекращающая чуть ли не добровольно, «силой вещей» свое существование, так и хочется добавить, ставшее бессмысленным. В-третьих, в последней фразе, стилистически оформленной при помощи пафосно звучащей незакавыченной «древнерусской» цитаты, колчаковская власть выступает законным и опять же естественным преемником Директории, наделенным великой исторической миссией. Образность в сухом,

«узко-профессиональном» контексте выступает как еще одно средство, адаптирующее восприятие политической действительности.

Заключительная глава «Обзора...» начинается с того же, чем завершилась глава предыдущая: «18 ноября 1918 г. Директория прекратила свое существование и возникла новая власть, принявшая название Российского правительства».

Далее В.А. Рязановский приводит текст правовых актов, оформлявших колчаковский переворот, и пишет, что он не будет «вдаваться здесь в подробный анализ приведенных законодательных актов», однако обращается к важнейшему политическому аспекту «конституции 18 ноября». Согласно его интерпретации, «осуществление верховной власти принадлежит Верховному правителю совместно с Советом министров». Аргументируя свою позицию, он не забывает подкрепить ее ссылкой на то, что «на указанной точке зрения стоит и I департамент Правит[ельствующего] сената»¹⁵.

Излагая институциональные преобразования центральных органов власти, В.А. Рязановский отмечал, что, по его мнению, «самой важной реформой в области центральных органов власти является возобновление деятельности Прав[ительствующего] сената». Аргументируя это, он пишет, что «без осуществления указанных функций [разные ветви] власти: законодательная, исполнительная и судебная, — лишены своей законченности, граждане государства — существенных гарантий соблюдения их субъективных прав, государственная власть по своей конструкции не может быть признана властью подзаконной, государство — правовым».

Характерно, что при практически полном отсутствии в «Обзоре...» информации по деятельности Сибирской областной думы, которая реально функционировала, в главе о Российском правительстве наличествует целый раздел о народном представительстве, которого в период колчаковской диктатуры не существовало¹⁶.

С одной стороны, В.А. Рязановский все же констатирует, что «правильно организованного народного представительства за рассматриваемое время не существовало». Однако тут же указывает, что «необходимость в представительстве населения сознается прави-

¹⁵ С 9 сентября 1919 г. на В.А. Рязановского было возложено исправление должности обер-прокурора Первого департамента Правительствующего сената.

¹⁶ См.: *Киреева Л.В.* Режим Колчака и судьба идеи национального Учредительного собрания // Роль Сибири в истории России: Бахрушинские чтения 1993 г. Новосибирск, 1993. С. 71–77; *Журавлев В.В.* Идея народного представительства в период колчаковской диктатуры // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 148–152.

тельством, и принимаются некоторые меры для привлечения представительной общественности к участию в работе правительства и контроле над ней».

В качестве примеров такого «участия» и «контроля» В.А. Рязановский приводит создание подготовительной комиссии по разработке вопросов о всероссийском представительном собрании учредительного характера и об областных представительных учреждениях, а также деятельность Государственного экономического совещания.

Далее В.А. Рязановский переходит к обсуждению вопроса о территориальных границах власти Российского правительства. Для наглядности представления автором данной темы полезно сопоставить этот фрагмент с аналогичным фрагментом из главы о Директории.

Территория Временного Всероссийского правительства	Территория Российского правительства
<p>«Директория носила официальное название „Временное Всероссийское правительство“, следовательно, была избрана и считала себя правительством всей России. По Учредительному акту 23 сент[ября] 1918 г. Вр[еменное] Всер[оссийское] правительство являлось единственным носителем верховной власти на всем пространстве государства Российской. Новое название и постановление Уфимского государственного совещания представляли лишь известные desiderata, указывали на идеал, на стремление к воссозданию единства страны.</p>	<p>Территория, на которую <i>фактически</i> распространяется власть Российского правительства, — территория Сибири и часть Европейской России, находящиеся под охраной ее военной силы.</p>
<p><i>Фактически</i> же территория, на которую распространяется суверенитет Директории, состояла из Сибири и части Европейской России, в то время все убывающей, находившейся под охраной ее военной силы».</p>	<p>Но <i>юридически</i> суверенитет Российского правительства значительно шире. <...> Таким образом, по признанию областных русских правительств, существующих на территории государства Российского, — Россий-</p>

	ское правительство в г. Омске является верховным представителем <i>государства Российского</i> . Теперь оно имеет основание претендовать на титул Всероссийского.
--	---

В случае Директории, В.А. Рязановский начинает с юридической фикции, предваряет ее снижающей частицей «лишь», и противопоставляя фактическому, военной силой гарантированному положению вещей, создает у читателя представление о необоснованности, «идеалистичности» претензий Директории. В случае Российского правительства, он строит рассуждение зеркальным образом, начиная с фактического положения — и противопоставляя его юридической картине, показывает последнюю как расширение, дополнительный ресурс.

Далее В.А. Рязановский переходит к рассмотрению законодательства по отраслям государственного управления. Последний абзац «Обзора законодательной деятельности государственной власти в Сибири» сформулирован так: «Заканчивая свой обзор по 1 июля 1919 г., мы должны отметить укрепление власти Российского правительства в г. Омске, признание ее областными правительствами центральным всероссийским и высказать надежду, что, несмотря на временные неудачи, близок час действительного объединения великой России, в это будущее объединение, несомненно, крупный вклад внесен государственной работой в Сибири». Данный текст, опубликованный в номере от 23 октября 1919 г., конечно, навряд ли мог быть написан в июне или июле 1919 г. «Временные неудачи» тогда не были так очевидны, чтобы возникла необходимость упоминать их в репрезентационном тексте.

* * *

В условиях гражданской войны, «войны всех против всех», в обстановке «расплавленной», подвижной легитимности государственная власть нуждается в любых источниках подкрепления. В российской правовой традиции, в отличие от англосаксонской, мнение авторитетного юриста не признается «источником права». Однако в ситуации смертельной борьбы любые средства виделись как приемлемые, любой символический капитал «ложился в строку». Не случайно, каждая из девяти публикаций была подписана не просто инициалами и фамилией автора, но с обязательным указанием титула: «Проф[ессор]

В.А. Рязановский». В ситуации, когда сомнительна законность титулов генералов и министров, в конце концов — и самого Верховного правителя, несомненная «внеполитичность» профессорского звания весила немало.

В.А. Рязановский, создавая свой «Обзор...», действовал как умный и квалифицированный социальный манипулятор: сочетание спокойного, фактографичного повествования и идеологически нагруженных пассажей снижало критический барьер восприятия текста. Очевидная, многократно продемонстрированная «юридичность» текста, повышенное внимание к корпоративно-цеховым аспектам государственной деятельности позволяли продвигать почти макиавеллевское отношение к принципам права, к подчинению их потребностям «реальной политики».

Хотя в «Обзоре...» В.А. Рязановского нет и не могло быть словосочетания «политическая адаптация», по сути весь данный текст носил инструментальный, служебный характер. Его задача была примирить коллективное сознание с наличной политической действительностью, обеспечивать приспособление отдельных, базовых и опорных для власти слоев населения, к реалиям политического режима контрреволюционной диктатуры. В отличие от элементарной пропаганды, В.А. Рязановский стремился не просто призвать к чему-то аудиторию, апеллируя к ее ценностным основаниям. Его «Обзор...» был призван исподволь, ненавязчиво, но существенно трансформировать сами эти основания.

Литература

1. *Хисамутдинов А.А.* Профессор юриспруденции и востоковед Валентин Рязановский // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 2.
2. *Амосов С.* Забытые идеи профессора Рязановского // Правосудие в Восточной Сибири. 2003. № 2–3(10–11).
3. Рязановский Валентин Александрович // Александров Е.А. Русские в Северной Америке. Биографический словарь / Под ред. К.М. Александрова, А.В. Терещука. Хэмден; Сан-Франциско; СПб., 2005.
4. *Треушников М.К.* Об авторе и его правовых идеях // Рязановский В.А. Единство процесса. М., 2005.
5. *Побединский В.Н., Остроух Д.Е.* Проблема культурных влияний монголов на средневековое право Московской Руси: евразийцы и В.А. Рязановский // Вопросы культурологии. 2011. № 2.
6. Рязановский Валентин Александрович // Национальный исследовательский Томский государственный университет: Электронная энциклопедия [Электронный ресурс].
http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Рязановский_Валентин_Александрович;
7. 130 лет со дня рождения профессора Валентина Александровича Рязанов-

- ского // Вестник гражданского процесса. 2014. № 1.
8. Временное Всероссийское правительство (23 сентября — 18 ноября 1918 г.). Сб. документов и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010.
9. Журавлев В.В. Открытие временных присутствий департаментов Правительствующего Сената в Омске 29 января 1919 года // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 1.
10. Шишкин В.И. «Правительственный вестник» как источник по истории колчаковского режима // История белой Сибири: Материалы 6-й междунар. науч. конф. 7–8 февраля 2005 г. Кемерово, 2005.
11. Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 — январь 1920 г.). Томск, 2007.
12. Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.). Сб. документов и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007.
13. Киреева Л.В. Режим Колчака и судьба идеи национального Учредительного собрания // Роль Сибири в истории России: Бахрушинские чтения 1993 г. Новосибирск, 1993.
14. Журавлев В.В. Идея народного представительства в период колчаковской диктатуры // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998.

В.В. Журавлев

Д.Г. Симонов

Институт истории СО РАН,
Новосибирский государственный университет

К ВОПРОСУ О ТИТУЛОВАНИЯХ В ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СТРУКТУРАХ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ РЕЖИМОВ ВОСТОКА РОССИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается вопрос о титулованиях в организационных структурах антибольшевистских режимов востока России в период гражданской войны. Делается вывод о том, что в отношении титулования наблюдался ряд разнонаправленных тенденций. В целом имела место преемственность с политикой Временного правительства, радикально упростившего дореволюционную систему титулований. Наряду с этим в качестве наименований должностей использовались нейтральные, идеологически «обесцвеченные» термины. В отношении лиц, занимавших высшие государственные должности, и генералитета были *de facto* восстановлены формы обращения, характерные для императорской России. Наблюдалось и возрождение архаических форм титулования доимперского периода русской истории. Практика титулования на востоке России в 1918–1920 гг. так и не смогла оформиться в какую-либо единую систему, оставаясь эклектичным соединением оставаясь эклектичным соединением дореволюционных традиций и разнородных новаций революционного времени.

Ключевые слова: революция, гражданская война, символика, ритуалы, титулы, армия, комиссары, атаманы

Титулование является важной составляющей системы социального этикета. В Российской империи на протяжении двух столетий сложилась разветвленная и в то же время стройная система служебного титулования. Она включала в себя общие титулы (например, Ваше превосходительство), частные — по наименованию должности (например, товарищ министра путей сообщения) и по чину (например, генерал-майор или тайный советник).

В военном ведомстве порядок обращения по службе к начальникам и старшим регламентировался Уставом гарнизонной службы. К полным генералам положено было обращаться «Ваше высокопревос-

ходительство», к генерал-лейтенантам и генерал-майорам — «Ваше превосходительство». К штаб- и обер-офицерам офицеры, подпрапорщики и кандидаты на классную должность обращались по чину, прибавляя слово «господин» (например, «Господин капитан», «Господин полковник»). Прочие нижние чины титуловали штаб-офицеров и капитанов словами «Ваше высокоблагородие», остальных обер-офицеров — «Ваше благородие». Нижние чины обращались к начальникам и старшим из нижних чинов словами «Господин подпрапорщик», «Господин фельдфебель», «Господин унтер-офицер» и т. п. Начальники и старшие, обращаясь к подчиненным или младшим офицерам, именовали их по чину или по чину и фамилии (например, поручик такой-то). К нижним чинам обращались просто по фамилии. В случае, если вышестоящее лицо имело княжеский или графский титул, его полагалось называть «Ваше сиятельство». Аналогичная система титулования практиковалась и в отношении чинов гражданского ведомства¹.

После свержения монархии систему титулования в России власти существенно упростили. Приказом по военному ведомству от 5 марта 1917 г. отменялось наименование «нижний чин» с заменой его названием «солдат». Отменялось титулование («Ваше высокопревосходительство», «Ваше превосходительство», «Ваше высокоблагородие», «Ваше благородие») с заменой такового формой обращения «Господин генерал», «Господин полковник», «Господин штабс-ротмистр», «Господин хорунжий» и т. п.²

13 марта в зале заседаний Государственной думы состоялось совещание, в котором приняли участие представители исполнительного комитета Совета солдатских и рабочих депутатов, исполнительного комитета офицеров частей, расположенных в Петрограде, делегаты-офицеры Петроградского гарнизона, крепости и флота и представители офицеров-республиканцев. Также на заседании присутствовали некоторые английские, французские и итальянские офицеры. Главным вопросом совещания являлось обсуждение «Общих прав солдата». Совещание подтвердило официальную отмену титулований и наименования «нижний чин»³. Спустя два месяца А.Ф. Керенский, являвшийся военным и морским министром, официально признал решения комиссии, утвердив приказом по армии и флоту от 11 мая

¹ См. подробнее: *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. М., 1991.

² Разведчик. 1917. 7/13 марта. № 1374–1375.

³ Разведчик. 1917. 7/13 марта. № 1374–1375.

1917 г. «Положения об основных правах военнослужащих»⁴.

Несмотря на отмену прежнего титулования, на неофициальном уровне оно продолжало практиковаться. В воспоминаниях подполковника Ф.Ф. Мейбома приводится характерный пример. В мае 1917 г. он, в то время штабс-капитан, вместе с несколькими офицерами отказался присягать на верность Временному правительству, за что был арестован и препровожден на гауптвахту в г. Луцк. «Как ни странно, — пишет Мейбом, — весь наш конвой относился к нам с большим уважением. Это были солдаты нашего полка, они нас знали хорошо, и видно было, что были смущены всем происшедшим. Обращаясь к нам, называли нас Ваше благородие, что было строго запрещено»⁵.

Ряд вариантов использования старого и нового титулования в армии приводит в своих воспоминаниях генерал П.Н. Краснов. К Верховному главнокомандующему генералу Л.Г. Корнилову он обращался «Ваше превосходительство». Подчиненные П.Н. Краснову офицеры титуловали его «Ваше превосходительство», а офицеры, ему не подчиненные и лично его не знавшие, — «Господин генерал». Комиссар Юго-Западного фронта Ф.Ф. Линде обращался к П.Н. Краснову просто — «генерал». Солдаты в большинстве случаев говорили «господин генерал», но иногда проскальзывала и прежняя форма титулования.

В частности, П.Н. Краснов описывает конкретный случай, имевший место 7 сентября 1917 г. в Пулково, в районе расположения 9-го и 10-го Донских казачьих полков: «В просторной сельской школе были собраны все офицеры и большая часть урядников полков. [...] Дорогие мне лица окружали меня. Я видел пламенные, восторженные взгляды моих соратников под Белжецем, Комаровым, Незвиской, Залещиками и во многих, многих делах. Я чувствовал, что среди них я свой [...]. Ваше превосходительство! — раздались гулом голоса, — не извольте ни о чем беспокоиться. Мы — корниловцы! Велите — и мы вам Керенского самого предоставим. Мы понимаем, где порядок»⁶.

Насколько можно судить по сохранившимся источникам, военнослужащие, используя прежние, переставшие быть официальными, формы титулования, подчеркивали тем самым, во-первых, особое личное расположение к вышестоящему командиру или начальнику и,

⁴ Разведчик. 1917. 19 мая. № 1383; См. также: *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012. С. 275–284.

⁵ *Мейбом Ф.Ф.* Тернистый путь // *Первопроходник. Летопись белой борьбы.* № 23. Февраль 1975 г. С. 26.

⁶ *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте // *Архив русской революции.* Т. I. Берлин, 1922. С. 136.

во-вторых, свое неприятие революционных преобразований в армии.

После свержения Временного правительства и прихода к власти большевиков прежняя система титулований была окончательно упразднена. Декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 11 (24) ноября 1917 г. все существовавшие в России сословия, титулы и гражданские чины упразднились, а для всего населения устанавливалось одно общее наименование: «граждан Российской республики». Декретом от 16 (29) декабря 1917 г. все чины и звания в армии, начиная с ефрейторского и кончая генеральским, также упразднились. Армия Российской республики отныне должна была состоять «из свободных и равных друг другу граждан, носящих почетное звание солдат революционной армии»⁷.

* * *

Контрреволюционные настроения, постепенно вызревавшие в части армии и общества в 1917 году, получили более широкое распространение после прихода к власти большевиков. Летом 1918 г. на востоке России, как и в ряде других районов страны, была свергнута советская власть, на смену которой пришли антибольшевистские политические режимы, крупнейшими из которых были режимы Временного Сибирского правительства и Комитета членов Всероссийского учредительного собрания. Оба этих властных органа отказались признавать большевистское законодательство. De facto в вопросах титулования в целом было осуществлено возвращение к нормам, действовавшим в марте — октябре 1917 г.

В то же время эсеровский Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания в Самаре пытался продолжить политическую линию Временного правительства на дальнейшую демократизацию армии. Во Временных правилах об организации и службе Народной армии, утвержденных 17 июня 1917 г., «для развития идеи гражданского равенства» предлагался следующий порядок взаимоотношений военнослужащих: «[...] При обращении по службе начальник говорит подчиненному „гражданин такой-то (фамилия)“. Подчиненный, обращаясь к начальнику, говорит „Гражданин (называет его чин, должность)“. При обращении начальника с приветствием к подчиненным последние отвечают „Здравствуйте, гражданин (чин или должность)“»⁸. Однако данное нововведение не встретило поддержки у офицеров и добровольцев. Впрочем, у Комуча не хватило времени для

⁷ Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 72, 243.

⁸ ГАНО. Ф.П-5. Оп. 5. Д. 3. Л. 1.

внедрения новой формы титулования.

В конце сентября 1918 г. на Государственном совещании в Уфе в результате непрочного компромисса различных антибольшевистских политических сил было образовано Временное Всероссийское правительтельство (Директория). Управляющий делами Совета министров Временного Сибирского правительства Г.К. Гинс вспоминал: «Директория первая открыла старый Свод законов, восстановила старые учреждения министерств, ввела уничтоженное при [Временном] Сибирском правительстве титулование по чинам ([Н.Д.] Авксентьев не иначе назывался, как Ваше высокопревосходительство)»⁹. Причина подобных действий представителей левого фланга антибольшевистского движения лежит на поверхности: остро нуждаясь в укреплении своего статуса в глазах значительно более правых подчиненных, особенно представителей армии и государственного аппарата, члены Директории пытались использовать старорежимное титулование как символический ресурс укрепления собственной власти.

Однако 18 ноября в результате свержения Временного Всероссийского правительства к власти пришел адмирал А.В. Колчак, провозглашенный Верховным правителем и Верховным главнокомандующим. Государственный переворот привел к утверждению у власти политических сил правой ориентации. В новых условиях уже не могло быть и речи о демократизации армии. Напротив, в высших военных кругах выявилось стремление вернуться к дореволюционным принципам воинской дисциплины.

Довольно быстро установилось неписанное правило обращаться к А.В. Колчаку как к полному адмиралу: «Ваше высокопревосходительство». Так, в 349 приветственных посланиях на имя А.В. Колчака, то есть более чем в каждом втором, присутствовало титулование «Ваше высокопревосходительство» (лишь один раз встречается обращение «Ваше превосходительство»). И лишь в девяти случаях встречалось обращение «Господин Верховный правитель», еще в девяти — «Господин адмирал». Демократичное же «Гражданин Верховный правитель» было употреблено лишь один раз¹⁰.

Тогда же повсеместно распространилась практика обращения к генералам и адмиралам с употреблением общего титула «Ваше пре-

⁹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 2. С. 114.

¹⁰ Подробнее см.: Журавлев В.В. Вождизм в идеологической практике контрреволюционного движения на востоке России: Опыт анализа приветственных посланий А.В. Колчаку // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Вып. 2. Сб. науч. статей. Новосибирск, 2013. С. 119–120.

восходительство». Следует отметить, что большинство генералов, служивших в антибольшевистских войсках востока России, получило свой первый генеральский чин уже во время гражданской войны. Легитимность таких производств сильно уступала производствам, осуществленным высочайшими приказами. Как следствие, генералы царского производства склонны были воспринимать своих молодых коллег как ненастоящих, неполноценных генералов. Титулование же и тех, и других «Ваше превосходительство» в некоторой степени снимало противоречие между «стариками» и «молодежью».

По большому счету, титул «Ваше превосходительство» по своей этимологии имел мало отношения к сословному неравенству, характерному для императорской России. В военной иерархии любой армии генерал — явно «превосходный» чин над основной массой военнослужащих, офицеров и солдат. Совсем иную этимологию имеют титулы «Ваше высокоблагородие» и «Ваше благородие». Данные титулования концентрировались на наличии у того или иного лица якобы «благого» или «высокоблагого» происхождения, в отличие от нижних чинов, рождение которых являлось, якобы, «неблагим». Однако редкий человек признает свою ущербность от рождения по сравнению с другими людьми.

Напомним, что до революции «их благородиями» являлись все дворяне, независимо от наличия или отсутствия у них военного или гражданского чина. До середины XIX в. подавляющее большинство офицеров было дворянами. К 1917 г. положение кардинально изменилось: среди офицеров Русской армии дворяне составляло уже незначительное меньшинство. Большинство же являлось представителями крестьянского и мещанского сословий, то есть тех сословий, к которым принадлежали почти все «нижние чины». Таким образом, следует признать, что ко времени свержения монархии система титулований офицеров нижними чинами в Русской армии явно устарела и не соответствовала социально-политическим реалиям. Ее отмена была оправдана, а последующее восстановление — лишено здравого смысла.

Поэтому в антибольшевистских вооруженных силах в обращении солдат к офицерам сохранились нормы, введенные Временным правительством, но на практике, также как в 1917 г. и на тех же основаниях, иногда использовалось и прежнее титулование. Характерный пример такого рода приводит в своих воспоминаниях генерал В.М. Молчанов. В феврале 1919 г. он, в чине полковника, был назначен начальником добровольческой Ижевской отдельной стрелковой бригады. По прибытии к новому месту службы В.М. Молчанов провел

строевой смотр личного состава бригады. «[...] На мое приветствие, — пишет В.М. Молчанов, — они ответили как в старой Императорской армии: „Рады стараться, Ваше высокоблагородие!“ Меня это поразило. И когда я спросил командира полка, почему они меня так приветствовали, он ответил, что не знает, и обещал выяснить. Позже оказалось, что солдаты решили приветствовать меня в старом стиле, чтобы меня не обидеть и подчеркнуть тот факт, что они считают себя остатками старой армии, а не какой-то новой революционной армией». В.М. Молчанов был явно польщен таким приветствием, но позднее попросил обращаться к нему так, как это принято в настоящее время, т. е. «господин полковник»¹¹.

* * *

Совершенно особое место в практике титулования занял термин «комиссар». С одной стороны, он был присущ определенным специализированным областям государственной службы императорского периода, а затем очень широко использовался Временным правительством. С другой, принятие правительством В.И. Ульянова-Ленина наименования «Совет народных комиссаров» быстро сделало термин символом именно советской, большевистской власти. Инвективы в адрес Совнаркома неоднократно встречались в официальных актах антибольшевистских правительств, газетная публицистика широко оперировала для описания советской власти термином «комиссаро-державие».

После свержения советской власти в Сибири в мае — июне 1918 гг. повсеместно возникли коллегиальные органы управления чрезвычайного характера под наименованием «эмиссариатов» или, чаще, «комиссариатов Временного Сибирского правительства». Часть из них возникала на основе еще подпольных антибольшевистских структур, часть — была учреждена командированными на места уполномоченными Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства, как правило, после консультаций с деятелями местного самоуправления и другими представителями общественности. Местные комиссариаты были как единоличными по составу, так и коллегиальными; в большинстве случаев комиссариаты состояли из трех членов, из числа которых избирался председатель. Постановлением от 18 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство упразднило их. Этим же постановлением был восстановлен институт губернских (областных) и уездных комиссаров и их помощников «в том виде,

¹¹ Молчанов В.М. Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М., 2009. С. 114.

в котором он существовал при Временном правительстве» в 1917 г. Целью этого мероприятия называлось «согласование настоящего административного устройства с законодательством Временного правительства»¹².

Основным актом, определившим правовое положение местной администрации, становилось «Положение о губернских (областных) и уездных комиссарах» от 19 сентября 1917 г. По мере расширения территории, подведомственной Временному Сибирскому правительству, институт губернских (областных) и уездных администраторов стал распространяться и за пределы собственно Сибири: на Урал, на Дальний Восток, отчасти — в Поволжье. Большинство местных администраторов сохранили свои должности и после ликвидации Временного Сибирского правительства 3 ноября 1918 г. как при Временном Всероссийском правительстве, так и после перехода власти к Российскому правительству.

21 декабря 1918 г. министерство внутренних дел вошло в Совет министров с представлением о переименовании губернских, областных и уездных комиссаров соответственно занимаемых ими должностям в управляющих губернией, областью и уездом. На заседании, состоявшемся 28 декабря 1918 г., Совет министров принял решение «переименовать губернских, областных и уездных комиссаров соответственно занимаемым должностям в управляющие губернией, областью и уездом и состоящие при названных комиссарах управления — в канцелярии управляющих губернией, областью и уездом»¹³.

Несколько позже, 8 января 1919 г., в соответствии с этой логикой «все подведомственные министерству труда комиссариаты труда» также были переименованы в «инспекции труда» и «все имеющиеся по министерству труда должности комиссаров труда — соответствен-но в должности инспекторов труда»¹⁴.

Избавление от ставшего идеологически неудобным наименования коснулось и тех случаев, когда термин комиссар был унаследован от законодательства императорского периода. Например, в соответствии с дипломатической практикой, должность представителя России в Урянхайском крае носила наименование «Комиссар по делам Урянхайского края» и числилась по ведомству министерства иностранных дел. С таким же наименованием должность была восстано-

¹² ГАИО. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 4. Л. 56; Временное Сибирское правительство. Сб. документов и материалов / Сост. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007. С. 166, 168–169.

¹³ ГА РФ. Ф. Р.-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 92–94.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р.-176. Оп. 5. Д. 92, Л. 7–11.

лена Временным Сибирским правительством¹⁵. После получения постановления Совета министров комиссар по делам Урянхайского края А.А. Турчанинов стал использовать наименование «Управляющий Урянхайским краем»¹⁶.

Характерно, что предложение наименовать местных администраторов термином «начальник», использовавшемся в дореволюционной должностной номенклатуре, не было принято. Описательно-функциональный термин «управляющий» наиболее адекватно соответствовал «непредрешенческой» концепции колчаковского режима.

Кроме того, необходимо отметить, что нормативная база сибирских антибольшевистских правительств изначально строилась на частичном соответствии духу дореволюционного законодательства. Так, еще в 25 ноября 1918 г. енисейский губернский комиссар П.З. Озерных издал постановление, присваивающее уже упраздненным должностям членов губернского комиссариата V класс, а председателя губернского комиссариата — IV класс должности¹⁷.

* * *

Новацией в области титулования, характерной для периода гражданской войны, стало широкое распространение звания «атаман». Напомним, что в дореволюционной России это звание было строго регламентированным. Во главе казачьих войск (Донского, Кубанского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского) находились наказные атаманы, назначаемые императором. Большинство казачьих войск в административном отношении подразделялись на отделы во главе с атаманами, которые назначались наказными атаманами. И, наконец, существовали станичные атаманы, избираемые казачьими обществами соответствующих населенных пунктов, располагавшихся на территории того или иного казачьего войска. После свержения монархии должности наказных атаманов были упразднены, и во всех казачьих войсках восстановлено утраченное в XVIII веке право избирать войсковых атаманов. К середине 1918 г. на востоке России такие выборные должности занимали атаманы следующих казачьих войск Оренбургского: А.И. Дутов, Сибирского — П.П. Иванов-Ринов, Семиреченского — А.М. Ионов, Забайкальского — В.В. Зимин, Амурского — И.М. Гамов, Уссурийского — И.П. Калмыков.

В то же время некоторые командиры и начальники —

¹⁵ Сибирский вестник. 1918. 17 августа.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 32. Л. 2.

¹⁷ ГАКК. Ф. 1800. Оп. 2. Д. 18. Л. 26–27.

Г.М. Семенов, Б.В. Анненков, И.Н. Красильников и др. — также именовали себя атаманами. Все они являлись организаторами и руководителями добровольческих отрядов, основу которых составляли казаки. Истоки такого атаманства следует искать в стихийном возрождении традиций вольного казачества, утраченных в ходе превращения его в военно-служилое сословие царской России. В старину, как известно, атаманами называли предводителей любых казачьих отрядов. Атаманы могли быть как выборными, так и самопровозглашенными. Опираясь на своих боевых товарищей, они чувствовали себя независимыми от кого бы то ни было. Те, кто не принадлежал к казачьему сообществу, нередко считали казаков разбойниками. Отсюда и используемое в русском языке еще 100 лет назад словосочетание «атаман разбойников». Характерно, что атаманы периода гражданской войны как раз и отличались неуважением к закону, стремлением к максимальной автономии от выше стоявших командиров и начальников. Наверняка они и сами ощущали себя некими «благородными разбойниками».

На появление атаманов оказал воздействие и другой фактор. Как правило, будущие атаманы имели незначительные чины, что противоречило реально занимаемому ими служебному положению. Так, в марте 1918 г. генерал Н.В. Никонов, помощник Г.М. Семенова по военной части, обратил внимание на «чисто формальную ненормальность» в существовавшей в Особом Маньчжурском отряде иерархии. Будучи в чине есаула, Г.М. Семенов имел в своем подчинении генералов и штаб-офицеров, в отношении которых являлся их непосредственным начальником. Чтобы обойти неловкость подчинения Г.М. Семенову старших в чине, высший командный состав отряда обратился к нему с предложением принять на себя звание атамана Особого Маньчжурского отряда. Лишь спустя несколько месяцев атаманское звание Г.М. Семенова было узаконено избранием его на пост походного атамана Дальневосточных казачьих войск¹⁸.

* * *

В организационных структурах антибольшевистских режимов востока России в отношении титулования наблюдался ряд разнонаправленных тенденций. В целом имела место преемственность с политикой Временного правительства, радикально упростившего дореволюционную систему титулований. Наряду с этим в качестве наименований должностей использовались нейтральные, идеологически «обесцвеченные» термины. В отношении лиц, занимавших высшие

¹⁸ *Атаман Семенов. О себе (Воспоминания, мысли и выводы).* М., 1999. С. 149.

государственные должности, и генералитета были de facto восстановлены формы обращения, характерные для императорской России. Наблюдалось и возрождение архаических форм титулования доимперского периода русской истории.

Практика титулования на востоке России в 1918–1920 гг. так и не смогла оформиться в какую-либо единую систему, оставаясь эклектичным соединением дореволюционных традиций и разнородных новаций революционного времени.

Литература

1. *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. М., 1991.
2. *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012.
3. Декреты советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1957.
4. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 2.
5. *Журавлев В.В.* Вождизм в идеологической практике контрреволюционного движения на востоке России: Опыт анализа приветственных посланий А.В. Колчаку // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Вып. 2. Сб. науч. статей. Новосибирск, 2013.
6. *Молчанов В.М.* Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М., 2009.
7. Временное Сибирское правительство. Сб. документов и материалов / Сост. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007.
8. *Атаман Семенов.* О себе (Воспоминания, мысли и выводы). М., 1999.

К.А. Конев

Томский государственный университет

ОБРАЗ СОЮЗНИКОВ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВОСТОКА РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТНОЙ САТИРЫ 1918–1919 ГГ.)*

Взаимоотношения антибольшевистских правительств востока России с союзниками — одна из ключевых тем в сибирской и дальневосточной периодической печати периода гражданской войны. Многочисленные газетные публикации различного жанра, в которых затрагивались различные аспекты данной проблемы, образовывали сложную динамичную и многоплановую конструкцию. Цель данной статьи — определение роли сатирических газетных жанров (фельетона) в процессе формирования образа союзников в сибирской и дальневосточной прессе. Анализ фельетонов, в которых затрагивалась тема отношений России и союзников, позволяет не только отчасти реконструировать содержание образа союзников в прессе, но и проследить особенности процесса формирования общественного мнения Сибири в годы гражданской войны. Жанр фельетона, активно использовавшийся в печати рассматриваемого периода, позволял эффективно формировать образ врага, высмеивать политических оппонентов, критиковать пороки общества. Первоначально положительный образ союзников в прессе постепенно приобретал все больше негативных черт. Причинами этого было разочарование руководства белого движения и населения востока России в политике союзников и в поведении войск интервентов. Жанр фельетона позволял выразить недовольство союзниками. Образ союзников, представленный в газетных фельетонах белой Сибири, вбирал в себя все отрицательные аспекты, связанные с их деятельностью в отношении России. Анализ текстов фельетонов позволяет выяснить, что главным образом не устраивало сибирскую общественность в союзниках. Фельетоны, с одной стороны, представляли собой выраженное в литературной, сатирической форме недовольство общества деятельностью интервентов, с другой — служили средством усиления этого недовольства.

Ключевые слова: гражданская война, Сибирь, Дальний Восток, союзники, интервенция, периодическая печать, пропагандистский образ, фельетон, общественное мнение.

Взаимоотношения антибольшевистских правительств востока

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00395.

России с союзниками (страны Антанты и США) — одна из ключевых тем в сибирской и дальневосточной периодической печати периода гражданской войны. Многочисленные газетные публикации, в которых затрагивались различные аспекты данной проблемы, образовывали сложную и многоплановую конструкцию. Реконструкция содержания данного образа представляет интерес в связи с изучением процесса формирования общественного мнения белой Сибири в годы гражданской войны.

Как известно, общественное мнение формируется из двух источников: один — это непосредственное восприятие окружающего мира; второй — средства массовой коммуникации, которые формируют так называемый «дух времени» — определенную тематику общественного мнения, сохраняющуюся продолжительное время и влияющую на установки и поведение индивида [1. с. 12]. В рассматриваемый период основным средством массовой коммуникации являлась пресса, которая составляла основу информационного пространства Сибири и Дальнего Востока [2. с. 115].

Информационное пространство востока России времен гражданской войны следует рассматривать как поле взаимодействия информационных потоков и разнообразных видов коммуникации между различными социальными слоями и политическими группировками, входившими в состав антибольшевистских сил.

Неоднородность состава сибирской контрреволюции обусловила многообразие взглядов и мнений, выразившихся на страницах многочисленных периодических изданий. Подобный плюрализм дает богатый материал для изучения пропагандистских образов, политических нарративов и мифов, применявшихся в рамках идеологической и политической борьбы и воздействия на общественное мнение.

В два последние десятилетия в отечественной историографии наметился интерес к идеологии белого движения, к различным аспектам информационной и пропагандистской деятельности антибольшевистских правительств на востоке России. Эти темы нашли отражение в публикациях В.В. Журавлева, С.П. Звягина, Е.В. Лукова, Л.А. Молчанова, А.Л. Посадкова, В.М. Рыноква, Д.Н. Шевелева, Д.Л. Шереметьевой и др. Вместе с тем, как отметил В.В. Журавлев, «идеологические процессы в контрреволюционном движении и на территориях, подконтрольных антибольшевистским режимам, трудно назвать изученными сколько-нибудь целостно и глубоко» [3. с. 109]

Образ союзников в сибирской и дальневосточной печати складывался на основе публикаций всех разновидностей газетных жанров — информационных, аналитических, художественно-публицистиче-

ских.

Цель данной статьи — определение роли художественно-публицистических жанров (прежде всего, фельетона) в процессе формирования образа союзников в сибирской и дальневосточной прессе. Анализ фельетонов, в которых затрагивалась тема взаимоотношений России и союзников, позволит не только отчасти реконструировать содержание образа союзников, но и проследить особенности процесса формирования общественного мнения Сибири в годы гражданской войны.

Основным источником для данной статьи послужили материалы сибирских и дальневосточных газет. Автором были отобраны и проанализированы около трех десятков фельетонов, в которых нашла отражение тема союзной политики в отношении России.

Эскалация гражданской войны на востоке России и консолидация антибольшевистских сил провоцировали повышение интереса прессы к политике союзников в отношении России. Особое внимание привлекал вопрос о возможной интервенции. Высадка союзных десантов в Мурманске, а затем в Приморье была положительно воспринята правительственной, кадетской и частью левой печати. В связи с тем, что большевики считались германскими агентами, действия союзников не рассматривались как агрессия против России. Интервенция, по словам газеты «Воля Сибири», превращала русскую гражданскую войну в «одну из форм борьбы общеевропейских демократий с германским империализмом». Перенесение Мировой войны на русскую территорию, отмечалось в газете, «еще больше обязывает нас к тому, чтобы принять участие в этой войне на стороне союзных держав»¹. В связи с этим в прессе преобладали положительные характеристики в отношении союзников и их политики в России.

Как правило, объектами критики в фельетонах белогвардейских газет в первую очередь являлись их противники — большевики. В то же время фельетон использовался для межпартийной идеологической борьбы в условиях неоднородности состава антибольшевистских сил. Кроме того, с помощью фельетонов критиковались промахи местных властей и высмеивались те или иные общественные пороки. Представители союзных держав также становились героями фельетонов. Однако первоначально они лишь вскользь упоминались или служили фоном в публикациях, высмеивавших внутренние российские проблемы.

Например, в одном из фельетонов, основанном на реальном ин-

¹ Воля Сибири (Красноярск) 1918. 23 июля.

циденте, союзники выступали в положительной роли помощников. Высмеивались российские чиновники железнодорожного ведомства — счетоводы и конторщики, присвоившие себе теплые вещи, которые были переданы американцами для русских железнодорожников, работавших на морозе².

Довольно скоро в образе союзников стали появляться отрицательные штрихи. Усиление интереса к союзникам, связанное с такими крупными международными событиями, как завершение Мировой войны и начало работы мирной конференции в Версале, сопровождалось вместе с тем накоплением недовольства политикой держав в отношении России. Выразившиеся на страницах газет надежды на скорое признание правительства А.В. Колчака, на широкую экономическую и военно-политическую поддержку белого движения входили в резкое противоречие с реальностью. Россия не была допущена на мирный конгресс, признание Российского правительства затягивалось, а в качестве рецептов вывода России из кризиса предлагались проекты наподобие созыва конференции для всех русских правительств на Принцевых островах. Все это служило причиной роста недовольства прессы союзниками и их политикой в отношении России. На языке фельетона данное недовольство выражалось специфически: часто в виде аллегорий и «эзопова языка».

Россия изображалась в виде больного человека³, сказочного Ивана-дурачка, подвергнувшегося нападению грабителей⁴ или мужика, по нерасторопности угодившего со своим возом в канаву⁵. В то время как союзники предстали в образе безучастных наблюдателей, желавших помочь, но избегавших «вмешиваться во внутренние дела», чтобы «не испачкаться». Вся их помощь выражалась в моральной поддержке и наблюдении за «естественным ходом болезни» России либо в длительных совещаниях, по итогам которых выносились резолюции пригласить всех на конференцию на нейтральной почве, чтобы «пролить луч света на создавшееся положение» (явная аллюзия на созыв конференции на Принцевых островах). Авторы фельетонов, умело расставляя акценты и вызывая определенные ассоциации, формировали соответствующий подтекст, в котором была заложена отрицательная характеристика союзников, которую автор стремился доне-

² Жертвы мороза // Свободный край (Иркутск). 1919. 15 февраля.

³ Маленький фельетон. О благодарности, которая стоила помощи // Свободный край (Иркутск). 1919. 16 июля.

⁴ Луч света // Голос Приморья (Владивосток). 1919. 23 февраля.

⁵ Маленький фельетон. На улице // Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 4 декабря.

сти до читателя.

Еще одним способом выражения недовольства в адрес союзников являясь авторская ирония. Летом 1919 г. во Владивостокской газете «Голос Приморья» был опубликован цикл фельетонов под общим заголовком «Письма к союзникам». Письма, посвященные проблемам взаимоотношений России и интервентов, Мировой войне и большевикам, были написаны от лица некоей госпожи Сердюковой.

В одном из своих посланий эта дама, используя иронию и фразы, активно применявшиеся в риторике союзников в отношении России, стремилась объяснить действия интервентов, добиваясь, в конечном счете, трагикомического эффекта: «Чтобы ближе и братски наблюдать нашу агонию Вы предупредительно интернировались во многие места нашей страны. Чтобы не заподозрили вас в особой и исключительной склонности к какому-либо отдельному правительству, вы поделили между собой терпимые отношения к тому или иному из правительств. Только недалевидностью и непониманием Вас можно объяснить упреки в том, что Америка поддерживает большевиков, Япония — семеновых и калмыковых, Франция — Колчака, Англия — Учредительное собрание и т. д.»

«Братское отторжение» от России ее окраин (Польша, Украина, Финляндия и др.) также объяснялось «благородной целью невмешательства в наши дела». «Ведь если у нас ничего не останется, — отмечала госпожа Сердюкова, — то и вмешиваться не во что и, следовательно, высокий принцип будет вечно сиять над Россией, как незаходящее солнце братской любви»⁶.

Неоправдавшиеся надежды на военную и дипломатическую помощь также находили свое выражение в фельетонах, причем уже в виде прямой критики. В стихотворении «Друзья», опубликованном в новониколаевской «Нашей газете», подводился своеобразный итог дружбы между Россией и Антантой. В ответ на призывы России о помощи союзники, заседавшие на конференции, отвечали:

Ах, мы спасем твои останки,
Живи еще, наш друг, пока...
Пришлем испорченные танки
И власть признаем «Колчака».
«Друзья» полгода обещают
Нам танки «грозные» прислать,
Все утешают, заверяют
И забывают нас признать
Но почему? Смеется Рок ли,

⁶ Письма к союзникам // Голос Приморья (Владивосток). 1919. 6 июля.

Разбив Россию на клочки,
Что, поглядев через монокли,
Они втирают нам очки?!⁷

В качестве своеобразной иллюстрации к словам о «танках» можно рассматривать карикатуру в одной из военных газет. На фронте солдат колчаковской армии говорит своему товарищу: «Слышь, говорят, в Омск танки пришли, скоро на красных пойдут». Тем временем в тылу зрители кинематографа, видя на экране танк, переговаривались между собой: «Тит Титыч, это что танки эти самые? Понятно... Танки у нас бывают только в кинематографе»⁸. Тем самым подчеркивалась иллюзорность помощи союзников и в целом бесполезность такой дружбы, в которой Россия ради союзников в годы Мировой войны пожертвовала многим. В то время как державы-победительницы оставили ей, обессилевшей от собственных раздоров, «фигу на постном масле...» в виде высокопарных поучений президента США В. Вильсона⁹. Эмоциональность критики союзников, с одной стороны, свидетельствовала о высокой степени недовольства, с другой — выполняла побудительную функцию. Необходимо было, таким образом, убедить читателя в правильности отказа от «союзнической ориентации» в пользу «пророссийской» [4. с. 351].

Ощутимый удар по положительному образу союзников наносили различного рода инциденты с участием войск интервентов. Генерал В.Г. Болдырев в октябре 1918 г. отмечал в своем дневнике, что в «отношении японцев уже создано определенное предубеждение, их поведение было просто безобразным, почти каждый день получались сведения о неприятностях самого грубого свойства». [5. с. 78–79]. В апреле 1919 г. министр иностранных дел Российского правительства И.И. Сукин вынужден был телеграфировать в Париж, что «поведение некоторых американских солдат, их пьянство, разгул и пренебрежение к русским национальным настроениям создают благоприятную почву для противоамериканской пропаганды»¹⁰. Сведения о некорректном поведении интервентов просачиваясь в прессу, становились весомым поводом для критики союзников. Обращение к жанру фельетона в данном случае позволяло многократно усилить эффект.

Фельетон позволял заострить внимание на негативных явлениях, связанных с интервенцией, хотя зачастую в его основу ложились

⁷ Друзья // Наша газета (Новониколаевск). 1919. 17 октября.

⁸ На злобу дня. Наши карикатуры // На страже свободы. 1919. 14 сентября.

⁹ Письма к союзникам // Голос Приморья (Владивосток). 1919. 29 июля.

¹⁰ РГВА Ф.40218. Оп.1. Д.121. Л.19.

факты, на первый взгляд, второстепенные. Но за ними авторы видели тенденцию, опасное, по их мнению, явление. При этом на основе обобщения и типизации исходных событий и фактов фельетонисты, используя домысел, гиперболизацию, гротеск, иронию, эмоциональность повествования создавали ситуации, ярко отражающие суть самой проблемы. В фельетоне могла высмеиваться какая-то одна отрицательная черта интервентов или же создавался обобщенный образ. Ярким примером фельетонов, рисующих живой и многогранный облик интервентов, являются публикации дальневосточных газет. Авторы, находясь непосредственно в зоне действия союзных войск, рисовали образы интервентов меткими штрихами, создавая запоминающиеся типажи.

Присутствие разноязыкой массы иностранцев во Владивостоке уподоблялось вавилонскому столпотворению или «смещению» всех «тварей» в ковчеге у Ноя. Появление интервентов в Приморье актуализировало проблему экспансии иностранного капитала, о чем не преминули упомянуть фельетонисты. Автор большого стихотворного фельетона «Интервенция», описывая «мирные дела», происходившие под охраной интервентов, в первую очередь обращал внимание на прибывший со всех концов «живой народ»: «лихую стаю» зарубежных торговцев, «привезших нам весь непотребный старый хлам». При этом отмечались истинные намерения иностранных капиталистов:

«И устремлен их зоркий взор
В глубины рек и в недра гор,
Леса и горы сей страны
Отдать в концессии должны!».

Тема экономической экспансии интервентов практически не сходила со страниц различных газет, поэтому вполне закономерно было и ее отражение в фельетонах. Тесно связана с этой темой была проблема зависимости курса рубля от иностранных валют:

«Задавлен иеною-злодейкой
Пошел наш рубль за полкопейку
А доллар смотрит королем
И не якшается с рублем!»¹¹.

Вопрос о деньгах довольно часто фигурировал в фельетонах. Интересно, что нередко в описании использовался прием олицетворения: «[...] Как рублевники с иеной спор вели, как к доллару зазнаишке

¹¹ Интервенция // Голос Приморья (Владивосток). 1919. 13 апреля.

просить прощенья»¹², «роятся вокруг и улыбаются, но стоит руку протянуть исчезают — иены»¹³. «Дерзкая баба — иена»¹⁴. «Ожившие» деньги символизировали своих хозяев, и образ униженного и задавленного рубля проецировался на русское общество, находящееся в таком же положении.

Описывая наружность и поведение интервентов, авторы намекали на то, что не все они прибыли в Россию с целью участия в боевых действиях на стороне белых. Комично был описан «международный» патруль союзников, в котором и «долговязый британец», и «поджарый итальянец», и «известный в мире забияка японец — маленький вояка», «американец и француз», — и всем «ружье им кажется за груз», а «когда ж все залопочут разом // У нас заходит ум за разум!».

Как видно, в описании подчеркивалась не боеспособность и бравоподобный вид «охраняющих» русских интервентов, а их несуразность и разномыслие. Далее отмечалось, что «одни на фронте лили кровь», а другие «любовь туземной крали разделять предпочитали»¹⁵. В фельетоне читинской газеты «Восточный курьер» также затрагивалась данная тема. В якобы услышанном автором диалоге двух «не то девиц, не то дам» сравнивались представители двух держав — Японии и США. По мнению женщин, американцы — «настоящие кавалеры» с «широкой натурой». Барышни одобряли поведение американцев, подчеркивая, что «работать они не могут из принципа», так как получится «вмешательство в наши внутренние дела». «Поэтому они только получают жалование и гуляют». Японцы же, напротив, критиковались за то, что они «не кавалеры, а просто солдаты», занятые маневрами, стрельбами, маршами¹⁶. Нетрудно догадаться, что именно представители США были здесь объектом насмешки. Автор, симпатизируя японцам, стремился показать, что поведение американцев явно не соответствовало образу настоящих союзников русских, поскольку они не воюют с большевиками, а бездействуют, не желая «вмешиваться во внутренние русские дела», или «действуют» так, что русские хотят их «побить», поскольку все их достижения сводились к «завоеванию успеха у дам».

Тема взаимоотношений интервентов и русских женщин доволь-

¹² Фонарики-сударики // Восточный курьер (Чита). 1919. 17 августа.

¹³ Маленький фельетон // Забайкальская новь (Чита). 1919. 2 ноября.

¹⁴ Маленький фельетон. Иена // Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 22 ноября.

¹⁵ Интервенция // Голос Приморья (Владивосток). 1919. 13 апреля.

¹⁶ Маленький фельетон. Мимоходом // Восточный Курьер (Чита). 1919. 17 августа.

но часто встречалась в фельетонах, описывавших «франтоватых интервентов», «прилипчивых нахалов иностранцев», обижавших русских «мисс» и «леди». Само обращение к данной тематике во многом знаковое. Развязное поведение интервентов в тяжелых условиях гражданской войны, когда многие морально-этические устои были поколеблены, воспринималось русскими болезненно. Союзники-интервенты, на которых многие среди белых возлагали надежды по освобождению России от большевизма, вели себя совершенно неподобающе по отношению к русскому народу, своему союзнику, что трактовалось как моральное унижение.

Во всех красках было описано и «оживление» для городской жизни, принесенное интервентами: освобождение лучших зданий Владивостока для союзников и выселение жителей города «на задворки»¹⁷; постоянные автомобильные аварии; шумный «отдых» в «барах», заканчивавшийся дебошами, «боксом» с русскими гражданами¹⁸, перестрелками. При описании активно использовались стереотипы и типические черты союзников. Например, рассказывая о вечерних развлечениях интервентов, автор фельетона «Интервенция» отмечал, что «часто слышим по ночам Тэппиари (известная в то время маршевая песня британской армии. — К.К.) или год-дам» (искаженное англоязычное ругательство. — К.К.). Примечательно, что образ дебоширов-интервентов связан именно с англоязычными союзниками, кричащими среди ночи вместо «гуд найт» веселое «олл райт».

Жанровая особенность фельетона, определяющая его назначение — критиковать и обличать зло, указывать на несоответствие действительности некоему идеалу [6. с. 85], определяла его роль в процессе формирования образа союзников в печати. Образ союзников, представленный в газетных фельетонах белой Сибири, вбирал в себя все отрицательные аспекты, связанные с их деятельностью в отношении России. Анализ текстов фельетонов позволяет определить, что главным образом не устраивало сибирскую общественность в союзниках: многочисленные обещания поддержки и фактическое непризнание Российского правительства, а также поведение войск интервентов на территории Сибири и Дальнего Востока.

Посредством сатиры, иронии и различных языковых средств фельетонисты стремились донести до читателей свое отрицательное отношение к описываемым явлениям и привить общественности свою точку зрения. Здесь следует отметить, что слова авторов падали

¹⁷ Польза прогулок // Голос Приморья (Владивосток). 1919. 1 августа.

¹⁸ Ночной бокс // Голос Приморья (Владивосток). 1919. 9 мая.

во многом на благодатную почву. Ведь многие описываемые события имели реальное основание. Сами жители Сибири и Дальнего Востока могли не раз сталкиваться с негативными проявлениями интервенции. В данном случае, авторы фельетонов выступали как часть общества и отражали его настроение.

Таким образом, с одной стороны фельетоны представляли собой выраженное в литературной, сатирической форме недовольство общества деятельностью интервентов, а с другой — могли послужить средством усиления этого недовольства. Целью фельетона была не только критика союзников и развлечение читателя. Публикацию фельетонов можно также рассматривать как сигнал со стороны русского общества самим союзникам, призыв обратить внимание на свое поведение. Кроме того, нередко наряду с интервентами авторы критиковали и русских обывателей, порой несших не меньшую ответственность за некорректные действия иностранцев на русской земле.

Надежды антибольшевистских сил на то, что сотрудничество с союзниками позволит укрепить авторитет белого движения, подчеркнет его демократические устремления и приблизит победу над большевизмом, оказались напрасными. Напротив, интервенция и союзники, отношение к которым на протяжении 1919 г. ухудшилось, делали также непопулярным и режим А.В. Колчака. Как заявлял впоследствии представитель партии кадетов П.П. Юрнев, «военная помощь иностранцев принесла вред, они оказались врагами не только большевиков, но и всего русского» [7. с. 241.]. Весьма показательны в данном контексте слова крестьян Иркутской губернии, подвергшихся нападению румынских войск: «Мы никогда не хотели большевиков, и у нас их нет, но уж если приходят иностранцы и так с нами расправляются, то пусть лучше приходят большевики, они все же наши, русские»¹⁹.

Литература

1. *Нозль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытые спирали молчания. М., 1996. 352 с.
2. *Рышков В.М.* Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.) Сб. науч. статей. Новосибирск: 2009. С. 105–125.
3. *Журавлев В.В.* Вождизм в идеологической практике контрреволюционного движения: опыт анализа приветственных посланий А.В. Колчаку // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Вып. 2. Новосибирск, 2013. 216 с.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 126. Л. 39.

4. *Шевелев Д.Н.* «Мы испытали горькое удовлетворение нашей общей победы»: тема и образы «Великой войны» в официальной и проправительственной периодической печати белой Сибири (июнь 1918 — декабрь 1919 гг.) // *Былые годы.* 2014. № 33(3). С. 348–353.
5. *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. / В.Г. Болдырев. Новониколаевск, 1925. 566 с.
6. *Кайда Л.Г.* Эффективность публицистического текста. М., 1989. 183 с.
7. *Ципкин Ю.Н.* Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917–1922). Хабаровск, 2012. 255 с.

И.М. Савицкий
Институт истории СО РАН

**ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИСПЫТАНИЙ
РАКЕТНОЙ ТЕХНИКИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1950-Х —
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 2000-Х ГОДОВ)**

В статье рассматриваются испытания ракетной техники, производство топливных компонентов на химических заводах и функционирование ракетных воинских частей, в том числе по утилизации устаревшей техники. В связи с тем, что космодромы Байконур и Плесецк находятся на сопредельных с Западной Сибирью территориях, траектории полета были в восточном направлении, вторые ступени ракет падали в этом регионе и загрязняли территорию ядовитыми компонентами топлива. В результате население получало большие дозы гептила и других веществ, которые приводили к различным тяжелым болезням населения с летальным исходом.

Ключевые слова: ракетная техника, полигоны, воинские части, заводы, ступени ракет, зоны падения, жидкое топливо, гептил, амил, поражение организма, болезни населения.

В годы «холодной войны» в СССР всемерными усилиями создавался ракетно-ядерный щит. Испытания ракетно-космической техники проводились и осуществляются в настоящее время на полигонах, близких к территории Западной Сибири. Траектории полета ракет были в восточном направлении. В настоящей статье ставится задача выяснить, какие территории макрорегиона были загрязнены ядовитыми компонентами ракетного топлива и других отравляющих веществ, какое влияние на природную среду и здоровье населения оказало использование ракетно-космической техники.

Изданий по этой исследуемой проблеме незначительное количество. Автор прежде всего опирался на публикации ученых Российской Академии наук. В частности, на статьи бывшего вице-президента РАН В.А. Коптюга¹, академиков Ю.А. Израэля, А.В. Сидоренко, А.А. Трофи-

¹ *Коптюг В.А.* Конференция ООН по окружающей среде и развитию. Что грозит России игнорирование ее выводов // Трагедия цивилизации. Материалы

мука², в которых поднимались наиболее значимые экологические проблемы, нараставшие в нашей стране и мире.

Вопрос о последствиях экологического загрязнения территории Сибири, очень опасных для здоровья населения, рассматривается в книге, подготовленной группой авторов Сибирского отделения РАМН, в которой анализируется состояние здоровья населения региона. Эти же проблемы исследуются и в других изданиях³.

Понимание очень тяжелой экологической ситуации в Западной Сибири внесли книги В.И. Булатова и Р.К. Баландина⁴. Автором статьи использованы материалы около десяти центральных и местных газет, в которых печатались статьи видных исследователей данной проблемы и квалифицированных корреспондентов.

Опасные загрязнения природной среды Западной Сибири оставили испытания ракетной техники военного и гражданского назначения. Только с космодрома Плесецк (Архангельская область) с 1960 г. стартовало не менее 12 тыс. ракет, в два раза больше, чем со всех космодромов мира. Во время испытания ракетной техники на космодромах Байконур и Плесецк их отработанные ступени падали в основном на территории Алтайского края, Республики Алтай, Томской и Тюменской областей, иногда долетали до Новосибирской и Омской областей. Падающие ступени ракет вызывали пожары, загрязняли воздушный и водный бассейны, лес ядовитыми компонентами жидкого и твердого ракетного топлива. Все виды жидкого топлива ракет состоят из горючего и окислителя. В его составе используется керосин и жидкий кислород, азотная кислота, несимметрический диметилгидразин - гептил, азотный тетроксид — амил и др.

Каждая ступень ракеты начинена большим количеством гептила. По экспертной оценке, гептил (диметилгидразин) представляет собой жидкое высокотоксическое вещество первого класса опасности. Обла-

научного семинара. Новосибирск. 1994.

² Израэль Ю.А., Сидоренко А.В., Трофимук А.А. Перспективы охраны природной среды в условиях интенсивной индустриализации Севера и Сибири // Проблемы социально-экономического развития производительных сил Сибири. Сборник докладов пленарного заседания Всесоюзной конференции по развитию производительных сил Сибири. Новосибирск. 1981.

³ Состояние окружающей среды в Сибири. / Под ред. В.А. Труфакина, Н.Ф. Герасименко. Новосибирск. 1996; Заболеваемость детей в регионах Сибири / Под ред. В.А. Труфакина. Новосибирск, 1997; Экологическая безопасность жизнедеятельности человека в условиях Сибири. Барнаул. 1997.

⁴ Булатов В.И. Россия: экология и армия. Новосибирск, 1999; Р.К. Баландин. Полигоны смерти? Сделано в СССР. М. 2008.

дает высокой летучестью и легко проникает во все пористые материалы. Растворим в воде. Опасен при любых попаданиях в организм человека. Обладает выраженным канцерогенным, иммунодепрессивным действием, является мутагеном. Специалисты считают, что одна десятитысячная доля миллиграмма на литр воздуха этого вещества является смертельной концентрацией. При разложении гептила образуется еще более опасное вещество — нитрозодиметиламин. Заведующий отделом биофизики и экологии ГНЦ ВБ «Вектор» А. Садовский утверждает, что этот канцероген влияет на генетику человека, проявляясь через несколько лет, а может и в последующих поколениях¹.

Кроме остатков гептила, отработанная ступень ракеты содержит еще азотную кислоту — сильнейшей окислитель. Гептил и кислоты распыляются в воздухе и в виде аэрозолей выпадают с дождями, отравляя все живое. Чтобы азотная кислота не разъедала стенки контейнеров, в нее добавляют ингибитор-йод. Он и окрашивает в желтый цвет дождевые лужи. После старта, в условиях высоких температур, газы образуют соединения, окислы, в том числе окись и двуокись азота. С отделяющимися ступенями на землю падают топливные баки с недогоревшими компонентами топлива, отдельные узлы, детали и осколки.

В Алтайском крае официально утвержден район приземления вторых ступеней баллистических ракет и ракет-носителей. На небольшом участке, в верховьях р. Восточный Алей лежит большое количество топливных баков, вторых ступеней ракет-носителей "Союз-У". В почве выявлены высокие концентрации гептила. В трех административных районах края — Змеиногорском, Третьяковском и Чарышском — расположены четыре зоны падения ступеней баллистических ракет и ракет-носителей. В Змеиногорском районе приземляются вторые ступени ракет-носителей "Союз-У" (на керосине-Т-1), в Третьяковском — "Союз — У2" (на синтине), а в Чарышском районе — "Протоны-К" на гептиле.

Более 40 лет Федеральное космическое агентство использует территорию Алтайского края для падения отделяющихся вторых ступеней ракет-носителей, что приводит к загрязнению почвы токсическими компонентами ракетного топлива. Над Сибирью проходит также орбита космических запусков с Байконура. Первая ступень, отработав свое топливо, падает еще на территории Казахстана. Вторая летит дальше и отбрасывается, как правило, над территорией Горного Алтая, в окрестностях Телецкого озера. Но все зависит от разновидности ракеты. Ступени одних ракет падают в районе Телецкого озера, других — на севере или западе Новосибирской области, третьи летят

в тайгу или тундру, в северные районы Сибири.

Главную угрозу представляет не сам факт падения обломков, а то, с чем они падают. Гептил вместе с окислителем попадает в почву, а затем в пищевую цепочку. Местные жители рассказывали случай об одном охотнике, который шел в морозный день по тайге и обнаружил в лесу цистерну. Она была еще теплой. Охотник удивился этому и залез погреться. Внутри было еще теплее, в одном месте даже парило. Скинув валенки, он свесил ноги под пар. Позже в больнице ему ампутировали ноги. Известно, что гептил раздражает глаза, слизистые поверхности, кожу, воздействует на нервную систему, сказывается на репродуктивной функции, на работе печени и почек, вызывает болезни крови. На дне Телецкого озера в иле находятся упавшие фрагменты ракет. Здесь они словно консервируются холодной водой и окружающей массой ила и древесины, что способствует глобальному загрязнению озера и переносит эту проблему на более поздний срок².

Жители села Плоское Третьяковского района Алтайского края направили в редакцию газеты «Труд» письмо, в котором жаловались на то, что территория в восьми километрах от школьной туристической базы у истоков реки Восточный Алей завалена осколками ракет, загрязнена ракетным топливом. Большой кусок ракеты свалился на Плоское в декабре 1997 г. В феврале и апреле 1998 г. разлившееся ракетное топливо уничтожило хвойные деревья в окрестности.

Пресс-секретарь Ракетно-космического агентства сказал: «Понятно, гептил не одекolon. Но есть хороший принцип: не ты положил, не тебе и брать [...]. Человек с ракетной техникой не знакомый, рискует в этом случае здоровьем, а то и жизнью». Люди с опозданием узнали, что к упавшему металлोलому близко подходить опасно. Несколько лет назад ступень ракеты упала неподалеку от с. Верхoleyка. Деревенские жители, побывавшие возле нее, вскоре умерли, среди них лесник Поломощнев и его сын, сотрудник райисполкома Кнорре. Команды поисковиков ищут по горам и лесам упавшие ступени, но они зачастую падают далеко от расчетного района, поэтому найти их трудно.

Бывший военнoслужаший Д.Неволин в 58 лет в 1995 г. приехал в с. Плоское на постоянное местожительство. 16 июня купался в Алее, загорал на ее берегу. На следующий день возник сильный зуд между лопатками, повысилась температура, появились пузыри на коже. Попал в больницу. Вид спины был жуткий, тело словно из дробовика расстреляли. 25 июня искупал коня в реке И. Филимонов, 49 лет, а 26-го головная боль, слабость, резь в животе, в ногах судорога. Пришлось ему госпитализироваться.

С 1993 г. совсем молодые мужчины стали неожиданно умирать от инсульта, за пять лет — 26 человек. Начиная с 1995 г. появились первые случаи смерти от цирроза печени. И не в пьянке дело. Умер К. Толокнев, ребенок четырех лет. Вскрытие обнаружило полное разложение печени. Язвы на руках и ногах появляются у многих детей после того, как они ходили по росе или купались в р. Алей. Хотя после пуска ракет наученные горем родители не разрешали детям в течение трех дней и близко подходить к воде.

Село Новоалейское называют филиалом военного госпиталя. Здесь можно обнаружить все, что связано с поражением организма ракетным топливом — гептилом, азотной кислотой, синтином. После дождя лужи покрываются желтой пленкой. Если такая вода попадает на тело, то появляются волдыри, как будто после ожога, кожа краснеет и чернеет. А еще бывает, что в р. Алей вылавливают рыбу с двумя головами, а у коров рождаются телята без ног.

П. Редькина рассказала, что 5 июля 1997 г. в ее огород упал осколок ракеты. Вскоре после этого она съела огурцы и у нее развился ларингит, который привел к нарушению дыхания. В тяжелом состоянии женщину направили в больницу. Детский врач местной амбулатории О. Варова рассказала, что ларингиты особенно часто наблюдаются у детей. Практически у всех детей плохое зрение, лимфоузлы увеличены, выпадают волосы, наблюдаются носовые кровотечения и появляются гнойные язвы.

Наблюдаются странные случаи непрерывного перехода пневмонии в рак легкого с быстрым смертельным исходом. Учителя школы рассказывали, что после запуска ракет учащиеся в течение недели находятся в состоянии какого-то «наркотического» опьянения: отсутствующий взгляд, двигательное возбуждение, агрессивное отношение к окружающим. Некоторые жители говорили, что после запуска ракеты они три дня лежат «пластом».

Тальменская районная медицинская служба Алтайского края ежемесячно давала информацию — родилось 25, здоровый — один, родилось 30, здоровых — двое. Значит, один — два новорожденных были с нормальным цветом кожи, а остальные желтые. Что явилось причиной рождения «желтых детей», люди и врачи не знали. А объяснялось это тем, что в конце 1980-х годов у д. Озерки произошел аварийный взрыв межконтинентальной баллистической ракеты, работающей на гептиловом топливе.

В сторону от Тальменки, ведущую к границе Новосибирской области, у станции Безменово вырос закрытый объект. Как свидетельствует информация Министерства по чрезвычайным ситуациям, был

подрыв ракет, причем одновременно с аварией под Озерками. Когда ракетное топливо сгорает в атмосфере, образуются аэрозоли, которые оседают на альвеолах лёгких и уже не выводятся из организма. А в период интенсивной работы полигона по утилизации ступеней ракет под Бийском в 1980–1990-е годы ежегодно в воздух поднималось до 100–200 таких облаков. Дата появления первых «желтых детей» в районе в 1989 г. совпадает со временем этой аварии.

Болезнь, как показывают данные МЧС, прогрессировала. По данным на начало 1995 г. в Алтайском крае насчитывалось около 1200 детей, пораженных желтизной. До половины выживающих после такой «желтухи» новорожденные оставались инвалидами с поражением центральной нервной системы, почек и надпочечников, с неистребимой анемией. У погибших патологоанатомы обнаруживали общее поражение желтизной всех внутренних органов. В д. Кашкарагаихе Тальменского района откуда-то взялся в воде и почве нитрозодиметиламин — продукт распада гидразина, компонента ракетного топлива. В крови беременных и новорожденных жителей обнаружен в высокой концентрации этот продукт распада³.

Взрослое население жаловалось на слабость, тошноту, сыпь на коже тела и лица. Эти изменения возникли, точно совпадая по времени с началом выпадения ракетных дождей. Местные жители Алтайского края часто говорят, что «желтые дожди» зарождаются под Бийском. Именно там уничтожают стратегические межконтинентальные ракеты. На специальном стенде закрепляется и затем полностью выгорает заряд. И это не проходит бесследно для экологии региона. Дым от сгорания ракетного топлива, напоминающий гриб ядерного взрыва, только гораздо меньших размеров, может подниматься на высоту до двух километров, и облако относит ветер. Выпадающие вещества поражают растения, листья на деревьях. Насекомые, попавшие в облако, чаще всего мгновенно гибнут.

Специалисты предполагают, что с совместными радиационными и химическими загрязнениями связан феномен «желтых детей», который проявил себя особенно заметно на границе Новосибирской области и Алтайского края. Кроме других факторов, здесь расположен полигон по уничтожению ракет в с. Кошелево с ракетными точками и пунктами обслуживания в селениях Сибирский, Залесово, Новопируново, Озерки, Цаплино. Проводилось сливание топлива и новые заправки, складирование и установка ядерных боеголовок. В 1989 г. здесь была авария при заправке ракеты топливом.

Около 10 лет специалисты работали над разгадкой тайны так называемых «желтых детей». Дети с необычной пигментацией рож-

дались преимущественно в Горном Алтае. Врачи считали, что такая аномалия связана с работой Семипалатинского ядерного полигона. Ученые Института биохимии СО РАН доказали, что особенность алтайских «желтых детей» вызвана переизбытком билирубина, который дают остатки ракетного топлива, попадающие на территорию края с отработанными ступенями ракет. Поэтому у каждого пятого ребенка явные признаки «желтезны». Повышенная концентрация билирубина ведет к задержкам умственного развития. Специалисты считали, что смогут выработать меры профилактики этого заболевания⁴.

Территория Томской области также многие годы использовалась как военно-космический полигон. В Бакчарском, Верхнекетском, Колпашевском, Каргасокском, Парабельском и Чаинском районах области падали остатки вторых ступеней ракет-носителей при выводе спутников за пределы плотных слоев атмосферы. Считалось, что спутники, которые запускались над территорией области, безопасны. Государственным институтом прикладной химии было установлено, что содержание ракетного топлива и продуктов его трансформации в окружающей среде на территории Томской области не превышает допустимых значений.

Районы падения вторых ступеней ракет по географическому признаку объединены в зоны. Четыре участка зоны Ю-16 располагались на юге Каргасокского района и частично в Омской области. Семь участков зон Ю-19 и Ю-20, наряду с югом Бакчарского района, захватывали Новосибирскую область. Но вскоре эти три зоны стали использоваться меньше и меньше. Основные падения вторых ступеней ракет происходили в зонах Ю-21 и Ю-22, которые охватывали территорию Бакчарского, Колпашевского, Чаинского и Васюганского районов.

Самый большой по площади район падения, который находился на территории Верхнекетского, Колпашевского и Парабельского районов, принимал головные обтекатели ракет-носителей «Циклон», не содержащих остатков ракетного топлива, поэтому представлял лишь механическую опасность. Общий вес фрагментов ракет, упавших с 1970 г. на территорию Томской области, по данным министерства обороны Российской Федерации, составлял более 177 тонн. Сбор и утилизация механических остатков из-за труднодоступности районов падения требовал значительных материальных и трудовых затрат.

Центральные блоки и вторые ступени, кроме механической опасности, несли в себе химическую опасность, поскольку содержали остатки топлива и окислители. Топливо разных видов ракет-

носителей могло быть различным, в том числе и содержащим токсичные компоненты. Наибольшую потенциальную химическую опасность представлял один из секторов падения, занимающий частично территорию Бакчарского, Колпашевского и Чаинского районов. Здесь на высоте 150 км над поверхностью земли отделялись вторые ступени ракет-носителей «Протон», на жидком топливе, в состав которого входили токсичные вещества: гептил, амил и азотные окислители.

Администрация Бакчарского района Томской области предупредила население о том, что с космодрома Байконур запланирован пуск ракеты, район падения отделяющихся частей ракеты-носителя которой произойдет в зоне Ю-21. За день до пуска на вертолете проводился облет территории района с целью найти и вывезти людей, которые по какой-то причине не покинули опасную зону. На следующий день делали второй вылет для того, чтобы зафиксировать место падения отработавшей ступени ракеты, а также посмотреть, не возник ли пожар, взять пробы почвы, снега и воды.

В свое время в Бакчарском районе лишь один населенный пункт оказался поблизости от зоны приземления отделяющихся частей. Его расселили в связи с тем, что ракетный мусор падал буквально на крыши домов. В зоне Ю-21 падали вторые ступени ракеты-носителя «Протон», в зону Ю-20 головные обтекатели баллистических ракет, тогда как на площади 470 тыс. га расположены лесхоз, лесничество, проектировался ландшафтный заказник областного значения «Васюганский» и охотничьи угодья.

Третья зона — Ю-19 с 1970 г. использовалась для приема падающих частей ракет-носителей наиболее чистых: центральные блоки и хвостовые отсеки ракеты-носителя «Союз», головные обтекатели ракеты-носителя «Зенит». В них использовались нетоксичные виды топлива и окислители — керосин, кислород. На этой территории были расположены нефтеконденсатные месторождения Казанское, Солоньинское, Таволгинское. Главную опасность представляли падения на эти объекты. Здесь же находится лесхоз и Кенгинское лесничество с орехо-промысловыми зонами. На сопредельной территории расположены небольшой город Кедровый и с. Пудино.

Анализы проб почвы, воды, снега на территории районов падения выполнялись 10 лет специализированной лабораторией, показатели которой свидетельствовали, что загрязнения в зонах Ю-19 и Ю-20 нет. На территории зоны Ю-21 были обнаружены компоненты ракетного топлива, не превышающие ПДК⁵.

В Томской области предполагалось, что будет больше космического мусора в связи с тем, что в 2007 г. с космодрома Плесецк наме-

чается запуск самых мощных российских ракетоносителей класса «Ангара». Центральный блок этой ракеты, отработав, должен был приземляться на территории Томской области. Планировалось, что по такому маршруту будет осуществляться десяток космических стартов в год. Рассматривалось три варианта падения космического мусора — в Верхнекетском и Парабельском районах. В итоге был выбран наиболее безлюдный район, где сплошные болота. Ракетоноситель «Ангара» с точки зрения экологии значительно превосходил «Протоны», так как в качестве топлива использовался керосин и жидкий кислород, в то время как «Протоны» заправлялись гептилом. Размеры ступени ракеты «Ангара», которая должна падать на томскую землю — три метра в диаметре и двадцать метров в длину.

Томичи рассчитывали на сотрудничество с Новосибирским НИИ авиации им. С.А. Чаплыгина, который собрал и утилизировал большую часть мусора в Алтайском крае. В районе падения планировалось установить сейсмодатчики, которые с высокой точностью должны определять точку приземления ракетных ступеней. Совет Федерации в октябре 1998 г. принял решение создать специальную комиссию «По защите интересов субъектов РФ от неблагоприятных последствий ракетно-космической деятельности». Речь шла об ущербе, который причиняют падающие ступени ракет. В перечне субъектов Федерации значились Томская, Новосибирская, Кемеровская, Омская области, Алтайский край, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, Республика Алтай.

С 2000 г. приемником Военно-космических сил является Российское космическое агентство. Это событие для томичей оказалось в некоторой степени значимым. Между администрацией Томской области и Российским космическим агентством в 2000 г. был заключен договор об условиях эпизодического использования районов падения на территории Томской области при пуске с космодрома Байконур. Росавиакосмосом для этих целей использовалась территория площадью более двух миллионов гектаров. В договоре о взаимодействии появился регламент обеспечения безопасности, само понятие возмещения прямого и экологического ущерба и, что также немаловажно, официальная статистика с описанием всех пусков.

Только с 2000 по 2005 гг. с космодрома Байконур произведено 30 пусков космических аппаратов с использованием территории Томской области. В 2005 г. два запуска пришлось на ракету-носитель «Союз», по одному на межконтинентальные ракеты РС-12 и «Протон-К». В этом же году Россия установила новый мировой рекорд по количеству космических запусков — 20 космических объектов из 36 в ми-

ре. По планам военного ведомства предполагалось, что космодром Плесецк станет основным космодромом России. Здесь создавалась инфраструктура для запуска тяжелых ракет-носителей «Ангара», и томская земля должна по-прежнему принимать вторые ступени⁶.

В Новосибирской области вторые ступени ракет-носителей падали в юго-западных и северо-западных районах. Так, гептил с продуктами окисления был обнаружен в воде озер, бериллий-7 на мхах, болотной траве, в луговом сене Чистоозерного района. В 1997 г. из грибов и ягод Северного и Карасукского районов в лаборатории радиационной гигиены областного госсанэпиднадзора был выявлен цезий-137. Исследования, проведенные ГНЦ ВБ «Вектор» показали, что гептил присутствовал в озерах Чистоозерного района. В 1996 г. это вещество было зарегистрировано в 90 % проб воды.

В Северном районе, граничащем с Томской областью, также падали ступени ракет. Московские специалисты указывали на то, что космический мусор попадает в строго определенные точки — в болота и тайгу. До ближайшего населенного пункта минимум полсотни километров. В действительности падения оказывались близко к поселениям. Жители таежного района вторые ступени ракет сдавали в металл, из алюминия клепали лодки для рыбалки. В селе Бергуль даже построили мост из космического мусора. Но на душе у людей было неспокойно. Бывали случаи, что сибиряки, много работавшие с космическим металлом, заболели и умирали. На районном аэродроме, на краю поля молодые люди в спецодежде пилили конструкцию, похожую на гигантскую бочку: метра в три в диаметре и пять в длину. На месте падения были взяты пробы, но отклонений от нормы не было. Значит упала ступень ракеты, работавшая на керосине, а не на гептиле. РВСН и РКА обещали, что при разработке и модернизации существующих ракет-носителей будет использована моноблочная технология, при ударе о землю не происходит взрыв и разбрызгивание гептила. Но о результатах замалчивалось.

Вместе с тем население области страдало теми же недугами, но в меньшей мере чем Алтайского края. Причем анализ заболеваемости жителей Северного и Чистоозерного районов показал, что её рост в 1980–1990 гг. резко вырос. Наибольшее число больных, страдающих новообразованиями проживало в Доволенском, Здвинском, Баганском районах, в городах Обь и Новосибирск. Первое место среди заболеваний занимал рак легких. Младенцы до года умирали в основном от врожденных патологий, болезней органов дыхания. Смертность детей от одного года до 14 лет была связана со злокачественными образованиями. Материнская смертность в области составляла 63,2 случая

на 100 тыс. населения, выше среднероссийского показателя. В Кыштовке в 1982 г. вымерла семья, глава которой однажды принес с охоты домой что-то похожее на парашютный шелк. Он нашел в тайге контейнер, отработанную ступень ракеты и захватил с собой все, что можно взять⁷.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что падающие ступени ракетной техники обнаруживались в заболоченных районах Томской и Новосибирской областей, на территории которых расположены Васюганские болота, считающиеся уникальнейшей гидросистемой северного полушария планеты. Это самая обширная заболоченная территория в мире. Ее протяженность с северо-запада на юго-восток 800 км при ширине до 300-350 км. Поверхность равнины пересечена ложбинами древних стоков, гривами и всевозможными, почти полностью покрытыми торфяниками и болотами. По берегам рек на участках шириной от одного до 15 км сравнительно осушенных, растительность в виде полос тайги. Жители прилегающих земледельческих районов с давних времен считали, что если в Васюгане половодье, то в их районах будет достаточно воды для хорошего урожая.

Ученые СО РАН и специалисты других организаций считают, что в первую очередь в строгой охране нуждались Васюганские болота. Это самая большая в северном полушарии система формирования и накопления водосбора. От состояния Васюганских болот напрямую зависят такие реки, как Обь, Иртыш, Томь, Васюган. В них берут начало левые притоки Парабели, Оми, а также Каргат, Чулым. Они являются огромным фильтром, который поглощает большое количество пыли, токсичных и других загрязняющих атмосферу веществ. Здесь ценные растения, ягоды, редкие птицы и животные. В общем, целый мир, крупная экосистема, от состояния которой зависит благополучие сибирского региона.

Васюганские болота продолжают загрязняться не только ракетным топливом. Сибирские реки несут большое количество токсикантов. Фоновое содержание нефтепродуктов в воде рек среднего Приобья превышало предельно допустимые концентрации от 6 до 36 раз. Около г. Салехарда годовой объем «грязных» стоков составлял более 122 тыс. тонн. Не менее 76 % земель юго-западной Сибири загрязнены тяжелыми металлами. Этот процесс углубляется и канцерогены постепенно оказываются в Васюганье. В болотах Северного, Убинского, Кыштовского, Куйбышевского районов в некоторых пробах обнаружено содержание гептила более пяти ПДК, который заносится отделяющимися ступенями ракет-носителей, стартующих с космодромов.

Представители ЮНЕСКО предлагали закрепить за Васюганскими болотами статус заповедника мирового значения, так как они являются поставщиком кислорода-легким земли. В 2000 г. васюганская гидроландшафтная система была включена в перспективный список 35-ти российских угодий Международного значения.

Ракетно-ядерное оружие часто находится вблизи населенных пунктов, перемещается по железным и автомобильным дорогам. Помимо ядерных боеприпасов оно имеет десятки, сотни тонн взрывоопасного топлива, иногда самовоспламеняющегося. В 1994 г. кроме группировки стратегических ракет в количестве 30 штук РС-2 (СС-18) в Алейске, была развернута группировка в Новосибирске (пос. Пашино) в количестве 27 штук РС-12 М(СС-25), грунтового базирования.

Экологически опасной является технология утилизации ракетной техники. Жидкостные ракеты морского базирования ликвидировались, в том числе на базе «Пашино». Центральная и местная пресса в 1994 г. публиковала сообщения о том, что у пос. Пашино начал демонтаж ракет подводного базирования. Профессор кафедры газодинамических устройств Новосибирского государственного технического университета, кандидат технических наук В. Мишунин сообщает, что в районе его дачи вокруг пос. Кубовой исходил вдоль и поперек эти урожайные на грибы и ягоды, обильные дичью места. Но с лета 1992 г. — как обрезало. Военные решили, что лучшего места для демонтажа баллистических ракет с ядерными боеголовками, чем под Новосибирском, нет. И вот на заводе морского ведомства Северного флота возле пос. Пашино начали демонтаж ракет подводного базирования. Речь идет о высокотоксичном жидком ракетном топливе, его пагубном влиянии на все живое.

Размещена она не в безлюдном глухом уголке, а в зоне заказника, который является местом отдыха десятков тысяч жителей города. Воздействие технологии демонтажа уже дает о себе знать. Например, утром на автомобиль выпала роса, а к вечеру с него стала облезать краска. Начиная с лета 1992 г. здесь стали гибнуть не только столетние сосны, но и молодые посадки. В июле в районе Кубовой от внешнего воздействия были убиты на цвету картофель и пасленовые. Ботва почернела и засохла за три — пять дней, а корнеплоды сгнили в земле. В 1993 г. эта беда повторилась и захватила прибрежную зону Оби и распространилась по реке в сторону Колывани. Моя попытка повлиять на экологические службы города и руководителей общественного экологического комитета не дала результата. В ответ получил отписку, что все в порядке, что нет ухудшения экологической обстановки⁸.

Кроме того, значительные загрязнения оставались в результате производственной деятельности предприятия, выпускавшие ракетное топливо. Во второй половине 1950-х гг. высокими темпами сооружался в г. Куйбышев Новосибирской области химический завод № 227 по производству гептила и других компонентов ракетного топлива. Для его функционирования использовалось уникальное оборудование контроля, автоматическое дистанционное управление и регулирования производства с одного центрального пульта. Однако серьезные недостатки были допущены в проектной схеме сточных вод, которая обусловила недопустимо высокое содержание в них гептила. Поэтому была введена временная схема очистки сточных вод, в соответствии с которой сброс сточных вод производился в р. Омь по открытой канаве протяженностью 3 км., проходящей в черте города и воду из нее использовало население для бытовых нужд. Необходимо было немедленно открытую канаву заменить закрытым коллектором, увязав его со строительством городской канализации. Но для этого требовались значительные капиталовложения, 10–12 млн. руб.

На заводе с начала ввода его в действие работала лаборатория по анализу воздушной среды и сточных вод на присутствии вредных веществ. По данным этой лаборатории, в 1961 г. из 2 671 случаев анализа на присутствие гептила в воздухе цеха № 3 превышения предельно-допустимой нормы отмечено в 639 случаев анализа, причем в 48 из них превышало в 6–13 раз. Содержание вредных примесей в воздухе выше допустимой нормы наблюдалось, как правило, когда в цехах проводились ремонтные работы с промывкой оборудования, а также в аварийных случаях. Ракетное топливо также производилось на Кемеровском комбинате «Прогресс».

В июне 1958 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление о создании в Бийске Научно-исследовательского института (НИИ-9), в 1970 г. преобразованного в Научно-производственное объединение «Алтай», в настоящее время ФНПЦ «Алтай», который создавал заряды для твердотопливной межконтинентальной баллистической ракеты РТ-2. Коллектив НИИ принимал участие в создании межконтинентальной ракеты «Воевода», которую на Западе называли «Сатаной» за мощность и неуловимость, разработал твердое топливо и заряды. Основным оружием подводных лодок ВМФ были ракеты «Тайфун», которые создавались с участием НИИ-9⁹.

В министерстве обороны Российской Федерации было проведено исследование, результаты которого показали, что, якобы, несмотря на огромное количество стрельб и испытаний, на полигонах не было постоянного агрессивного давления на природу. Конечно, ущерб нане-

сён и немалый. Но он не идет ни в какое сравнение с отходами промышленных предприятий. По словам заместителя начальника экологической безопасности министерства обороны РФ генерал-майор А. Юнака, доля министерства в общем загрязнении окружающей среды составляет не более одного процента. Но специфика этих выбросов заставляет разрабатывать все новые технологии, способные снизить техногенный прессинг на природу. Приходиться работать с такими агрессивными компонентами, как радиоактивные, химические отходы, со смертельно опасным ракетным топливом — амилом и гептилом.

В 1993 г. заместитель министра обороны генерал-полковник В. Топоров в докладе на заседании Межведомственной комиссии по экологической безопасности Совета безопасности РФ отмечал, что значительные территории областей России, примерно 9 млн. га, загрязнены в результате функционирования ракетно-космического комплекса. Это компоненты горючего, металлургические фрагменты отделяющихся частей ракет. Из-за сложной экологической ситуации администрациями Республики Алтай, Омской и Томской областей запрещались запуски космических аппаратов и ракет до завершения экологической паспортизации районов падения отделяющихся частей ракет. Общая сумма штрафов, предъявленных воинским частям за загрязнение окружающей среды в 1992 г., составляла 43,5 млн. руб. По оценке Госкомэкологии РФ суммарный эффект воздействия вооруженных сил на окружающую среду в мирное время сопоставим с влиянием одной из отраслей промышленности среднего масштаба: около 4 % сброса сточных вод и 1,2 % выбросов в атмосферу¹⁰.

Между тем, за годы эксплуатации полигона Плесецк в результате падения отделяющихся частей ракет-носителей с остатками компонентов жидкого топлива образовались очаги загрязнения общей площадью более восьми миллионов гектаров. Несмотря на то, что компоненты ракетного топлива относятся к первому классу опасности, ситуация с обезвреживанием и утилизацией их осложнялась в связи с отсутствием высокоэффективных технологий по ликвидации последствий аварийных топливных остатков в почве и водных системах, особенно в труднодоступных районах (болота, горы, тундра). В связи с переходом на новые типы ракет происходило накопление токсичных компонентов ракетного топлива старых систем, которые в общей массе составляли около 30 тыс. тонн.

В докладе за 1996 г. Государственного комитета Российской Федерации по охране окружающей среды сказано, что на территориях падения ступеней ракет-носителей выявлены обширные геохимиче-

ские аномалии в растительном покрове, почве, грунтовых и поверхностных водах. Химические компоненты ракетных топлив обнаружены в растительности, овощах, мясе животных, что свидетельствует о возможности его падения в организм человека.

В 1994 г. ГНЦ «Вектор-Экоцентр» провел обследование на загрязнение гептилом почвы и воды в районе с. Мошково и в пос. Пашино Новосибирской области. Пробы собирались на территории ремзавода и из отдельных скважин. Вообще гептил в питьевой воде недопустим. Однако пробы показали его присутствие не только в лужах с талой водой, но и в воде из питьевого резервуара. В почве пос. Пашино из шести проб гептил выделился в двух. Оказалась высокой концентрация гептила в водах рек Большой Барлак и Пашенка. Проведенный анализ проб воды в 1996 г. показал присутствие гептила в 90 % проб Чистоозерного района. Содержание гептила в озерах области превышало предельно-допустимый уровень от двух (оз. Круглое) до 48 раз (оз. Безымянное).

Администрация Новосибирской области 21 августа 1996 г. заключила с Военно-космическими силами договор «Об использовании участков территории Новосибирской области под районы падения отделяющихся фрагментов при пуске ракет носителей с космодрома Байконур», по которому они обязаны возмещать прямой материальный и экологический ущерб. Но в России не было аккредитованных лабораторий на экологический контроль гептила, в связи с этим практически не возможно даже получить деньги за отравленную воду и землю. Кроме того, с ракетами связана еще одна серьезная проблема. Наряду с гептилом основными вредными веществами, загрязняющими воздушную среду, являлись газообразные конденсированные компоненты — окислы азота и хлорные соединения, которые образуются при сгорании гептила. Именно эти компоненты «виновны», как считают ученые, в истощении атмосферного озона.

В. Лупандин сообщал о том, что началось небывалое по своим масштабам коммерческое использование космоса. Если в 1995 г. запускали 20 коммерческих спутников в год, то в 1998 г. планируется в шесть раз больше. И большая часть из них будет запускаться в России. Потому что у нас самая низкая цена запуска ракет «Старт», «Протона» с Байконура, которая стоит от 50 до 70 млн. долларов. Иностранные фирмы уже давно оценили отсутствие в России штрафных санкций за загрязнение территории.

Государственный комитет Российской Федерации по охране окружающей среды провел независимое от Ракетно-космического агентства и министерства обороны исследование масштабов загряз-

нений компонентами ракетных топлив Республики Алтай и Алтайского края и установил, что треть территории республики загрязнена ядовитыми космическими отходами. Признано, что основной путь поступления топлива в окружающую среду — аэрогенный, вдоль трасс полета ракет из-за неполного сгорания.

Предполагаемая площадь всего Алтайско-Саянского мегаареала химического загрязнения компонентами ракетного топлива составляет 0,25 млн. км². Однако это далеко не полная картина. Над северными районами края проходили трассы «Протонов-К» и «Союзов», районы падения вторых ступеней которых расположены в Тюменской, Томской, Омской и Новосибирской областях. Они образуют другой, значительно больший, чем Алтайско-Саянский, мегаареал химического загрязнения. Между ними имеется узкий проход над городами Барнаул, Новосибирск, Кемерово. Однако большая часть этого прохода загрязнена подрывами артиллерийских снарядов Сибирского военного округа в Тальменском районе и ракет над Салаирским кражем. Жители поселений Анисимова, Листвянки, Новошмакова болели такими же заболеваниями, как и в селах Плоское, Новоалейское и Верхалейское.

С началом коммерческого освоения космоса число пусков ракет-носителей «Протон-К» резко возросло. Если ранее в среднем за год производилось шесть — семь пусков, то на 1998 г. запланировано девятнадцать. С космодрома Байконур отправлялись коммерческие спутники США, Великобритания, Люксембурга. Ракетно-космическое агентство министерства обороны привлекало международные компании своими дешевыми стартами. Так, запуск «Протона-К» стоит 50 млн. долларов, в то время как на Западе — 150–200 млн. По существу территория Алтая стала испытательным полигоном грязной ракетно-космической технологии и свалкой жидкого ракетного топлива¹¹.

По данным второй половины 1990-х годов, в Новосибирской области гептилом загрязнено 960 тыс. га земли, в Томской — 1960 тыс., Тюменской — 140 тыс. в Республике Алтай — 530 тыс., в Республике Саха (Якутия) — 150 тыс., в Республике Казахстан — 4600 тыс. гектаров. В связи с создававшейся ситуацией должен проводиться медико-биологический мониторинг загрязнения таких обширных территорий. Однако он осуществлялся в основном на территории Алтайского края. Но в последующие годы заказы на его проведения не делались, так как получить аккредитацию на экологический контроль гептила было очень сложно.

Кроме того, при каждом запуске ракетой техники в ионосфере Земли вдоль траектории полета ракеты прибывает или прожигает-

ся «дырка» размером в поперечнике 1800 км, вносящая изменения в ионосферу. В 1989 г. космонавт В.А. Соловьев публично признал, что «дырка» в озоновом слое ионосферы после полета ракеты-носителя «затягивается» лишь через пять — десять суток. В результате на земной поверхности площадью примерно в 2,5 млн. км² все живое подвергается мощному воздействию жесткого коротковолнового космического облучения. Территория Ханты-Мансийского автономного округа в значительной своей части перекрывалось влиянием космодрома Плесецк. Аналогичное положение создавалось во время запуска ракетной техники на космодроме Байконур.

За минувшие более 40 лет космос оказался захламлен различными отходами. Вокруг нашей планеты кружатся примерно 10 тыс. объектов размером свыше 10 сантиметров. Наибольшую лепту в это внесли Россия и США, каждый примерно по 4 тыс. объектов. Около 250 на счету Европейского космического агентства, поменьше у Китая, Японии и Индии. На все остальные страны приходится около 300 штук¹².

В результате испытаний ракетно-космической техники на космодромах Байконур и Плесецк, а также в целом деятельности ракетно-космического комплекса большие территории Западной Сибири оказались загрязнёнными фрагментами вторых ступеней ракет и смертельно опасными компонентами ракетного топлива. В большей мере такие территории расположены в Республике Алтай, в Алтайском крае, Томской, Новосибирской и Омской областях. Определённое воздействие на природную среду оказывалась в связи с уничтожением ракетной техники, которое производилось в Алтайском крае и Новосибирской области, а также предприятиями, выпускавшими ракетное топливо в этих регионах. Всё это значительно повлияло на здоровье населения, приводило к специфическим заболеваниям со смертельным исходом.

Литература

1. Булатов В.И. Россия: Экология и армия. Новосибирск, 1999.
2. Экологическая безопасность России. М., 1995. Вып.1.
3. Обзор состояния окружающей природной среды в СССР. М., 1990.
4. Экология, охрана природы и экологическая безопасность. М. 1997. Кн. 1–2.
5. Экология Ханты-Мансийского автономного округа. Тюмень, 1997.

А.Б. Коновалов

Кемеровский государственный университет

**ВНУТРИАППАРАТНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
В СИБИРСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОМИТЕТАХ КПСС
В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ
КОНЦА 1980-Х — НАЧАЛА 1990-Х ГОДОВ**

Статья посвящена проблемам взаимоотношений работников аппарата региональных комитетов КПСС в условиях проведенных институциональных реформ конца 1980-х — начала 1990-х годов. В центре внимания находится изменение роли и функций партийного аппарата, отношение партийных работников к упразднению отраслевых отделов в партийных комитетах, адаптация функционеров к новым социально-политическим условиям.

Ключевые слова: аппарат органов КПСС; партийная номенклатура, институциональные реформы конца 1980-х — начала 1990-х годов

Деятельность региональных партийных организаций КПСС периода «перестройки» — популярная и, возможно, даже весьма тривиальная тема современных исторических исследований. В контексте изучения общественно-политической жизни страны в целом и провинции в частности исследователи стремятся показать внутреннюю ситуацию в партии. Их задачи порой сводятся к анализу «макропоказателей» — динамике численности партийных организаций, изменению состава руководящих органов, количественной и качественной характеристике номенклатурных кадров. Бесспорно, исследование подобных вопросов представляется важным и позволяет сформировать более верное представление о специфике деятельности КПСС периода перестройки.

Однако «традиционализация» исследовательских приемов формирует схематизм в региональных исследованиях. Например, исследуя партийные организации в регионах, исследователи чаще всего оперируют категориями «кризис» и «реформирование»¹. Многие по-

¹ *Лопатин Л.Н.* Кризис в Кемеровской областной партийной организации на фоне рабочего движения (1989–1991) // Из прошлого Сибири. Межвузовский сб. науч. трудов. Новосибирск, 1996. Вып. 2. Ч. 2. С. 180–189; *Сердюков Д.В.*

лагают необходимым рассматривать институциональные изменения исключительно с точки зрения общеполитических факторов². В выводах исследователей не прослеживается вывода о том, что побудительным мотивом для институциональных изменений явилась невозможность сложившейся структуры партийного аппарата к эффективному управлению. Пожалуй, только в диссертации и публикациях М.В. Котлярова соблюдается определенный баланс: автор полагает, что идейно-политические процессы в организациях КПСС были обусловлены как необходимостью внутреннего реформирования партии как института власти, так и потребностью в кардинальном обновлении номенклатурного корпуса³.

Между тем практически неизученной остается проблема влияния институциональных реформ в КПСС на мотивацию партийных функционеров к их деятельности в аппарате. Насколько существенно менялось их «социальное самочувствие»? Готовы ли они были к изменению роли и функций партии после ликвидации отраслевых отделов в аппарате?

Очевидно, что ответы на многие вопросы можно дать лишь после проведения интервью с бывшими партийными функционерами. Документы времен «перестройки» чаще всего не фиксируют специфики внутриаппаратных взаимоотношений, традиционно демонстрируя конформность поведения номенклатурных функционеров. Жесткая партийная дисциплина, обусловленная принципом демократического

Нарастание кризиса советской партийно-государственной системы в 1985–1991 гг.: региональный аспект (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Сургут, 2006; *Мельниченко О.В.* Кризис системы управления КПСС в 1985–1991 гг. в Пензенской области: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Пенза, 2006; *Волгин Е.И.* Проблема реорганизации аппарата КПСС в условиях политических преобразований в СССР (конец 1980-х — начало 1990-х годов) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2008. № 6. С. 31–42.

² *Казьмин В.Н.* Идейно-политическая ситуация в России в 1971–1991 гг.: центр и регионы Западной Сибири: автореф. дис. д.и.н. Кемерово, 2010; *Шарафутдинов Т.Г.* Общественно-политическая жизнь на южном Урале в 1985–1993 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Уфа, 2013.

³ *Котляров М.В.* Институциональные изменения и идейно-политические процессы в организациях КПСС Западной Сибири в период перестройки (1985–1991): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011; *Он же.* Институциональные изменения и идейно-политические процессы в организациях КПСС Западной Сибири в период перестройки (1985–1991) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. научных статей. Вып. 3 / Научн. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2012. С. 219–214.

централизма, требовала согласия даже с такими смертоубийственными реорганизациями, какая была проведена в 1988 г. Очевидно, что тема внутриаппаратных взаимоотношений конца 1980-х годов пока изучена недостаточно. В данной статье предпринимается попытка актуализировать тему, выделив наиболее дискуссионные вопросы.

Одной из очевидных дискуссионных проблем в новейшей историографии партийного строительства является вопрос о датировке формирования новой модели внутриаппаратных отношений. Очевидные изменения в организации работы региональных комитетов произошли после состоявшегося в январе 1987 г. Пленума ЦК КПСС, посвященного кадровой политике. В постановлении пленума указывалось: «Надо решительно отказываться от несвойственных партийным органам управленческих функций, стремления решать вопросы за других, подменять советские органы, хозяйственные и общественные организации»⁴. В краевых и областных партийных организациях были намечены меры по изменению форм деятельности. Так, в Новосибирской областной парторганизации приняли следующее решение: «Перспективные планы работы обкома, горкомов, райкомов КПСС рассматривать и утверждать, как правило, на пленумах соответствующих партийных комитетов»⁵. Примечательно, что каждый ответственный работник партийного аппарата должен был иметь «личные творческие планы». Планирование работы предполагало исключение возможностей для вмешательства в несвойственные для партийных органов вопросы.

Декларативный характер принимаемых документов вначале мало смущал партийных функционеров. Привыкнув к «кампанейщине», специалисты отраслевых отделов не собирались менять стиль работы, озвучивая лишь необходимость усвоения «политических методов» руководства. Такая установка устраивала многих: в 1987–1988 гг. реальное содержание работы партийных органов не изменилось, инструкторский корпус отраслевых отделов ожидал от секретарей партийных комитетов директивных указаний.

На многих партийных собраниях функционеров аппарата региональных парткомов в середине 1980-х годов говорилось о преодолении «ведомственности». Под этим термином обычно понималось стремление отраслевых отделов к автономии, провозглашение невмешательства в дела смежных подразделений. Далекое не случайно,

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). Т. 15. 1985–1988. М., 1989. С. 362.

⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 105. Д. 2. Л. 142.

что секретарь партбюро аппарата Тюменского обкома КПСС В.В. Авдеев в январе 1988 г. заметил: «Улучшить работу партийного аппарата — значит разрушить ведомственность в его работе, улучшить взаимодействие отделов»⁶. Однако такое предложение, конечно, не могло воздействовать на ликвидацию ведомственности. Ее ослабление могло произойти при укрупнении отраслевых отделов, создании органов партийного влияния на территориально-производственные комплексы. Требовалось осуществление масштабных организационных мероприятий.

Катализатором усиления конфликтности в аппаратной среде явилась установка на ликвидацию отраслевых отделов. Осенью 1988 г. была проведена реформа партийного аппарата. Вслед за кардинальным сокращением численности функционеров произошла и структурная перестройка отделов, были введены новые должности. В штаты ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов партии вводились инспекторы, ответственные организаторы и консультанты. Имелось в виду, что инспекторы будут трудиться под непосредственным руководством секретарей партийных комитетов. На эти должности предлагалось рекомендовать перспективных работников из резервной группы для выдвижения на руководящие посты. Ответственных организаторов намечалось иметь в составе отдела организационно-партийной и кадровой работы. Им поручалась работа с территориальными партийными организациями⁷.

Отчасти такие изменения были понятны большинству специалистов партийного аппарата. Бесконечные заседания партийных комитетов под лозунгом «Повысить роль инструктора» свидетельствовали о том, что между руководителями и исполнителями не было доверительных отношений, постепенно нарастала дистанция между статусами. В большинстве партийных комитетов роль инструктора низводилась до исполнения технических функций. По словам Г.Г. Березниченко, секретаря парткома аппарата Алтайского крайкома КПСС, «у

⁶ ГАСПИТО. Ф. 1850. Оп. 2. Д. 103. Л. 5.

⁷ ИАОО. Ф. 17. Оп. 136. Д. 309. Л. 131. Постановлением Политбюро ЦК КПСС от 1 сентября 1988 г. «О реорганизации аппарата местных партийных органов» кроме отдела организационно-партийной и кадровой работы в крайкомсах и обкомах предусматривалось функционирование идеологического, социально-экономического, аграрного, государственно-правового и общего отделов, а также управления делами. В горкомах и райкомах партии рекомендовалось иметь организационный, идеологический и общий отделы. Таким образом, в партийных комитетах всех уровней отраслевые отделы упразднились. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 87–88.

нас порой инструктор не знает об элементарных кадровых перестановках, теряется в догадках от слухов со стороны. Иначе говоря, он практически отстранен от решения вопросов»⁸.

В конце декабря 1988 г. Г.П. Разумовский, В.И. Болдин и Н.Е. Кручина подготовили предложения о структуре и штатах отделов ЦК КПСС. В проекте отмечалось, что новая структура предусматривает возможность повышения партийного воздействия на решение главных задач внутренней и внешней политики⁹. Устранялся отраслевой принцип формирования аппарата, усиливался функциональный подход при определении структуры отделов, уточнялись основные направления деятельности подразделений. Эту установку приняли к реализации.

Руководство КПСС сознательно задалось целью ослабить влияние региональных партийных органов на принятие политических решений. Существовало немало способов уменьшения роли комитетов КПСС. Одним из них стала ликвидация практики принятия совместных постановлений партийных и советских органов. Еще в постановлении ЦК КПСС 1986 г. «О дальнейшем совершенствовании партийного руководства Советами народных депутатов» отмечалось, что «следует решительно избавиться от мелочной опеки, дублирования и подмены Советов, не допускать принятия решений по вопросам, входящим в их компетенцию. Надо, как правило, прекратить на местах принятие совместных постановлений»¹⁰. Такие требования в короткие сроки получили практическое воплощение.

В регионах также старались избавиться от этого политического архаизма. Революционно-кавалерийским наскоком провели необходимые изменения и отчитались о проделанной работе. Так, первый секретарь Тувинского обкома КПСС Г.Ч. Ширшин в докладе на XXI Тувинской областной партийной конференции 23 декабря 1988 г. отмечал, что «значительно уменьшилось количество принимаемых совместно с Советом министров постановлений, в решении многих хо-

⁸ ГААК. Ф. П-382. Оп. 1. Д. 169. Л. 56.

⁹ РГАНИ. Ф. 89. Перечень 4. Док. 9. Л. 23. Функционеры, проводившие разработку мероприятий по реформированию аппарата, основывались на идеях М. С. Горбачева, отраженных в его записке «К вопросу о реорганизации партийного аппарата», направленной в Политбюро ЦК КПСС 24 августа 1988 года. Генсек писал: «[...] Нам надо решительно идти на передачу функций по оперативному управлению экономикой от соответствующих отделов ЦК правительству и постоянным его органам, отвечающим за группы отраслей». См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 84.

¹⁰ Цит. по: ИАОО. Ф. 17. Оп. 129. Д. 126. Л. 128.

зяйственных и социальных проблем советским органам была предоставлена возможность для максимальной самостоятельности»¹¹. Однако сокращение количества совместных решений не означало, что партийные органы устранились от воздействия на советские и хозяйственные структуры управления. Так, продолжала действовать практика представительства руководителей исполкомов Советов, директорского корпуса в партийных органах.

Несмотря на имевшиеся дискуссии о месте и роли партийного аппарата в системе политической власти, некоторые первые секретари региональных парткомов и в 1989 г. просили ЦК КПСС о создании отраслевых отделов. 12 января 1989 г. первый секретарь Томского обкома КПСС В.И. Зоркальцев ставил перед ЦК КПСС вопрос о создании отдела оборонной промышленности¹². По его мнению, это подразделение было способно осуществлять координацию работы оборонных предприятий и академической науки в области. Однако такие предложения уже не могли быть реализованы. В условиях политической реформы возобладало мнение о передаче власти от партийных органов к советским как факторе успеха перестройки.

Показательны рекомендации ректора Академии общественных наук ЦК КПСС Р.Г. Яновского, разосланные на места в сентябре 1989 г. Он предостерегал партийных руководителей на местах от попыток вмешательства в деятельность Советов. В этом отношении представляет интерес следующий фрагмент его рекомендаций: «Единственный надежный путь повышения авторитета парторганизаций — максимальное содействие становлению на местах Советов как органов народовластия и развитию здоровой инициативы хозяйственных организаций»¹³. Становится очевидным, что передача полномочий партийных органов советским осознавалась не только как юридическая необходимость, но и как единственное условие преодоления социально-экономического кризиса. Подобные рассуждения повлияли на темпы и масштабы аппаратной реформы в КПСС.

Архивные документы свидетельствуют, что в 1988–1990 гг. происходили ощутимые изменения в структуре партийного аппарата. С ликвидацией отраслевых отделов возникла необходимость в образовании новых функциональных звеньев. Например, для национальных республик потребовалось создать отделы по национальным отношениям. Первый секретарь Тувинского обкома КПСС Г.Ч. Ширшин в за-

¹¹ ЦГАРТ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4087. Л. 14.

¹² ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 31. Д. 1279. Л. 2–4.

¹³ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 251. Д. 74. Л. 170.

писке для ЦК КПСС 16 ноября 1989 г. поставил вопрос об образовании в составе государственно-правового отдела обкома подотдела по вопросам национальных отношений и дополнительного выделения двух штатных единиц. Между тем, мотивация просьбы была очень неясной. Г.Ч. Ширшин писал: «В межнациональных отношениях в Тувинской АССР, как и в других регионах страны, также проявились непростые проблемы и вопросы, которые требуют повседневного внимания, конкретного решения»¹⁴. Подобные объяснения дают основания полагать, что региональное партийное руководство отныне рассматривало аппарат комитетов КПСС как структуры по политическому консультированию, выдаче различных рекомендаций и прогнозов.

Изменения статуса партийных органов и их аппарата имело и другие последствия. Преобразилась система планирования вопросов на бюро региональных парткомов. Возникли инициативные предложения членов бюро о том, какие вопросы следует рассматривать. По мнению члена бюро Тюменского обкома КПСС В.В. Гринева, деятельность бюро обкома следовало начать с разработки и утверждения на пленуме программы обкома на два — три года. Она должна была «иметь ориентировочные сроки выполнения намеченного и ответственных из членов обкома за каждый раздел»¹⁵. Такой документ позволял внести ясность в функциональную специфику партийных органов, однако требовал длительного времени на подготовку. На бюро предлагалось рассматривать в основном вопросы экономической политики: о занятости населения, о развитии промышленного производства, об оказании помощи северным городам в обеспечении продуктами питания и так далее.

В обстановке жарких дискуссий шло обсуждение вопроса об основных задачах региональных парткомов. На XXII Тюменской областной партийной конференции задачи обкома партии было предложено свести к следующим: участие в разработке политики партии и проведение ее в жизнь; разработка и предложение областному Совету народных депутатов и населению программ решения политических, национальных, социальных, экономических, экологических, культурно-нравственных проблем в области; рассмотрение вопросов идеологической, организационной, кадровой работы, бюджета, издательской деятельности; оказание помощи партийным комитетам и организациям на месте¹⁶. Таким образом, партийные функционеры и активи-

¹⁴ ЦГАРТ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4337. Л. 68.

¹⁵ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 254. Д. 83. Л. 12.

¹⁶ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 254. Д. 1. Л. 33.

сты все в большей степени склонялись к мнению, что аппарат органов КПСС необходим для обслуживания деятельности Советов. При наличии в их составе коммунистического большинства КПСС не теряла власть, а лишь меняла способы политического воздействия на общество.

В Бурятской АССР аппарату республиканского комитета также пришлось изменять свои функции. Как отметил первый секретарь рескома Л.В. Потапов на XXXV партийной конференции 16 ноября 1990 г., «освобождаясь от командно-административных функций, республиканский комитет стремился стать действительно политическим органом и не допускать непосредственного вмешательства в решение чисто хозяйственных задач. На бюро рескома стали рассматриваться в основном вопросы идеологической и организаторской работы. Также менялся характер работы горкомов и райкомов. Вместе с тем трудно идет обновление и становление функций и структур, не просто складываются взаимоотношения между президиумом и исполкомами, а кое-где и с партийными комитетами»¹⁷. Надо заметить, что в Бурятии аппарат рескома КПСС оказывал необходимую помощь Верховному совету республики, так как Л.В. Потапов в течение 1990–1991 гг. совмещал пост первого секретаря рескома с активной депутатской деятельностью в Верховном совете.

В большинстве регионов Сибири партийные работники осознавали кардинальные изменения функций аппарата. В сентябре 1990 г. председатель контрольной комиссии Тюменской областной организации КПСС О.В. Панкин так оценил новое назначение партийного аппарата: «Аппарат — это единственный в наше время носитель законности и стабильности в работе партийных органов. Новые функции аппарата определены Уставом КПСС, предполагающим, что это не орган командования, а основной функцией является прогностно-социологическая, аналитическая функция, когда аппарат является помощником партийного органа, а не непосредственным руководителем и исполнительным партийных преобразований»¹⁸.

Во многом аналогичные представления о назначении аппарата выражал и инструктор идеологического отдела Новосибирского обкома КПСС В. Исаков. В записке для секретариата обкома КПСС он отмечал, что «будущий аппарат обкома КПСС призван в основном заниматься аналитико-прогностической и организационно-технической деятельностью и будет строить свою работу не по отраслям, а по

¹⁷ НАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 10513. Л. 11.

¹⁸ ГАСПИТО. Ф. 1850. Оп. 2. Д. 107. Л. 50.

направлениям деятельности, по социальным группам и проблемам (вопросы рабочего, женского, молодежного движения и т. д.)»¹⁹. Такой подход делал невозможным восстановление прежней системы контроля за экономическими процессами.

Проводимая аппаратная реформа серьезно изменила порядок работы партийных органов. Резкое сокращение численности партийных функционеров, ликвидация отраслевых отделов подорвали систему влияния структур КПСС. На местном уровне численность районных и городских комитетов не обеспечивала даже минимальных потребностей. Например, количество работников аппаратов партийных комитетов в Бурятской республиканской партийной организации к ноябрю 1990 г. сократилось с 18–24 до 5–10 человек²⁰.

Вместе с тем в некоторых региональных парторганизациях работники партийного аппарата ликвидацию отраслевых отделов восприняли спокойно. Считалось, что их прежние работники переместятся на созданные должности в советский аппарат, где станут проводниками партийных интересов. Показательна в этом отношении записка, подготовленная в аппарате Новосибирского обкома КПСС. В ней говорилось, что с ликвидацией отраслевых отделов партийного аппарата «соответствующие подразделения советских органов необходимо укрепить высококвалифицированными работниками, которые будут высвобождаться из партийного аппарата»²¹. В результате произошло целенаправленное перемещение высококвалифицированных специалистов из аппарата партийных органов в советские учреждения.

На фоне развертывания «управленческой миграции» кажется непонятным усложнение процедуры выборов регионального партийного руководства. Пленумы обкомов и крайкомов партии предварялись длительными согласованиями и обсуждениями кандидатур. В ноябре 1989 г. в Омской областной организации КПСС предстояло избрать второго секретаря обкома вместо ушедшего на пенсию Е.А. Норки. В течение длительного времени было проведено 209 заседаний партийных комитетов разного уровня, на которых было названо шесть кандидатур на пост второго секретаря обкома²². При этом некоторые партийные органы выражали недовольство тем, что названные кандидатуры будут обсуждаться только на пленуме обкома. В

¹⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 111. Д. 255. Л. 34.

²⁰ НАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 10513. Л. 12.

²¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 111. Д. 255. Л. 7.

²² ИАОО. Ф. 17. Оп. 137. Д. 9. Л. 2.

резолуции участников собрания партийно-хозяйственного актива Советского района Омска требовалось перенести дату проведения пленума обкома КПСС на срок, необходимый для ознакомления с программами кандидатов, широкого обсуждения в парторганизациях, печати и на телевидении²³. Участники собрания также предлагали организовать трансляцию пленума обкома по местному телевидению.

Не менее серьезно подошли к избранию второго секретаря Новосибирского обкома КПСС. 16 декабря 1989 г. состоялся пленум обкома КПСС, на котором вторым секретарем избрали В.Н. Полещука, работавшего до этого вторым секретарем Новосибирского горкома партии. Парторганизациями области на этот пост было выдвинуто 16 претендентов. В.Н. Полещуку было отдано предпочтение из пяти кандидатур, внесенных в списки для тайного голосования²⁴. Такие многоступенчатые избирательные кампании отнимали много времени и сил, не давали возможности членам партийных комитетов сосредоточиться на анализе текущей экономической деятельности.

Важной новацией в системе работы с кадрами стало введение аттестации ответственных функционеров аппарата партийных органов. Правовой основой для ее проведения стали решения Пленума ЦК КПСС, пленумов краевых и областных комитетов партии. Конкретные сроки и условия проведения аттестации оговаривались постановлениями бюро партийных комитетов. Бюро Алтайского краевого комитета подобный документ приняло 10 марта 1988 г. В положении об аттестации говорилось, что она призвана оценить «политические, деловые и морально-нравственные качества партийных работников, отношение к перестройке, способность работать с людьми»²⁵. По ее итогам делались выводы о соответствии занимаемой должности.

Несмотря на благие цели, реальный смысл проведения аттестации виделся в другом. По существу она представляла собой особую форму контроля за нижестоящими кадрами, которая пришла на смену номенклатурным спискам. Ведь по условиям проведения аттестация секретарей и заведующих отделами горкомов, райкомов партии, а также секретарей и ответственных работников первичных партийных организаций проводилась вышестоящими партийными органами.

Следует заметить, что аттестация как способ оценки деятельности персонала влияла на формирование резерва: соответствующий

²³ ИАОО. Ф. 17. Оп. 137. Д. 9. Л. 13.

²⁴ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 111. Д. 85. Л. 23.

²⁵ ГААК. Ф. П-1. Оп. 149. Д. 83. Л. 105.

партийный комитет, учитывая результаты аттестации, принимал решение о зачислении функционера в резерв для выдвижения на более высокую должность.

В Читинской областной парторганизации в июле — декабре 1988 г. аттестацию прошли 46 специалистов аппарата комитетов КПСС из 152 подлежащих аттестации. Это заведующие отделами и их заместители, председатели партийных комиссий при горкомах, райкомах партии. Кроме того, в обкоме партии прошли собеседования 35 первых, 32 вторых и 31 секретарь партийных комитетов. Как отмечалось в отчете о проведении аттестации, «в целом секретари знают положение дел в партийных организациях, неплохо представляют решаемые ими задачи, в основном владеют проблематикой и технологией партийной работы в рамках тех направлений, которые закреплены за каждым из них. Наряду с этим ряд товарищей слабо понимают суть партийно-политических методов руководства, общо, неконкретно представляют они смысл происходящих преобразований в экономике, политической жизни общества. Общий настрой мыслей, рассуждений, оценки в основном рассчитаны на сегодняшний день»²⁶. Организаторы аттестации сетовали на отсутствие элементов стратегического мышления у партийных кадров.

Впрочем, аттестация номенклатурных кадров аппарата просуществовала недолго. Главная причина ее отмены связана с процессом демократизации подбора кадров. Проведение выборов партийного руководства на альтернативной основе сделало аттестацию большей части аппарата бессмысленным анахронизмом. Краевые и областные комитеты КПСС постарались побыстрее избавиться от недавнего новшества. Так, заведующий отделом организационно-партийной и кадровой работы Алтайского крайкома КПСС В. Леонтьев направил секретарю крайкома КПСС Ю.И. Жильцову записку с просьбой о снятии с контроля постановления по поводу введения аттестации кадров.

Побудительным мотивом к такому шагу стало решение XIX Всесоюзной партийной конференции, которая признала нецелесообразной «проведение аттестации партийных работников в условиях расширения внутрипартийной демократии, введения систематических отчетов выборных партийных органов»²⁷. Конференция приняла и ряд других решений по регулированию управления номенклатурой.

Очевидно, что большинство партийных функционеров ощущало

²⁶ ГАЧО. Ф. П-3. Оп. 66. Д. 7826. Л. 17.

²⁷ ГААК. Ф. П-1. Оп. 149. Д. 83. Л. 110.

наступление глубочайшего управленческого кризиса. Еще до решения Съезда народных депутатов СССР об изменении 6-й статьи Конституции в регионах делались самые пессимистические прогнозы о роли партийных органов в системе региональной власти. Показательна оценка ситуации, которую дал заведующий социально-экономическим отделом Алтайского крайкома КПСС Н.А. Чертов на партсобрании аппарата 5 марта 1990 г. Он сказал: «Секретариат, который руководит по регламенту работой аппарата, практически не работает. Его заседания были крайне нерегулярны и в основном бессодержательны. Практически не чувствовалась его роль в организации и контроле за ходом выполнения принятых решений, различных программ»²⁸. Эта цитата красноречиво характеризует серьезные изменения в характере внутриаппаратных отношений: еще несколько лет назад роль заведующих отделами была четко определена. Их функционал был встроен в механизм выработки проектов принимаемых решений, обеспечения контроля за их последующей реализацией. Аппаратная реформа разрушила привычную субординацию.

С изменением содержания 6-й статьи Конституции СССР в 1990 г. партийные органы юридически перестали считаться властными структурами. Часть бывших партийных функционеров, сосредоточивших свою деятельность в руководстве Советов, постаралась дистанцироваться от представительства в бюро партийных комитетов. Характерно в этом отношении выступление председателя Тюменского областного Совета народных депутатов Ю.К. Шафраника, которое он сделал во время предложения его кандидатуры в состав бюро обкома КПСС 3 мая 1990 г. Он сказал: «[...] Председателю областного Совета народных депутатов, какая бы его фамилия ни была, не обязательно, а в сегодняшней ситуации даже накладно быть членом бюро обкома КПСС. Мы с вами решили создать советские органы власти и передать эту власть от партийных органов. Это процесс непростой, и он требует сил, умения и напряжения всех, включая и партийные органы. Поэтому сам процесс отвлечения даже на заседания бюро будет растранижением времени председателя»²⁹. Подобные настроения были присущи и другим руководителям региональных Советов, которые выражали стремление отмежеваться от органов КПСС. Такая позиция советских руководителей провоцировала недовольство партийных работников, рождало ожесточенную критику с их стороны на пленумах и конференциях партийных комитетов.

²⁸ ГААК. Ф. П-382. Оп. 1. Д. 177. Л. 5.

²⁹ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 254. Д. 16. Л. 12.

Однако органы КПСС теряли свой привычный статус не только в системе власти. Они постепенно утрачивали поддержку населения. Привычная организационная структура партии терпела крах. Произошло резкое сокращение первичных партийных организаций. Так, в Омской области с конца 1988 г. по конец 1990 г. количество цеховых организаций уменьшилось на 17,6 %, а партийных групп — на 40,0 %. Сокращение аппарата и ликвидация отраслевых отделов привели к функциональному кризису. Стабилизация положения виделась в создании постоянных комиссий по основным направлениям работы партийных организаций. В районных и городских комитетах КПСС, как правило, это были комиссии по вопросам организационно-партийной, идеологической, социально-экономической работы.

Симптоматично, что функционеры аппарата региональных партийных органов КПСС перестали руководствоваться едиными принципами деятельности, оставляя за собой право понимания места и роли партийных органов. К примеру, в некоторых регионах Сибири партийные руководители старались сохранить контроль за деятельностью органов советской власти и влияние на экономические процессы. Показательно, что 20 апреля 1990 г. с грифом «секретно» в ЦК КПСС направили информацию о принимаемых в Томской области мерах по выполнению указаний Президента СССР, Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева по улучшению снабжения населения продовольствием. Секретарь Томского обкома КПСС А.С. Зарембо отмечал, что «обком партии установил систематический контроль за выполнением программы строительства объектов по производству свинины и мяса птицы»³⁰. Также обком провел совещание специалистов животноводства, на котором рассматривались меры по повышению их инициативы и ответственности за решение продовольственной программы в новых условиях хозяйствования, освоение хозрасчета и арендных отношений.

Однако такие примеры представляются исключением из правил. Структура краевых и областных комитетов партии повсеместно претерпевала изменения. В Омской областной партийной организации нашла поддержку идея образовать в обкоме партии комиссии по важнейшим направлениям деятельности, в которых бы активно и регулярно работали члены выборного органа, оправдывая доверие коммунистов, сформировавших обком. По мнению первого секретаря Омского обкома И.А. Назарова, «при такой структуре ставится под контроль партийных масс работа секретарей, бюро и тем более партий-

³⁰ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 31. Д. 1675. Л. 13.

ного аппарата, исключается командный стиль по отношению к членам выборного партийного органа»³¹. На совместном пленуме Омского обкома и контрольной комиссии областной партийной организации 15 декабря 1990 г. было предложено сформировать политическую комиссию, комиссию по идеологическим и гуманитарным проблемам, комиссию по социально-экономической политике и связям с рабочим движением, комиссию по аграрной политике и связям с крестьянским движением.

Для обеспечения работы комиссий, включая и контрольную комиссию, бюро и секретариат обкома, организовывался аппарат обкома в составе 47 человек. В составе аппарата работали четыре секретаря обкома, по должности бывшие председателями комиссий, заместители председателя комиссий, пресс-центр, консультанты и ответственные организаторы. Отделы обкома партии упразднились. Смысл таких новаций состоял в «усилении фактора демократизации в руководящих и исполнительных органах», в «дальнейшем развитии самостоятельности выборного партийного органа и преодоления подмены его партийным аппаратом»³². Похожая ситуация получила развитие и в других партийных организациях Сибири. В Новосибирской области численность аппарата обкома сократилась с 96 до 50 человек³³. Кардинальные структурные реформы обрушили качественный потенциал партийного аппарата, спровоцировали немало конфликтов среди функционеров по поводу определения порядка увольнения.

Абсолютное большинство региональных партийных руководителей выражало категорическое несогласие с очередным сокращением численности. 24 сентября 1990 г. первый секретарь Красноярского крайкома КПСС Г.П. Казьмин информировал секретаря ЦК КПСС О.С. Шенина о невозможности реорганизации по нормам, предложенным Управлением делами и Отделом партийного строительства и кадровой работы ЦК КПСС. Проект предполагал, что численность аппарата крайкома сократится на 40,7 %, аппарата Хакасского обкома — на 34,1 %, аппаратов окружкомов, горкомов и райкомов — на 49,6 процентов³⁴. Эти цифры были значительно меньше тех показателей, которые предлагались аппаратом ЦК КПСС. Региональный партийный руководитель просил учесть специфику Красноярского края и способов его управления, но в сложившейся ситуации рассчитывать на благоприятный исход в

³¹ ИАОО. Ф. 17. Оп. 138. Д. 48. Л. 5, 6.

³² ИАОО. Ф. 17. Оп. 138. Д. 129. Л. 3.

³³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 111. Д. 410. Л. 4.

³⁴ ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 16. Д. 465. Л. 293.

решении вопроса не приходилось.

Несмотря на масштабные преобразования в структуре и функциях аппарата партийных органов, на местах нередко обкомы, горкомы и райкомы КПСС по-прежнему воспринимались как авторитетные центры власти. Особенно показательно это проявляется в национальных республиках. Из информации о полученных письмах и приеме граждан в Бурятском республиканском комитете КПСС выясняется, что в 1990 г. им было получено 1756 писем, что на 273 письма больше, чем в 1989 г. За 1990 г. в реском партии по личным вопросам приняли 1810 человек, что было на 843 человека больше, чем в 1989 году³⁵. Несмотря на такие цифры, органы КПСС не могли оправдать доверие населения. Письма могли использоваться лишь для анализа общественных настроений.

Однако региональные руководители партийных органов не хотели уступать властных полномочий. Как отмечал в декабре 1990 г. секретарь Тувинского рескома КП РСФСР А. Ванжа, «передав непосредственно управленческие функции Советам народных депутатов, республиканский комитет Компартии РСФСР не снимает с себя ответственности за состояние социального и экономического развития республики. Реском партии ясно понимает, что неудачи в экономике больше всего бьют по его авторитету. У новых Советов, структур управления еще много слабостей, недостает опыта, дальновидности, умения управлять. В этих условиях реском партии решает острые экономические проблемы политическими методами через коммунистов — руководителей Советов всех уровней, министерств и ведомств»³⁶. В таких условиях делались попытки определить возможные механизмы партийного руководства.

Изменение механизмов партийного влияния на органы исполнительной власти предусматривало проведение решений органов КПСС через коммунистов — функционеров аппарата союзного и республиканского правительства, коммунистов — депутатов региональных и местных Советов. Но такая практика очень быстро показала свою несостоятельность. Свидетельством тому может являться постановление Секретариата ЦК КПСС от 28 августа 1990 г. «Об усилении политической напряженности в связи с ухудшением обеспечения населения продовольственными и другими товарами». В нем отмечалось, что, «отказываясь от администрирования, подмены советских и хозяйственных органов, партийный актив порой пассивен, бездействи-

³⁵ НАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 10723. Л. 3.

³⁶ ЦГАРТ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4408. Л. 50.

ет, практически не выражает своего отношения к коммунистам-руководителям советских и хозяйственных органов, виновным в срыве снабжения населения, к проявлениям регионального эгоизма»³⁷. Эти оценки характеризуют степень партийного кризиса. Организационная конструкция партии разрушалась на всех уровнях.

Центральные органы созданной компартии РСФСР также критично оценивали состояние дел в региональных организациях Сибири. 25 января 1991 г. было принято постановление Центральной контрольной комиссии КП РСФСР «О практике привлечения к партийной ответственности за злоупотребления служебным положением коммунистов — руководителей Тюменской области». В документе подчеркивалась острота управленческого кризиса, допущенного в регионе. Так, отмечалось, что «многие партийные организации самоустранились от решения хозяйственно-социальных задач. Это явилось одной из причин того, что за последние годы область снизила производственные показатели, утратила ранее завоеванные позиции по реализации программ социального развития»³⁸. Однако результат такого «самоустранения» стал вероятен вследствие ликвидации отраслевых звеньев партийного аппарата. Разрушение отлаженной системы посредничества между партийными органами и производственными коллективами было невозможно компенсировать допустимыми формами воздействия партноменклатуры на хозяйственников.

Прения о структуре и направлениях деятельности партийного аппарата продолжались и весной 1991 г. В Томском обкоме партии 22 марта 1991 г. пришли к выводу о необходимости создания отдела обкома КПСС по связям с местными Советами народных депутатов. Среди функций новой структуры назывались: выработка парламентской и блоковой политики обкома в Советах; подготовка документов по разным направлениям деятельности, законодательных инициатив для депутатов-коммунистов, проведение их через Советы³⁹. Партийным руководителям казалось, что в условиях наращивания политического авторитета Советов такая структура позволяла упрочить их взаимодействие с партийными органами. Но подобные шаги ни в коей мере не способствовали усилению влияния партийных органов.

Об очередном сокращении кадров в крайкомах и обкомах партии заговорили в июне 1991 г. Эта мера могла привести к полной недееспособности партийного аппарата. Первый секретарь Алтайского

³⁷ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 31. Д. 1662. Л. 71.

³⁸ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 31. Д. 2035. Л. 5.

³⁹ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 31. Д. 2133. Л. 1–2.

крайкома КП РСФСР В.А. Сафронов на собрании аппарата 17 июня 1991 г. предостерег его работников от панических настроений, заявив: «Мне, первому секретарю, неизвестно, что ожидается сокращение штатов. Давайте прекратим этот разговор, он ни к чему хорошему не приведет — мы совсем перестанем работать»⁴⁰. По сути за три года со времени проведения аппаратной реформы сибирские региональные комитеты КПСС прошли путь от важнейшего института политической власти до общественной организации с малообъяснимыми функциями. Деградация партийной вертикали, ослабление качественного потенциала кадров аппарата в регионах уже к началу 1990 г. свидетельствовали о невозможности сопротивления функционеров КПСС утрате своего бывшего статуса.

Опыт институциональных реформ в КПСС 1988–1990 гг. показал, что реструктуризация аппарата региональных партийных комитетов спровоцировала ряд неблагоприятных тенденций, в числе которых потеря управляемости и прогнозируемости в сфере социально-экономического развития, обострение противоречий между группами функционеров, снижение доверия населения к институтам власти. При этом попытка создания демократической модели власти Советов на региональном уровне не дала необходимого управленческого эффекта. Очевидно, что любая структурная реформа требует определения последствий на долгосрочную перспективу, а также учета мотивации работников аппарата к исполняемым функциям.

Литература:

1. *Лопатин Л.Н.* Кризис в Кемеровской областной партийной организации на фоне рабочего движения (1989–1991) // Из прошлого Сибири. Межвузовский сб. науч. трудов. Новосибирск, 1996. Вып. 2. Ч. 2. С. 180–189.
2. *Сердюков Д.В.* Нарастание кризиса советской партийно-государственной системы в 1985–1991 гг.: региональный аспект (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Сургут, 2006.
3. *Мельниченко О.В.* Кризис системы управления КПСС в 1985–1991 гг. в Пензенской области: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Пенза, 2006.
4. *Волгин Е.И.* Проблема реорганизации аппарата КПСС в условиях политических преобразований в СССР (конец 1980-х — начало 1990-х годов) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2008. № 6. С. 31–42.
5. *Казьмин В.Н.* Идеино-политическая ситуация в России в 1971–1991 гг.: центр и регионы Западной Сибири: автореф. дис. д.и.н. Кемерово, 2010.
6. *Шарафутдинов Т.Г.* Общественно-политическая жизнь на южном Урале в 1985–1993 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Уфа, 2013.

⁴⁰ ГААК. Ф. П-382. Оп. 1. Д. 180. Л. 47.

7. *Котляров М.В.* Институциональные изменения и идейно-политические процессы в организациях КПСС Западной Сибири в период перестройки (1985–1991): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011.
8. *Котляров М.В.* Институциональные изменения и идейно-политические процессы в организациях КПСС Западной Сибири в период перестройки (1985–1991) // *Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. научных статей.* Вып. 3 / Научн. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2012. С. 219–214.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). Т.15. 1985–1988. М., 1989. С. 362.

М.А. Стонт
Институт истории СО РАН

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1990-Е ГОДЫ

Статья посвящена выяснению особенностей участия жителей регионов Западной Сибири в выборах и референдумах федерального и регионального уровней в 1990-е годы. В ней рассмотрены факторы, влиявшую на электоральную активность населения субъектов федерации, и тенденции в изменении явки.

Электоральная активность в Западной Сибири проходила в русле общероссийских тенденций. Ключевым фактором, определявшим явку в 1990-е годы, был уровень урбанизации регионов; сельское население особенно активно принимало участие в выборах. Также наблюдается обратная корреляция уровня электоральной активности с уровнем социально-экономического благополучия. Более активным было население регионов с высокой долей пенсионеров среди населения.

Высокий уровень явки часто коррелировал с оппозиционным характером голосования. Отмечено существенное падение электоральной активности к выборам 1993 г. и некоторое ее увеличение к избирательному циклу 1995–1996 гг. Особенно выражены колебания явки были в регионах, которые занимали среднее положение по уровню социально-экономического развития. Прослеживается четкое распределение явки для каждого региона по голосованиям в зависимости от их уровня и ветви власти, выборы в которую проходили. Самыми популярными были выборы Президента России, в выборах региональных органов власти участвовало наименьшее количество граждан.

1990-е годы являются уникальным периодом в политической истории Российской Федерации. При всех недостатках тех лет, ни в какое другое время не было такого уровня политической конкуренции среди различных сил и возможностей у граждан влиять на формирование органов власти и избрание должностных лиц. Это был переходный период от плебисцитарной модели выборов, когда избирателям предлагалось лишь одобрить утвержденные в партийных орга-

нах кандидатуры, результат выборов которых был предreshен, к конкурентной модели.

В статье анализируется электоральная активность населения Западной Сибири в 1990-е годы. Вопрос об активности избирателей является одним из центральных в изучении выборов. Доля электората, принявшего участие в выборах, — один из основных показателей, которые обнародуют по итогам голосования. Уровень электорального участия демонстрирует отношение граждан к выборам как таковым и к политической системе в целом, а процент явки является одним из факторов, определяющих уровень легитимности власти, сформированной по итогам конкретных выборов. Возможные показатели явки в своих расчетах используют политические практики, прогнозируя, сколько голосов кандидату необходимо получить для победы.

Российские выборы 1990-х годов нашли отражение в аналитических материалах, опубликованных в сборниках электоральной статистики. Им посвящено большое количество статей и даже несколько монографий. Однако авторы обычно ограничиваются справочными данными об уровне явки избирателей, глубоко не вникая в данный аспект изучаемой темы. Авторы статей по более узкой тематике выявляют ряд общероссийских тенденций в электоральной активности и отмечают несколько факторов, определявших уровень электоральной активности населения субъектов Федерации, но не определяют степень их приоритетности.

Ряд исследователей рассматривает динамику электоральной активности населения России в 1990-е годы. Д. Будаева и Е. Черкун¹ формулируют концепцию «электорального перехода», характеризуя так выборы в РСФСР и Российской Федерации в 1989–1993 гг. Под «электоральным переходом» авторы понимают «переход от тоталитарной модели с практически стопроцентной явкой к относительно свободному демократическому волеизъявлению». Они также делят вывод о том, что явка избирателей на выборах Президента России всегда была выше, чем на выборах депутатов Государственной думы. По мнению авторов, это было обусловлено незначительным уровнем доверия населения к представительной власти и медленным становлением гражданского общества.

Ю. Шевченко² приходит к аналогичному выводу и отмечает, что

¹ Будаева Д.Ц., Черкун Е.Ю. Электоральное поведение и электоральные предпочтения как элементы политической культуры // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 6. С. 105–109.

² Шевченко Ю.Д. Поведение избирателей в России: Основные подходы // Выборы в посткоммунистических обществах: Пробл.-темат. сб. М.: ИНИОН РАН,

выборы в Государственную думу 1993 и 1995 гг. имели признаки второстепенного голосования: явка на эти выборы была ниже, чем на президентских выборах 1996 г. Авторы исследования «Анализ тенденций развития регионов России в 1991–1996 гг.»³ объясняют низкую явку на референдумах и выборах 1993 г. сильным разочарованием из-за того, что, несмотря на обещания властей, реальный уровень жизни большинства населения ухудшался.

Несколько исследований посвящены выявлению факторов, которые влияли на электоральную активность населения. М. Арбатская⁴ и М. Данилов⁵ отмечают высокий уровень явки в сельской местности и низкий — среди городского населения. М. Арбатская объясняет выявленные расхождения особенностями сообществ мегаполисов и глубинки, причем тенденции хода голосования в малых городах считает близкими к особенностям электоральной активности жителей сельских поселений. М.В. Данилов находит у селян «рецидивы советского политического сознания, в частности „обязательного“ голосования, от которого горожане уже избавились». Также исследователь отмечает более низкую активность в регионах с большим числом студентов и более высокую — в регионах с низким уровнем жизни и регионах с высоким средним возрастом населения.

Еще одной темой, поднятой в отечественной историографии, является анализ зависимости результатов голосования в конкретных регионах от электоральной активности населения. Так, А.А. Иудин, П.А. Марченков и А.И. Некрасов⁶ пишут о том, что для части субъектов Федерации в 1990-е годы были характерны такие показатели: повышенный уровень явки избирателей и заметно повышенный уровень голосования за КПРФ. Авторы монографии «Анализ тенденций развития регионов России в 1991–1996 гг.» отмечают для выборов 1991–1996 гг. существенную степень корреляции высокого уровня оппози-

2000. С. 111–136.

³ Анализ тенденций развития регионов России в 1991–1996 гг.: полит. ориентации населения регионов России. М., 1997. 123 с.

⁴ Арбатская М.Н. Формула «догоняющего» сравнения. Особенности электоральной активности субъектов федерации в США и РФ // Политическая экспертиза: Политэкс. 2011. Т. 7. № 3. С. 23–37.

⁵ Данилов М.В. Вовлечение граждан в избирательный процесс: значение политических факторов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2012. Т. 12. № 2. С. 79–83.

⁶ Иудин А.А., Марченков П.А., Некрасов А.И. Выборы и электорат: политическая эволюция. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 1997. 118 с.

ционности регионов с высоким уровнем явки.

Имеются публикации, посвященные проблеме абсентеизма, которая тесно связана с вопросом электоральной активности. В.В. Кравченко⁷ выделяет следующие причины отказа от участия в выборах отдельных избирателей, а, следовательно, и снижения явки: недоверие к участникам кампаний и их предвыборным программам; сомнения в возможности проведения честных выборов; выражение протеста против государственной политики в условиях сложной экономической ситуации.

Что же касается изучения электоральной активности населения Западной Сибири в 1990-х годах, то здесь существует ряд пробелов. Прежде всего нуждаются в выяснении особенности процессов, происходивших в Западной Сибири, в том числе требуется выявить факторы и тенденции, характерные для субъектов Федерации этого региона, и определить, какие из них были более приоритетными. В данной статье рассматриваются следующие голосования: всероссийские референдумы, выборы Президента РСФСР и Президента РФ, выборы депутатов Государственной думы и Совета Федерации, а также выборы глав исполнительных власти субъектов Федерации и выборы в законодательные органы субъектов Федерации.

Хронологические рамки статьи — март 1991 г. и январь 2000 г. Нижняя граница задана временем проведения референдумов о сохранении СССР и введении поста Президента РСФСР, верхняя, январь 2000 г., второй тур выборов губернатора Новосибирской области. Большинство кампаний в рамках выделенного периода характеризует высокий уровень конкурентности, который заметно снизился в 2000-е годы.

Территориальные рамки исследования — Западно-Сибирский регион, включающий в себя Республику Алтай, Алтайский край, Кемеровскую область, Новосибирскую область, Омскую область, Томскую область и Тюменскую область (в т. ч. Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа).

Источниками базой исследования послужили данные электоральной статистики и официальные статистические данные по социально-экономическим показателям субъектов Российской Федерации в 1990-е годы. Электоральная статистика публиковалась в специализированных сборниках⁸, часть из которых подготовлена Центральной

⁷ Кравченко В.В. Конституционное право Украины: Учеб. пособие. К.: Атика, 2002. 480 с.

⁸ Выборы в законодательные (представительные) органы государственной

избирательной комиссией РФ, а также в изданиях Московского центра Карнеги⁹. Информация о выборах регионального уровня дополнялась справочными материалами, опубликованными в сети Интернет¹⁰. Для анализа доступны полные данные по выборам и референдумам федерального уровня: показатели явки избирателей; количество голосов, полученных кандидатами, партиями и блоками, а также голосов, поданных против всех кандидатов и за варианты ответов на вопросы референдумов. Статистика охватывает как общенациональные показатели, так и данные по субъектам Федерации, а для части кампаний — и по избирательным округам. К сожалению, по ряду выборов регионального масштаба данные об уровне явки не опубликованы.

Статистические данные о социально-экономических показателях субъектов Федерации опубликованы в официальных изданиях Государственного комитета статистики РФ. В издании 2000 г.¹¹ содержится информация об основных показателях вплоть до 1999 г. По большинству показателей опубликованы данные, начиная с 1991 или 1992 гг., но по некоторым — с более позднего времени (с 1994 и даже с 1995 г.). Информация по ХМАО и ЯНАО дается только за период 1997–1999 гг.

власти субъектов Российской Федерации, 1996–1997. М., 1998. 640 с.; Выборы в органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1997–2000: в 2 томах. М., 2001; Россия в избирательном цикле 1999–2000 годов. М., 2000. 615 с.; Выборы глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации, 1995–1997: электор. статистика. М., 1997. 699 с.; Выборы депутатов Государственной Думы. 1995: электорал. статистика. М., 1996. 267 с.; Выборы депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации, 1999: Электор. статистика. М., 2000. 292 с.; Российские регионы накануне выборов-95. М., 1995. 185 с.

⁹ Политический альманах России. Т. 1: Выборы и политическое развитие. М.: Моск. центр Карнеги, 1998. 641 с.; Политический альманах России. Т. 2: Социально-политические портреты регионов. Кн. 1. М.: Моск. центр Карнеги, 1998. 552 с.; Политический альманах России. Т. 2: Социально-политические портреты регионов. Кн. 1. М.: Моск. центр Карнеги, 1998. 1096 с.

¹⁰ Выборы глав субъектов Российской Федерации // Википедия [Электронный ресурс].

https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_глав_субъектов_Российской_Федерации. Дата обращения: 31.10.2014;

Выборы законодательных собраний субъектов Российской Федерации // Википедия [Электронный ресурс];

https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_законодательных_собраний_субъектов_Российской_Федерации. Дата обращения: 31.10.2014.

¹¹ Регионы России: Стат. сб.: В 2-х томах. М., 2000. 604 с.

Ключевой метод, использованный в данном исследовании, — сравнительный. Для выявления тенденций в изменении электоральной активности населения между собой сравнивались показатели явки на выборы в разных регионах, показатели на различных выборах в течение исследуемого периода, а также показатели явки на выборах с показателями «провластного голосования»¹² (См. таблицу 1).

Для определения и ранжирования факторов, влиявших на активность населения в разных субъектах Федерации, использовался метод корреляционного анализа. Подсчитывался коэффициент корреляции между уровнем явки и индикаторами социально-экономического развития субъектов Федерации. Ввиду того, что динамика изменения показателей индикаторов от региона к региону в Западной Сибири существенно не отличалась, а для выявления корреляции требуются значения за 1990-е годы в целом¹³, для расчетов по каждому показателю бралось среднее арифметическое между максимальным и минимальным значением за тот период, по которому имеются статистические данные. Для получения эквивалентных значений о ХМАО и ЯНАО (статистика по которым дана только за 1997–1999 гг.) использовался метод экстраполяции¹⁴.

Также метод корреляционного анализа использовался для выявления тенденций в голосованиях: выявлялся коэффициент корреляции между уровнем электоральной активности и уровнем «провластного голосования».

В 1990-е годы в Западно-Сибирском регионе уровень активности избирателей изменялся с течением времени и отличался в зависимо-

¹² Под «провластным голосованием» в данной статье понимается голосование за Б.Н. Ельцина, «партии власти» и избирательные блоки, поддерживающие политику Президента и правительства, ответы на вопросы референдума, за которые агитировала федеральная исполнительная власть. Для референдума 25.04.1993 взяты результаты голосования по первым двум вопросам (о доверии).

¹³ Так как уровень электоральной активности зависит, в том числе, от уровня выборов и ветви власти, в которую осуществляются выборы, для выявления корреляций между уровнем явки в регионе и другими показателями не имеет смысла рассматривать отдельные голосования. В таком случае корреляция будет искажена ввиду наличия ряда общих тенденций, рассматриваемых в данной статье ниже. Для достоверных выводов относительно регионов требуются сопоставить усредненные, общие значения.

¹⁴ По имеющимся данным о других регионах Западной Сибири выявлялся общий тренд, который экстраполировался на статистические показатели ХМАО и ЯНАО для определения приблизительных крайних значений за рассматриваемый период.

сти от субъекта Федерации (см. таблицу 2). При анализе факторов, влиявших на явку, используется показатель корреляции уровня явки с индикаторами этих факторов. Отдельного внимания заслуживают два региона-антипода по показателям электоральной активности — это Республика Алтай, где средняя явка была наибольшей (74,2 %), и Ханты-Мансийский автономный округ с минимальным средним показателем (56,9 %). Рекордные значения для федеральных голосований также зафиксированы в этих субъектах. 85,1 % избирателей Республики Алтай приняли участие в референдуме о введении поста Президента РСФСР (1991 г.); 39,4 % избирателей ХМАО проголосовали за кандидатов в Совет Федерации (1993 г.)¹⁵.

Первый фактор, влиявший на электоральную активность населения субъекта Федерации, — это уровень урбанизации территории. Здесь наблюдается обратная корреляция между процентом городского населения и уровнем электоральной активности: коэффициент «-0,893» (таблица 3). Чем больше городских жителей было среди населения региона, тем меньше избирателей приходило на участки для голосования. Ханты-Мансийский АО — наиболее урбанизированный регион Западной Сибири, имевший в 1999 г. 91,2 % городского населения, в то время как Республика Алтай урбанизирована меньше других (всего 25,5 %).

Высокий процент голосующих селян объясняется несколькими причинами. Во-первых, в небольших сообществах локальным лидерам проще мобилизовать электорат как с помощью легальных методов электорального взаимодействия, так и с применением административного ресурса. Во-вторых, сельские сообщества характеризуются большим осознанием общности людей. Если население крупных городов в значительной степени атомизировано, а социальные связи анонимны, то в небольших населенных пунктах социальные отношения обязательно включают в себя личностный фактор, а люди более склонны идентифицировать себя как членов локального сообщества. В такой обстановке участие в выборах воспринимается как важное проявление заботы об общем интересе. В-третьих, общественная жизнь сел довольно скудна, и выборы являются одним из немногих не рутинных событий, что обуславливает их привлекательность.

Вторым фактором является социально-экономическое состояние

¹⁵ В таблице за 1993 г. приведены средние значения процента избирателей, принявших участия в голосованиях, прошедших 12.12.1993: референдум по Конституции, выборы депутатов Государственной думы и выборы членов Совета Федерации.

региона. Нами были рассмотрены такие социально-экономические показатели, как соотношение среднедушевого дохода и прожиточного минимума; процент жителей, находящихся за чертой бедности, уровень безработицы и ожидаемая продолжительность жизни. Коэффициенты корреляции по модулю составили от «0,798» до «0,497». Республика Алтай стабильно занимала последнее и предпоследнее места по каждому из этих показателей, заслуженно получив звание самого депрессивного региона Западной Сибири. Регионы с низкой явкой — ХМАО и ЯНАО — были в числе лидеров в стране по меньшему числу бедных и более высокой ожидаемой продолжительности жизни. Третий в списке пассивных регионов Западной Сибири — Кемеровская область — имела один из высших уровней бедности и один из худших прогнозов по продолжительности жизни в России.

Корреляция активности избирателей с возрастом населения менее очевидна, но также присутствует. В данной статье используется показатель процента пенсионеров среди жителей территории, так как этот показатель основан на статусном делении, в основу которого положен возраст. Переход в статус пенсионера зачастую существенно отражается на уровне социальной защищенности и образе жизни человека¹⁶. Пенсионеры — это наиболее уязвимая часть населения, которая вместе с тем имеет сниженное по сравнению с работающими людьми число социальных связей и социальных действий. Соответственно, выборы для них — одна из немногих возможностей проявить собственную общественную позицию, поэтому данная часть населения наиболее электорально активна. Коэффициент корреляции явки на выборы и доли населения пенсионного возраста в регионе составил «0,595». Два наименее «пожилых» региона демонстрировали худшие показатели явки — это ЯНАО и ХМАО. С другой стороны, наиболее активный регион (Республика Алтай) имел только шестую позицию по показателю пенсионеров. Высокая активность электората этого субъекта Федерации была обусловлена другими факторами, которые были описаны выше.

Рассмотрев факторы, определявшие явку, следует перейти к выявленным тенденциям. Из изложенного выше «фактора № 2» следует, что население менее благополучных регионов участвовало в выборах более активно. Это объясняется тем, что важной мотивацией электората участвовать в выборах являлось недоверие к власти. Данные анализа подтверждают это. Коэффициент корреляции электоральной

¹⁶ Поэтому данный показатель более полно отражает электоральные особенности региона, чем показатель среднего возраста населения.

активности и провластных политических ориентаций в голосовании составил «-0,462». Из 23 случаев повышенной явки (превышение среднероссийского показателя более чем на 2,5 %) 19 приходится на оппозиционный характер голосования (кандидаты от власти получили на 2,5 % меньше голосов, чем в среднем по стране).

Особняком стоит лишь Кемеровская область, где в шести из девяти голосований выраженная оппозиционность сочетается с выраженной пониженной явкой. Причины такого электорального поведения кроются в политической истории территории периода перестройки и 1990-х годов. Кузбасс долгое время был центром шахтерского движения, население считало выборы менее эффективным способом выразить свое недовольство властью по сравнению с забастовками. Также в ходе внутризэлитной борьбы за власть между М.Б. Кислюком и А. Тулеевым выборы не использовались как способ разрешения политических конфликтов.

Вторая тенденция кроется в динамике изменения уровня электоральной активности населения с течением времени. Исследуемый период делится на четыре электоральных цикла голосований федерального уровня: 1991, 1993, 1995–1996 и 1999 гг. Общероссийской тенденцией является серьезное падение явки в цикле 1993 г. и ее частичное восстановление к выборам 1995–1996 гг. при том, что уровень 1991 г. остался недостижимым (таблица 4). Исследователи нашли этому два объяснения: отсутствие первостепенных (президентских) выборов в данном цикле и недовольство населения падением уровня жизни в ходе радикальных экономических реформ.

Во всех регионах Западной Сибири эта тенденция прослеживалась, но отдельного внимания заслуживает то, что в пяти регионах изменения явки оказались более существенными, чем в среднем по стране: в Алтайском крае, Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областях. Такой «маятник» стал характерным не для депрессивной Республики Алтай, не для шахтерского Кузбасса, население которых уже в 1991 г. не питало завышенных ожиданий по отношению к московской власти, но и не для нефтегазовых автономных округов, ресурсы которых позволяли иметь «подушку безопасности» даже в политически нестабильные периоды. Общая особенность пяти регионов, в которых произошли наиболее существенные колебания уровня электоральной активности, как раз в их промежуточном положении — это субъекты федерации, которые имели свои сильные стороны и могли рассчитывать на развитие. Их жителям было, что терять, поэтому разочарование, которое наступило при ухудшении качества жизни во время реформ, стало к 1993 г. весьма существенным и спро-

воцировало недоверие к власти как таковой, включив механизмы политической апатии. Возможно и другое объяснение: люди, скептически относясь к политике Б.Н. Ельцина, не видели серьезной и достойной альтернативны действующей власти. В избирательном цикле 1995–1996 гг. сама политическая ситуация, когда развернулась реальная борьба за власть, привлекла людей на участки для голосования.

Также в выборах в Западной Сибири прослеживается тенденция четкого выделения выборов первого, второго, третьего и четвертого порядков. Это, соответственно, такие голосования: 1) президентские выборы; 2) федеральные референдумы; 3) выборы депутатов Государственной думы; 4) выборы в органы власти субъектов Федерации.

За исключением референдума «О введении поста президента РСФСР»¹⁷ в 1991 г., два высших показателя явки удерживают президентские выборы 1991 и 1996 гг. (первый тур). Единственное исключение – Республика Алтай, в которой в парламентских выборах 1995 г. приняли участие на 1,4 % избирателей больше, чем в первом туре президентских выборов 1996 г. Во всех регионах средняя активность электората в ходе федеральных референдумов превысила средний уровень явки на выборы депутатов Государственной думы.

Выборы губернаторов и законодательных собраний регионов можно отнести к четвертому уровню по популярности, так как они по явке стабильно не дотягивали до парламентских выборов (таблица 5). Из 25 региональных выборов с доступными показателями явки только в пяти кампаниях электорат был мобилизован эффективнее, чем на парламентских выборах в среднем. Это были выборы пяти глав исполнительной власти субъектов. Выборы главы Республики Алтай (1997 г.), совмещенные с выборами в республиканский парламент, оказались незначительно популярнее думских кампаний. Высокая же явка на выборах губернаторов Новосибирской (67,4 %), Омской (68,7 %) и Томской (62,9 %) областей в 1995 г., а также на губернаторских выборах в Новосибирской области в 1999 г. (64,2 %) объясняется их совмещением с выборами депутатов Государственной думы.

В целом факторы, определявшие уровень электорального участия населения регионов Западной Сибири, совпадали с факторами, которые были ранее описаны исследователями как общероссийские. Более высокую активность проявили регионы, которые были менее

¹⁷ Данный референдум проводился одновременно со Всесоюзным референдумом о сохранении СССР, что предопределило высокую электоральную активность.

урбанизированными, менее социально благополучными и с большим количеством населения старшего возраста. Наиболее выраженный фактор — процент городского населения. Показательны Ханты-Мансийский автономный округ и Республика Алтай — два региона-антипода по своим социально-экономическим показателям, население которых демонстрировало противоположные показатели электоральной активности.

Для выборов в Западной Сибири характерен спад электоральной активности к 1993 г. с новым подъемом к циклу 1995–1996 гг. Особенно выражены эти колебания в пяти субъектах Федерации, занимавших среднее положение по уровню социального благополучия. Четко прослеживается зависимость явки от того, на какой уровень и в какую ветвь власти избираются кандидаты. Также высокий уровень явки часто объяснялся оппозиционным характером голосования: граждане шли на участки, чтобы выразить протест против политики федеральной власти. Исключением стали выборы в Кемеровской области, в которой сформировалась другая электоральная модель — с высокой оппозиционностью, но низким уровнем электоральной активности.

Таблица 1. «Провластное голосование» на выборах и референдумах 1990-х годов.

Регион	03.1991	06.1991	04.1993	12.1993	12.1993	1995	1996	1996	1999
	Р ¹	П	Р	Р	ГД	ГД	П - 1	П - 2	ГД
Республика Алтай	<u>52</u> ²	<u>22</u>	<u>48</u>	54,	<u>8</u>	<u>5</u>	28,	<u>43</u>	37,
Алтайский край	69,	<u>46</u>	<u>49</u>	50,	9,	5,	<u>21</u>	<u>38</u>	<u>27</u>
Кемеровская область	72,	<u>39</u>	<u>52</u>	<u>60</u>	<u>12</u>	<u>3</u>	<u>23</u>	<u>41</u>	38,
Новосибирская область	71,	57,	<u>54</u>	<u>50</u>	<u>10</u>	7,	<u>25</u>	<u>43</u>	<u>26</u>
Омская область	<u>66</u>	<u>53</u>	<u>56</u>	56,	14,	6,	<u>32</u>	<u>46</u>	<u>27</u>
Томская область	74,	61,	66,	66,	19,	9,	34,	59,	<u>25</u>
Тюменская область	73,	56,	58,	<u>65</u>	<u>11</u>	9,	39,	55,	<u>33</u>
ХМАО	<u>80</u>	<u>68</u>	<u>83</u>	<u>80</u>	<u>21</u>	14,	<u>52</u>	<u>74</u>	37,
ЯНАО	<u>79</u>	<u>67</u>	<u>82</u>	<u>78</u>	<u>17</u>	<u>23</u>	<u>55</u>	<u>79</u>	<u>27</u>
РФ	<u>69</u>	<u>57</u>	<u>58</u>	<u>57</u>	<u>14</u>	<u>10</u>	<u>35</u>	<u>53</u>	<u>36</u>

¹ Р — референдумы; П — президентские выборы; 1 — первый тур; 2 — второй тур; ФС — выборы депутатов государственной Думы и членов Совета Федерации; ГД — выборы депутатов государственной Думы.

² **Жирный шрифт и подчеркивание** — уровень «провластного голосования» ниже общероссийского уровня на 7, и более. **Жирный шрифт** — уровень «провластного голосования» ниже общероссийского на 2,5-7. *Курсив* — уровень «провластного голосования» выше общероссийского на 7, и более. *Курсив и подчеркивание* — уровень «провластного голосования» выше общероссийского на 7, и более. Относительные величины выбраны как единственно возможные для анализа, так как абсолютные значения на выборах с различным уровнем возможностей выбора (от двух отчетов до нескольких десятков партийных списков) являются непригодными для сравнения.

Таблица 2. Электоральная активность населения на выборах и референдумах 1990-х годов.

Регион	03.1991	06.1991	04.1993	12.1993	1995	1996	1996	1999	СРЕД ЗНАЧ
	Р	П	Р	Р, ФС	ГД	П - 1	П - 2	ГД	
Республика Алтай	85,	81,	69,	65,	75,	74,	70,	71,	74,
Алтайский край	77,	77,	64,	54,	67,	70,	67,	65,	68,
Кемеровская область	70,	69,	57,	52,	61,	66,	63,	55,	62,
Новосибирская область	71,	73,	62,	50,	66,	71,	66,	64,	65,
Омская область	80,	79,	68,	58,	68,	73,	72,	62,	70,
Томская область	71,	72,	60,	44,	62,	68,	65,	58,	63,
Тюменская область	71,	72,	59,	48,	61,	67,	67,	59,	63,
ХМАО	59,	63,	53,	39,	54,	64,	60,	59,	56,
ЯНАО	66,	69,	62,	45,	61,	63,	60,	59,	61,
РФ	75,	74,	64,	54,	64,	69,	68,	61,	66,

Таблица 3. Корреляция уровня явки и социально-экономических показателей.

Регион	ЯВКА	Урбан. ³	СД/ПМ	< ПМ	Безраб.	ПЖ	Пенс.
Статистика, с года		1991	1995	1994	1992	1992	1991
Республика Алтай	74, (1) ⁴	26, (9)	128,5 (8)	38, (3)	13, (1)	63,6 (9)	15, (6)
Омская область	70, (2)	67, (7)	156,0 (6)	29, (4)	10, (4)	67,9 (3)	17, (4)
Алтайский край	68, (3)	55, (8)	135,0 (7)	39, (2)	9, (6)	67,3 (6)	19, (1)
Новосибирская область	65, (4)	74, (5)	123,0 (9)	43, (1)	10, (3)	67,7 (4)	19, (2)
Тюменская область	63, (5)	76, (4)	283,5 (3)	14, (7)	8, (7)	67,6 (5)	10, (7)
Томская область	63, (6)	68, (6)	175,5 (5)	24, (5)	12, (2)	66,4 (7)	15, (5)
Кемеровская область	62, (7)	87, (2)	210,0 (4)	21, (6)	9, (5)	64,4 (8)	19, (3)
ЯНАО	61, (8)	82, (3) ⁵	346,0 (1)	6, (8)	6, (9)	69,2 (1)	4, (9)
ХМАО	56, (9)	91, (1)	345,0 (2)	7, (9)	7, (8)	68,3 (2)	5, (8)
Коэффициент корреляции		-0,893	-0,798	0,780	0,663	-0,479	0,593

³ Третий столбец (далее — по порядку) — процент городского населения; 4 — соотношение среднедушевого дохода и прожиточного минимума; 5 — процент трудоспособного населения, имеющих доходы ниже прожиточного минимума; 6 — уровень безработицы; 7 — ожидаемая продолжительность жизни (лет); 8 — процент жителей пенсионного возраста.

⁴ В скобках — место по показателю среди регионов Западной Сибири.

⁵ Курсивом обозначены приблизительные данные, полученные с использованием метода экстраполяции.

Таблица 4. Динамика явки по избирательным циклам.

Регион	1991	1993	Д⁶	1995-96	Д	1999	Д
Республика Алтай	83,5 %	67,5 %	-16,0 %	73,5 %	6,0 %	71,2 %	-2,3 %
Алтайский край	77,6 %	59,5 %	-18,1 %	68,3 %	8,8 %	65,9 %	-2,4 %
Кемеровская область	69,	55,	-14,	63,	8,	55,	-8,
Новосибирская область	72,	56,	-16,	68,	11,	64,	-4,
Омская область	79,	63,	-16,	71,	8,	62,	-9,
Томская область	71,	52,	-19,	65,	13,	58,	-7,
Тюменская область	72,	54,	-17,	65,	11,	59,	-5,
ХМАО	61,	46,	-14,	60,	13,	59,	-0,
ЯНАО	67,5 %	54,3 %	-13,2 %	61,6 %	7,3 %	59,8 %	-1,8 %
РФ	74,9 %	59,2 %	-15,	67,6 %	8,4 %	61,8 %	-5,8 %

⁶ Д — динамика средней явки на выборы и референдумы федерального уровня между двумя избирательными циклами, указанными в таблице перед столбцом.

Таблица 5. Голосования разных порядков.

Регион	СР ПРЕЗ ⁷	СР РЕФ	СР ГД	РЕГ ИВ	РЕГ ЗВ
Республика Алтай	77,1 %	73,4 %	70,8 %	71,2 % (1997)	71,2 % (1997)
Алтайский край	71,6 %	65,6 %	62,4 %	48,3 % (1996) 55,8 % (1996)	38,2 % (1994)
Кемеровская область	65,8 %	60,0 %	56,4 %	54,3 % (1997)	33,9 % (1994)
Новосибирская область	70,5 %	61,5 %	60,5 %	67,4 % (1995) ⁸ 4 (1995) 64,2 % (1999) 50,6 % (2000)	33,6 % (1994) 44,1 % (1996)
Омская область	73,9 %	68,8 %	62,8 %	68,7 % (1995) 51,3 % (1999)	
Томская область	67,9 %	59,1 %	55,4 %	62,9 % (1995) 48,6 % (1999)	32,7 % (1994) 41,6 % (1997)
Тюменская область	66,9 %	60,0 %	56,5 %	30,3 % (1996) 25,2 % (1997)	43,4 % (1997)
ХМАО	60,7 %	50,8 %	51,3 %	47,1 % (1996)	47,0 % (1996)
ЯНАО	64,6 %	58,2 %	55,5 %	49,0 % (1996)	38,3 % (1996)
РФ	69,6 %	64,5 %	60,2 %		

⁷ СР ПРЕЗ — средний уровень явки на президентских выборах; СР РЕФ — на референдумах; СР ГД — на выборах в Государственную думу; РЕГ ИВ — на выборах глав исполнительной власти субъектов Федерации; РЕГ ЗВ — на выборах в органы законодательной власти субъектов Федерации.

⁸ Жирным шрифтом выделены региональные выборы, совмещенные с выборами федерального уровня.

Литература:

1. Анализ тенденций развития регионов России в 1991-1996 гг.: полит. ориентации населения регионов России. М., 1997. 123 с.
2. *Арбатская М.Н.* Формула «догоняющего» сравнения. Особенности электоральной активности субъектов федерации в США и РФ. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7. № 3. С. 23–37.
3. *Будаева Д.Ц., Черкун Е.Ю.* Электоральное поведение и электоральные предпочтения как элементы политической культуры // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 6. С. 105–109.
4. Выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации, 1996–1997. М.: Весь Мир, 1998. 640 с.
5. Выборы в органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1997-2000: в 2 т. М.: Весь мир, 2001.
6. Выборы глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации, 1995-1997: электор. Статистика. М.: Весь мир, 1997. 699 с.
7. Выборы депутатов Государственной Думы. 1995: Электорал. статистика. М., 1996. 267 с.
8. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации, 1999: Электор. статистика. М., 2000. 292 с.
9. *Данилов М.В.* Вовлечение граждан в избирательный процесс: значение неполитических факторов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2012. Т. 12. № 2. С. 79–83.
10. *Иудин А.А., Марченков П.А., Некрасов А.И.* Выборы и электорат: политическая эволюция. Н. Новгород, 1997. 118 с.
11. *Кравченко В.В.* Конституционное право Украины: учеб. пособие. К., 2002. 480 с.
12. Политический альманах России. Т. 1: Выборы и политическое развитие. М., 1998. 641 с.
13. Политический альманах России. Т. 2: Социально-политические портреты регионов. Кн. 1. М., 1998. 552 с.
14. Политический альманах России. Т. 2: Социально-политические портреты регионов. Кн. 1. М., 1998. 1096 с.
15. Регионы России: Стат. сб.: В 2-х т. М.: Госкомстат России, 2000. 604 с.
16. Россия в избирательном цикле 1999–2000 годов. М., 2000. 615 с.
17. Российские регионы накануне выборов-95. М.: Юрид. лит., 1995. 185 с.
18. *Шевченко Ю.Д.* Поведение избирателей в России: Основные подходы // Выборы в посткоммунистических обществах: Пробл.-темат. сб. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 111–136.

М.В. Котляров

Аналитический отдел
информационно-аналитического управления
Администрации губернатора и правительства
Новосибирской области

«ЛУЧШИЙ ДРУГ» ИЛИ «БОЛЬШОЙ БРАТ»? ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ В ОНЛАЙНОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ¹

Автор исследует роль онлайн-социальных сетей в общественно-политических процессах современной России. В статье показана эволюция блогосферы, которая первоначально использовалась немногочисленными политиками и общественными активистами исключительно как свободное коммуникационное пространство для выражения своего мнения об актуальных событиях и общения со сторонниками. Однако по мере роста количества регулярных пользователей социальные сети превратились в значимый инструмент политического влияния как за рубежом, так и в России. Это изменило отношение к ним со стороны российского государства, которое стремится поставить блогосферу под свой контроль. Государственная информационная политика в отношении социальных медиа включает в себя систематический мониторинг блогов с помощью специализированных информационных систем, усиление влияния провластных групп и расширение полномочий государственных органов по блокированию площадок в социальных сетях.

Ключевые слова: государственная информационная политика, Интернет, блог, социальные сети.

Динамичное развитие интернет-технологий в конце XX — начале XXI в., их активное использование субъектами, политической, экономической, культурной деятельности и широкое проникновение в повседневную жизнь поставили перед обществом и органами государственной власти многочисленные вопросы, связанные с обеспечением информационной безопасности, защитой частной жизни людей, адап-

¹ Своим «Лучшим другом» часто называют социальные сети их активные пользователи. «Большой Брат» — персонаж антиутопии Д. Оруэлла «1984», который стал нарицательным именем для государства или любой организации, стремящейся установить слежку или контроль над обществом.

тацией государственных и общественных институтов к «цифровой реальности».

Наряду с этими социально значимыми проблемами в последние годы одним из наиболее дискуссионных вопросов стало влияние онлайн-социальных сетей² на процессы взаимодействия между властью и обществом. Если в 2000-е годы наибольший интерес у исследователей вызывало изучение политической коммуникации в блогосфере³, то в настоящее время узел научной дискуссии стал завязываться вокруг следующего вопроса: социальные сети и Интернет в целом увеличивают политическую субъектность граждан и институтов гражданского общества, или являются новым инструментом политического контроля, манипулирования и мобилизации, который используется различными политическими акторами как для внутриполитического, так и внешнеполитического влияния?

Изменение исследовательского фокуса обусловлено объективными процессами и событиями, которые затрагивают многие страны, в том числе и Россию: стремительным ростом численности регулярных пользователей социальных сетей, которая в России в 2014 г. достигла 65 млн человек⁴, популяризацией идей «электронной демо-

² Онлайн-социальная сеть — интернет-сервис, позволяющий создавать индивидуальные страницы (профили), строить на их основе социальные связи, хранить и распространять текстовую, фото-, аудио- и видео информацию. Синонимами онлайн-социальных сетей в статье являются термины «социальные сети», «блогосфера» и «социальные медиа».

³ Чузунов А.В. Политика и Интернет: политическая коммуникация в условиях развития современных информационных технологий. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2000; Шеремет А.Н. Интернет как средство массовой коммуникации: социологический анализ. Дисс... канд. соц. наук. Екатеринбург, 2003; Быков И.А. Интернет как средство политической коммуникации: анализ российского опыта. Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2005; Прохорова Н.С. Социокультурные аспекты феномена виртуальной реальности в русской сети Интернет. Дисс. ... канд. соц. наук. М., 2005; Раскладкина М.К. Интернет как средство организации информационно-политического пространства России. Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2006.

⁴ Социологическое исследование, проведенное Левада-Центром в марте 2014 г., показало, что ежедневно и несколько раз в неделю социальными сетями пользовались около 45,0 % граждан РФ старше 18 лет, тогда как в августе 2011 г. регулярных пользователей социальных сетей в стране было в два раза меньше. (См: Волков Д., Гончаров С. Российский медиа-ландшафт: телевидение, пресса, Интернет // Доклад. Левада-центр. 2014, июнь. [Электрон. дан.] Режим доступа: <http://www.levada.ru/17-06-2014/rossiiskii-media-landshaft-televidenie-pressa-internet>

кратии» и «электронного правительства» и их применением на практике⁵, использованием технологий SMM⁶ в избирательных кампаниях и для организации массовых акций протеста⁷, участившихся политических скандалов, связанных с обнародованием данных о слежке спецслужбами США за гражданами различных стран через глобальную интернет-инфраструктуру⁸.

Данное исследование не претендует на обобщение всех накопленных в мировой практике идей и фактов о роли онлайн-социальных сетей и Интернета в целом в политике, а нацелено на изучение российского опыта, что, может быть, подтолкнет исследовательскую и общественную дискуссии и в дальнейшем позволит выявить общее и особенное в развитии этого процесса, понять его основные тенденции, а также достигнутые на текущем этапе позитивные и негативные результаты.

Проблема взаимодействия власти и общества с помощью интернет-сервисов только становится предметом научного исследования в России, что связано как с ее новизной, так и с междисциплинарным характером. Интернет-технологии глубоко проникли в технологическую и институциональную ткань общества, а также в сферу межличностных отношений, поэтому для объективного понимания их влияния на социум требуется применение методологий различных научных дисциплин: истории, социологии, политологии, психологии, математики и информационных технологий⁹.

Применение методов сетевого анализа, активно развивающихся в зарубежной социологической науке¹⁰, позволило понять, что боль-

⁵ Волков Л., Крашенников Ф. Облачная демократия. Екатеринбург, 2011.

⁶ SMM — social media marketing — комплекс мер по использованию онлайн-социальных сетей в качестве информационных каналов для продвижения брендов, компаний, персон и решения других бизнес-задач.

⁷ Wael Ghonim. Revolution 2.0: The Power of the People Is Greater Than the People in Power. New York, 2012.

⁸ Секреторазноситель // Коммерсант. Власть. 12.08.2013. с. 4–6; Greenwald G. No place to hide: Edward Snowden, The NSA, and the U.S. surveillance state. London, 2014; Harding L. The Snowden files: The inside story of the world's most wanted man. New York, 2014.

⁹ Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М., 2010.

¹⁰ Методология сетевого анализа зародилась в 1950-е годы в зарубежной социологической науке с началом применения математической теории графов. В качестве отдельной парадигмы метод анализа социальных сетей начал формироваться в 1970-е годы. В 1977 г. была образована Международная ассоциация специалистов по анализу социальных сетей (INSNA) и учрежден

шинство близких онлайн-связей человека являются также офлайн-связями, соответственно между онлайн и офлайн-сетями нет существенных различий¹¹. Этот факт имеет ключевое значение для понимания общественно-политической роли онлайн-социальных сетей. Пространство блогосферы является не отдаленным отражением или специфической «виртуальной» разновидностью социальных отношений, а социальными отношениями как таковыми. Поэтому коммуникацию, самоорганизацию и мобилизацию в онлайн-социальных сетях необходимо рассматривать как объективные явления, которые имеют реальное влияние на общество. В социальных медиа могут реализовываться отношения власти-подчинения, идти борьба за влияние на политические настроения, взгляды и позиции людей, создаваться и разрушаться репутации персон и организаций.

И.В. Мирошниченко, исследовавшая социальные сети, действующие в онлайн- и офлайн-среде российской публичной политики в 2008–2012 гг., выявила, что онлайн-сообщества создаются с целью повышения потенциала гражданского действия, формирования информационно-дискурсивных площадок, способствующих не только возникновению новых информационных возможностей для политических дискуссий и участия, но и конструированию новых групп и контргрупп политической сетевой общественности, а также для построения сетей гражданской мобилизации. По мнению И.В. Мирошниченко, развитие этого процесса имеет позитивные последствия как для гражданского общества, так и для власти, поскольку новые точки роста сетей самоорганизации и мобилизации граждан обуславливают формирование полноценного гражданского общества, способного расширить пространство публичной политики и предложить новые, интерактивные каналы взаимодействия власти и граждан в новых информационных условиях¹².

Не оспаривая этих наблюдений и выводов, необходимо их дополнить фактами, которые объясняют причины политизации онлайн-социальных сетей в России и показывают, как социальные сети становятся пространством, где действуют не только политически активные граждане, но и государственные структуры, которые имеют свои собственные цели.

Процесс политизации социальных сетей в России начался в сере-

журнал «Social Networks».

¹¹ Хоган Б. Анализ социальных сетей в Интернете // Постнаука. 21.11.2013. – [Электрон. дан.] Режим доступа: <http://postnauka.ru/longreads/20259>

¹² *Мирошниченко И.В.* Социальные сети в российской публичной политике. Автореф. дисс. ... доктора полит. наук. М., 2013. С. 33–34.

дине 2000-х годов, когда личные блоги — в основном на сервисе Livejournal (ЖЖ) — стали заводить известные политические деятели, в первую очередь оппозиционеры: Б.Е. Немцов, Н.Ю. Белых, И.В. Яшин и другие. Оппозиционеры, как правило, указывали, что завести блоги их заставили обстоятельства: ужесточившаяся в России цензура в СМИ и невозможность таким образом донести до избирателя свою точку зрения.

Однако стоит также отметить, что уже в эти годы блоги стали эффективным инструментом коммуникации за счет роста влияния этого канала распространения информации и простоты использования. В 2006 г. пользователи ЖЖ составили около 5,0 % всей активной интернет-аудитории России (246 тыс. человек), т. е. каждый двадцатый пользователь Рунета вел дневник в ЖЖ¹³. При этом в российской блогосфере политблогеры стремились обзавестись «друзьями», связанными с традиционными СМИ для того, чтобы информировать их о тех или иных событиях, слухах, своей позиции по актуальным вопросам. Таким образом, блогосфера становилась «своеобразным придатком» СМИ и рассматривается политтехнологами в качестве эффективного PR-инструмента в период избирательных кампаний¹⁴.

Политические блоги, кроме того, выполняли ряд других функций. Они превратились в своего рода цензоров традиционных медиа. Большая часть контента политических блогов заимствована из СМИ. Однако социальные медиа освещали те истории, которые традиционные медиа предпочитают часто обходить молчанием, руководствуясь иными критериями значимости события¹⁵. Блоги изменили функционирование политических позиций в публичном пространстве. Социальные медиа являлись свободным коммуникативным пространством, где политические дискуссии велись открыто по простым и всем известным правилам, поэтому были более аргументированными, позволяли вывить силу и слабость политической позиции того или иного автора, тем самым срывая «защитные маски» статусов, регалий

¹³ *Горошко О.И., Жигалина Е.А.* Quo Vadis? Политические коммуникации в блогосфере Рунета // *Russian Cyberspace*. 2009. Vol. 1, № 1. С. 81–100.

¹⁴ *Лаврушин Е.* Сетевые властители дум. Через блоги формируется политическая повестка дня // *Интернет-журнал «Новая политика»*. 02.06.2008. [Электрон. дан.] Режим доступа: <http://www.novopol.ru/-setevyie-vlastiteli-dum-text36242.html>

¹⁵ *Горошко О.И., Жигалина Е.А.* Quo Vadis? Политические коммуникации в блогосфере Рунета // *Russian Cyberspace*. 2009. Vol. 1, № 1. С. 81–100.

и должностей¹⁶.

Во второй половине 2000-х годов с точки зрения функционального применения в российской политической блогосфере не происходило глубоких качественных изменений. Как показало исследование, проведенное в 2010 г. Центром Беркмана при Гарвардском университете, который специализируется на изучении влияния Интернета на общество, в российских социальных сетях политические группы были слабо поляризованы. Политически ориентированные блогеры в России предпочитали ссылаться на широкий диапазон независимых источников новостей и информации, чем на правительственные источники новостей. Многие из наиболее политически активных блогеров использовали социальные сети в качестве инструмента наблюдения за правительством и элитой¹⁷. В целом русскоязычная блогосфера оставалась пространством в значительной степени свободным от государственного контроля. Существовавшие на тот момент проправительственные молодежные группы и блогеры были не многочисленны и не являлись центральными узлами в общественно-политических сообществах социальных сетей¹⁸. Тем не менее, зарубежные исследователи обнаружили, что часть русскоязычной блогосферы используется не только для обсуждения политики и критики правительства, но и для мобилизации людей на протестные акции, которые в основном были связаны с защитой экологии, городской архитектуры, социальными вопросами и т. д. Авторы исследования высказали предположение, что, если эта тенденция сохранится и будет создавать проблемы для поддержания политического статуса-кво, то скорее всего стоит ожидать более активного вмешательства государства в сферу сетевой публичной политики. Подобное развитие событий может произойти во время сложной политической борьбы, например, в ходе выборов¹⁹.

Приведенное предположение авторов исследования оказалось верным. Политические события, связанные с большим избирательным циклом 2011–2012 гг. в России, значительно изменили отноше-

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Этлинг Б., Александян К., Келли Д., Фарис Р., Палфри Д. и Гассер У.* Публичный дискурс в российской блогосфере: анализ политики и мобилизации в Рунете // Исследования Центра Беркмана № 2010–11. 19.10.2010. [Электрон. дан.] Режим доступа:

http://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/public_discourse_in_the_russian_blogsphere-russian.pdf

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

ние государства к политической активности в Сети. Вместе с тем важно отметить такую особенность: беспокойство российских властей по поводу влияния социальных сетей на реальные политические процессы стали расти еще раньше, что было вызвано политическими кризисами в ряде зарубежных стран.

Весной — летом 2009 г. в Молдавии, а затем в Иране произошли массовые акции протеста людей, неудовлетворенных результатами выборов, в ходе которых был зафиксирован всплеск популярности социальных сетей среди «ядра» протеста — идеологов и неформальных лидеров групп, составлявших базу оппозиционного движения. Журналисты, характеризуя это явление, ввели в использование понятие «Twitter-революция»²⁰. Позднее более глубокое изучение этих событий показало, что в начале апреля 2009 г. самым популярным методом мобилизации в Молдавии стали флэшмобы, организуемые при помощи SMS-сообщений. Флэшмобы и вирусные кампании также организовывались в социальных сетях — в частности, на популярном в России сайте «Одноклассники». Сервис микроблогов Twitter стал активно использоваться позже и причем практически исключительно для привлечения внешнего внимания — журналистов зарубежных СМИ. Молдавские события показали, что использование социальных сетей позволяет увеличивать значимость не только самих событий, но и роль активистов-блогеров в них²¹. Это происходило за счет запуска своеобразного «информационного бумеранга», когда традиционные СМИ публикуют контент социальных сетей, а их материалы в свою очередь распространяются по сети, тем самым увеличивая аудиторию информационного повода и пролонгируя его актуальность.

В июне 2009 г. после прошедших в Иране президентских выборов был зафиксирован масштабный кризис легитимности политической власти в стране, который привел к массовым беспорядкам и к жертвам среди местного населения. Как и в случае Молдавии, протесты частично координировались при помощи Facebook и Twitter. По оцен-

²⁰ Одним из первых журналистов, который стал использовать термин «твиттер-революция», стал корреспондент газеты «Гардиан» Люк Хардинг. См.: «Moldova forces regain control of parliament after «Twitter revolution» // The Gardian. 08.04.2009. [Электрон. дан.] Режим доступа: <http://www.theguardian.com/world/2009/apr/08/moldova-protest-election-chisinau>.

²¹ Социальные медиа и кризисы политической легитимности. Возможные меры реагирования со стороны властей // Фонд развития гражданского общества. 25.09.2012. [Электрон. дан.] Режим доступа: <http://civilfund.ru/research/13>

кам ряда экспертов, активных пользователей Twitter, принимавших участие в уличных протестах, насчитывалось всего лишь около сотни, а главным инструментом координации стали SMS. Twitter использовался для привлечения внимания международного сообщества — в первую очередь американских СМИ. Отличительной особенностью иранского кризиса стало то, что официальным властям с помощью социальных сетей удалось мобилизовать своих сторонников. По оценкам экспертов, их активность была сравнима по количественным характеристикам с активностью сторонников оппозиции. Кроме того, иранские спецслужбы получили доступ к открытым данным пользователей — участников и организаторов массовых протестов. Поддержка извне, в том числе при помощи инструментов социальных медиа, в конечном итоге была скомпрометирована²².

Общественно-политическая роль социальных сетей стала еще более очевидной в ходе «Арабской весны». В декабре 2010 г. самоожжение тунисского торговца овощами Мохаммеда Буазизи и видео инцидента, распространенное в Сети, послужили началом серии политических кризисов в арабском мире. Практически во всех странах региона — Тунисе, Египте, Сирии, Ливии, Бахрейне, ОАЭ, Алжире и других — наблюдатели выделяли роль глобальных социальных сетей (Twitter, Facebook, Youtube) в организации протестных акций и освещении деятельности протестного движения. Власти этих государств видели в социальных сетях реальную угрозу и пытались блокировать их. При этом по аналогии с Молдавией и Ираном роль традиционных медиа во многом состояла в ретрансляции контента блогосферы и социальных сетей и запуске «информационного бумеранга», увеличивающего общественно-политический резонанс от происшедших событий²³.

В России с 2009 г. в социальных сетях стали публиковаться материалы, которые начали не просто влиять на политическую повестку, а стали одним из главных трендов в политическом дискурсе. Речь идет, в первую очередь, об антикоррупционных публикациях А.А. Навального, которые он размещал в своем блоге в Livejournal. Его материалы активно распространялись по Сети и пересказывались журналистами отечественных и зарубежных общественно-политических изданий, поэтому он быстро стал одним из самых популярных блогеров в Рос-

²² Социальные медиа и кризисы политической легитимности. Возможные меры реагирования со стороны властей // Фонд развития гражданского общества. 25.09.2012. [Электрон. дан.] Режим доступа: <http://civilfund.ru/research/13>

²³ Там же.

сии. В 2011 г. А.А. Навальный, продолжая публиковать скандальные факты, начал вести активную пропагандистскую деятельность, нацеленную на дискредитацию партии «Единая Россия». Ему и его сторонникам при помощи социальных сетей удалось сделать популярным определение «Единая Россия — партия жуликов и воров», которое в последствие стало активно использоваться как пропагандистский лозунг многими оппозиционными партиями в ходе избирательной кампании по выборам депутатов Государственной думы РФ 2011 г. Наряду с этим, используя свой блог, он стал продвигать лозунг «Голосуй за любую другую партию, кроме „Единой России“», который также был подхвачен партиями-конкурентами «Единой России» и, как отмечают наблюдатели, повлиял на политический выбор многих избирателей, т. е. был воспринят как эффективная политическая тактика²⁴.

Выборы в Госдуму 2011 г. стали первой федеральной избирательной кампанией, на которой социальные медиа широко использовались для политической агитации и пропаганды. Наиболее активно в социальных сетях действовали оппозиционные силы, так как для них, в условиях усиления контроля власти над традиционными СМИ, блогосфера стала, по сути, единственным информационным пространством, где можно было свободно вести агитацию и завоевывать популярность у широкой аудитории. По данным Левада-центра, в середине 2011 г. 22,0 % россиян старше 18 лет ежедневно или несколько раз в неделю пользовались онлайн-социальными сетями²⁵. Активная пропаганда в социальных сетях, а также запущенный «эффект бумеранга» оказали непосредственно влияние на результаты выборов. «Партия» власти на этих выборах набрала на 14,76 % меньше, чем в 2007 г. Причем самое существенное снижение у «Единой России» наблюдалось в городах-миллионниках, в которых концентрируются пользователи Интернета и социальных медиа.

Социальные сети сыграли большую роль в организации массовых протестных акций после выборов в Госдуму. Их организация и продвижение велись через социальные сети, дополнительно находя поддержку у немногочисленных независимых и оппозиционных российских новостных сайтов и газет, а также зарубежных СМИ. При этом, как отмечают наблюдатели, зимой 2011 – весной 2012 г. на пространстве Рунета также были использованы сетевые технологии, ра-

²⁴ Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме // Отчет. Левада-центр. М., 2012. С. 7. [Электрон. дан.] Режим доступа: http://www.levada.ru/sites/default/files/levada-elections2011_0.pdf

²⁵ Волков Д., Гончаров С. Российский медиа-ландшафт: телевидение, пресса, Интернет // Доклад. Левада-центр. М., 2014, июнь. С. 1.

нее применявшиеся в арабских странах: мобилизация людей на оппозиционные акции через массовую рассылку приглашений в социальных сетях, скупка развлекательных сообществ с целью превращения их в протестно-политические, рассылка политического спама²⁶.

После протестной волны 2011–2012 гг. онлайн-социальные сети в России стали активно использоваться в общественно-политической деятельности. С их помощью осуществляется коммуникация между политическими активистами, организуются пикеты и митинги, ведутся пропагандистские кампании на выборах, публикуется компромат на политических оппонентов. В свою очередь власти начали вырабатывать подходы по контролю над распространением информации в социальных сетях.

Изучив опыт реакции властей других стран на активность в социальных медиа во время политических кризисов, российские власти, во-первых, стали использовать наиболее действенную меру — предложение альтернативной повестки, которая по замыслу должна частично заместить оппозиционный дискурс в Интернете. Как свидетельствует ряд публикаций в СМИ, были созданы группы агитаторов и пропагандистов для работы в онлайн-социальных сетях. В их задачу входило распространение провластной политической повестки в социальных сетях, что подразумевает пропаганду официальной точки зрения на актуальные события и критику оппозиционных мнений и их лидеров²⁷.

Были приняты законы, которые направлены на установление контроля за лидерами мнений в социальных сетях. С 1 августа 2014 г. начал действовать федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“». Закон обязывает организаторов распространения информации хранить метаданные о действиях пользователей в течение шести месяцев. Кроме того, блогеры, чья ежедневная аудито-

²⁶ Доклад «Рунет сегодня: исследование российского интернета» // Фонд развития гражданского общества. 25.09.2012. [Электрон. дан.] Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/view/1>

²⁷ Куда летят «утки»? // Огонек. 02.07.2012. [Электрон. дан.] Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1966731>

Изображая активность. Как власть спускает миллионы на Твиттер // Русский репортер. 25.03.2013. [Электрон. дан.] Режим доступа: <http://www.rusrep.ru/article/2013/03/25/twitter>

Вскрыта новая «фабрика троллей» — с депутатом Шлегелем во главе // The Insider. 04.08.2014. [Электрон. дан.] Режим доступа: <http://theins.ru/politika/1308/>

рия превышает три тысячи человек, фактически приравниваются к СМИ. Роскомнадзор РФ начал вести реестр сайтов популярных блогеров. Закон также вводит понятие «организатор распространения информации в сети Интернет». Им будет считаться тот, кто обеспечивает функционирование информационных систем и программ для электронных вычислительных машин, используемых для приема, передачи, доставки и обработки электронных сообщений. Организаторы распространения информации должны также обеспечить соблюдение требований к оборудованию, которое должно позволять устанавливать программно-технические средства, предназначенные для оперативно-розыскной деятельности и мер по обеспечению безопасности компетентными госорганами. Тем самым, органы государственной власти получили полномочия по отслеживанию публичной активности популярных блогеров и блокированию их площадок в случае, если разрабатываемая ими информация будет сочтена «противоправной».

Вместе с этим власть пришла к выводу, что регулярный мониторинг и анализ трендов дискуссий, выявление потенциальных конфликтов в социальных сетях является обязательным условием предотвращения кризисных ситуаций. Высшие и региональные органы государственной власти начали приобретать и заказывать разработку систем мониторинга и анализа социальных сетей. Еще до выборов в Государственную думу 2011 г. управление внутренней политики Администрации президента РФ стала использовать систему мониторинга социальных сетей «Призма» компании «Медиалогия»²⁸. Перед выборами 8 сентября 2013 г. Администрация президента, помимо стандартных исследований общественного мнения в регионах, в которых предстояли выборы, начала замерять настроения в Интернете: «по мониторингу социальных сетей определяется настроение населения по отношению к своему губернатору, мэру, лидерам общественного мнения, актуальной повестки». Кроме того, системы мониторинга позволяют заметить ту или иную проблему, обсуждаемую в социальных сетях, до того как о ней начнут сообщать традиционные СМИ²⁹.

²⁸ Близкая к Кремлю организация претендует на мониторинг социальных сетей // Ведомости. 2013. 1 июля. [Электрон. дан.] Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/13676421/poisk-smysla-v-runete#lxzz2d8pwrqqd>

²⁹ «Губернаторы, мэры очень напряженно относятся к результатам исследований» // Российское информационное агентство Ura.ru. 16.07.2013. [Электрон. дан.] Режим доступа: <http://ura.ru/content/svrd/16-07-2013/articles/1036259951.html>

Весной 2014 г. мэрия Москвы заказала разработку системы «управления информационными рисками», которая будет осуществлять поиск информации о работе администрации города и социальных проблемах в СМИ и социальных сетях. По информации изданий, программа будет «собирать» сообщения в режиме реального времени из СМИ, блогов, форумов, социальных сетей Twitter, Facebook и «ВКонтакте». Новое сообщение должно попадать в систему не позднее 10 минут с момента его публикации. Вся информация по отношению к мэрии будет распределяться на позитивную, негативную и нейтральную. Система должна учитывать, сколько изданий перепечатали новость, опубликованную первоисточником, и сколько «лайков» поставлено под ней в соцсетях. В итоге мэрия сможет быстрее выявлять «информационные» риски и быстрее на них реагировать, распространяя свои комментарии или опровержения. Основными пользователями программы, по информации СМИ, должны стать мэр, его заместители, руководители управлений и департаментов, префекты и руководители всех пресс-служб мэрии³⁰.

Перечисленные инициативы направлены на повышение оперативности реагирования властей на распространение антиправительственной агитации и пропаганды в социальных сетях, а также на предотвращение мобилизации с их помощью людей на массовые акции протеста. Кроме того социальные сети рассматриваются как пространство, в которых граждане обсуждают социально значимые проблемы, дают оценку работе органов власти и публикуют свое мнения по тем или иным актуальным событиям. Поэтому систематический мониторинг социальных сетей позволяет дополнительно диагностировать настроение общественного мнения и определять информационные риски, которые не отражаются в материалах СМИ.

Кроме того власти озабочены и теми возможностями, которые предоставляют глобальные социальные сети (Twitter, Facebook, Youtube) для внешнеполитического влияния на аудиторию Рунета. Постоянно говорит об Интернете как о «внешнеполитическом оружии» генеральный секретарь Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) Н.Н. Бордюжа. В декабре 2010 г. после прошедших массовых беспорядков на Манежной площади Москве он заявил: «Мы сегодня стоим перед реальным фактом, что Интернет и другие информационные ресурсы используются для того, чтобы поднять некоторые слои населения, а некоторые, наоборот, успокоить

³⁰ Мэрия будет считать «лайки» в соцсетях // Известия. 04.04.2014. [Электрон. дан.] Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/568595#ixzz37WvU435G>

для того, чтобы они не вмешивались в ту или иную ситуацию. И тем самым, может быть, дестабилизировать ситуацию, может быть, ее изменить каким-то образом. Поэтому все эти обстоятельства нас беспокоят»³¹. По его словам, большую роль Интернет сыграл в организации массовых беспорядков в Молдавии, Иране, Украине и Киргизии³².

В 2013 г. Н.Н. Бордюжа привел информацию о создающейся в США инфраструктуре для ведения «битв» в пространстве социальных сетей. По его данным, Объединенное Центральное командование США закупило специальное программное обеспечение у американской компании Ntrepid для ведения информационной борьбы в блогах. С помощью данного программного обеспечения под контролем проводящих информационные операции военных специалистов будет находиться значительное число виртуальных псевдоличностей, которые по всем внешним признакам будут казаться обычными пользователями из разных стран. При этом каждый специалист сможет одновременно управлять десятками такого рода виртуальных персонажей. По мнению генерального секретаря ОДКБ, подобные технологии позволяют осуществлять полномасштабное информационное воздействие в случае, если государство-противник не обладает достаточно разнообразным арсеналом средств защиты от информационного вторжения. Приведённые генеральным секретарем ОДКБ сведения не являются секретными. Газеты «Гардиан» и «Нью-Йорк таймс» публиковали статьи о финансировании спецслужбами США разработки технологии управления общественным мнением сетевых сообществ³³.

³¹ Бордюжа сравнил интернет с оружием, имея в виду беспорядки в Москве и Минске // Интерфакс. 21.12.2010. [Электрон. дан.] Режим доступа: <http://www.interfax.by/news/belarus/1085142>

³² Бордюжа сравнил Интернет с оружием, имея в виду беспорядки в Москве и Минске // «Интерфакс». 21.12.2010. [Электрон. дан.] Режим доступа: <http://www.interfax.by/news/belarus/1085142>

³³ Revealed: US spy operation that manipulates social media // The Guardian. 17.03.2011. [Электрон. дан.] Режим доступа: <http://www.theguardian.com/technology/2011/mar/17/us-spy-operation-social-networks>

Nato set to ratify pledge on joint defense in case of major cyberattack // The New York Times. 3.08.2014. [Электрон. дан.] Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2014/09/01/world/europe/nato-set-to-ratify-pledge-on-joint-defense-in-case-of-major-cyberattack.html>

Вооруженные силы США разрабатывают новую программу, которая позволит им манипулировать информационными ресурсами по своему усмотрению // Информационно-аналитическое агентство «Час пик». 17.04.2011. [Электрон. дан.] Режим доступа: <http://www.chaspik.info/bodynews/7722/1.htm>

В связи с раскручиванием очередного витка противостояния между Россией и США в 2014 г. беспокойство по поводу использования Интернета для внешнеполитического влияния стало звучать на высшем политическом уровне. В апреле 2014 г. на медиафоруме в Санкт-Петербурге президент РФ В.В. Путин, отвечая на один из вопросов, сказал, что Интернет возник «как спецпроект ЦРУ США, так и развивается», выразив тем самым свое недоверие по поводу независимости и безопасности глобальной Сети³⁴. В октябре 2014 г. министр связи и массовых коммуникаций Н.А. Никифоров на конференции Международного союза электросвязи заявил, что, проникая в жизнь людей, Интернет «не только открывает новые возможности, но и делает мир все более уязвимым». Причем «речь идет не только о вмешательстве в частную жизнь людей», а о «дестабилизации политической ситуации в целых регионах». Н.А. Никифоров предложил представителям всех стран обсудить сложившуюся ситуацию в рамках ООН и изменить ее так, чтобы государства обрели «суверенитет в Интернете»³⁵.

Вопрос защиты Рунета от возможных атак извне обсуждался в начале октября 2014 г. на заседании Совета безопасности России. Помощник президента РФ И.О. Щеголев доложил президенту России В.В. Путину о результатах летних учений, целью которых было выяснить, насколько устойчив российский сегмент Интернета к внешним воздействиям. Учения показали, что Рунет скорее неустойчив. В специальном интервью по этому вопросу И.О. Щеголев объяснил причину: «Ключевые элементы Интернета находятся за пределами России и не управляются нами». Он указал на то, что присвоение Интернет-имен и адресов происходит по правилам организации ICANN, а «она не только является юридическим лицом, созданным по законодательству США, но и [...] контролируется министерством торговли этой страны». В результате доступ к любому сайту может быть заблокирован на любом этапе. «В конечном счете Рунет может быть заблокирован целиком», – резюмировал И.О. Щеголев и призвал создать в России «ключевую инфраструктуру Интернета», включая национальные корневые серверы и национальную систему маршрутно-адресной информации, а также передать управление Интернетом международному сообще-

³⁴ Медведев поправил версию Путина о том, что интернет — это проект ЦРУ // Ведомости. 2014. 20 мая.

³⁵ Россия потребовала для каждой страны права управлять интернетом на своей территории // Ведомости. 21.10.2014 [Электрон. дан.] Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/34996261/rossii-nuzhen-svoji-internet#ixzz3GkSUDtcF>

ству, разработав конвенцию, которая регулировала бы отношения в этой сфере³⁶. Эти заявления свидетельствуют о том, что правительство РФ начало выработку новых форм и методов обеспечения информационной безопасности страны, которые призваны усилить контроль со стороны органов государственной власти над российским сегментом Интернета.

Таким образом, в «политической истории» развития онлайн-социальных сетей в России можно выделить два этапа. Первый – 2005–2010 гг., когда начался процесс политизации онлайн-социальных сетей. В эти годы российская блогосфера в целом оставалась пространством, свободным от государственного контроля, социальные сети, формируя новое коммуникационное пространство, помогали увеличивать влияние общественных организаций, отдельных гражданских активистов и политиков.

Второй этап начался с 2011 г., когда социальные сети стали активно использоваться участниками избирательного процесса для политической пропаганды и агитации, а также организации массовых политических акций, что заставило органы государственной власти предпринять шаги, направленные на адаптацию государственной информационной политики к условиям, которые создали социальные медиа. Началось складывание системы правового и информационного контроля за распространением общественно-политического контента в Рунете, усилилось информационное влияние провластных групп в социальных сетях. Заявления руководителей информационной отрасли России в 2014 г. показали, что руководство страны опасается внешнеполитического влияния через Интернет и хочет добиться «суверенизации» российской Интернет-инфраструктуры, уменьшив ее зависимость от США и повысив контроль над ней со стороны национальных государственных органов.

Тенденция к увеличению влияния государственных структур на распространение информации в Рунете в ответ на возросшие риски использования социальных медиа в качестве способа организации массовых антиправительственных акций и инструмента внешнеполитического давления, требуют системных теоретических и прикладных исследований общественно-политического феномена блогосферы. Несмотря на то, что у специалистов общепризнанным стало мнение о

³⁶ И. Щеголев: «Учения подтвердили недостаточную устойчивость рунета при недружественных «целенаправленных действиях» // Экспертный центр электронного государства (сайт). 17.10.2014. [Электрон. дан.]. Режим доступа: <http://d-russia.ru/ucheniya-podtvrdili-nedostatochnuyu-ustojchivost-runeta-pri-nedruzhestvennyx-celenapravlennyx-dejstviyax.html>

том, что социальные сети являются инструментом информационного влияния, управления и противоборства³⁷, очень мало объективных данных о качественном уровне этого влияния и эффективности социальных сетей по сравнению с другими каналами распространения политической информации. В результате в определении общественно-политической роли блогосферы остается большое пространство для тенденциозных оценок, политической мифологии и необъективных выводов, которые в том числе создают возможности для манипуляции и могут привести к принятию ошибочных политических решений.

В настоящее время в России только стали появляться небольшие группы исследователей этой проблематики, в частности, в Институте проблем управления РАН, тогда как в США исследования влияния социальных сетей на общество ведутся во многих университетах с активным применением междисциплинарного подхода, организовано сотрудничество между владельцами глобальных Интернет-сервисов и учеными, благодаря которому последние получают не выборочные данные, а полный архив публичной информации социальных сетей — например, микроблога «Твиттер» — и финансирование на его изучение³⁸, что позволит американским исследователям за короткий срок значительно продвинуться в раскрытии феномена социальных сетей.

Наконец, анализ сформулированной в заголовке статьи проблемы ставит ряд серьезных вопросов перед исторической наукой. Интернетизация современной политики является новым вызовом для историков, занимающихся изучением новейшего времени. Мы столкнулись с ситуацией, когда значительная, если не большая часть источников находится в Сети. Можно с уверенностью говорить о том, что история XXI века будет написана в результате анализа источников, опубликованных в Интернете.

Наряду с тем, что невероятно информационно насыщенным пространством стали социальные медиа, в России и во многих других странах запущены проекты по развитию «электронного правительства», в рамках которых органы государственной и муниципальной власти обнародуют большое количество информации, ранее предназначавшейся для внутреннего использования. Созданы полные базы нормативно-правовой информации с квалифицированными обзорами

³⁷ Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартшвили А.Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М., 2010.

³⁸ Twitter нанял ученых для исследования своих текстовых архивов // Интернет-журнал Qwrt.ru. 17.10.2014 [Электрон. дан.] Режим доступа: <http://www.qwrt.ru/news/2630>

судебной практики. Практически все СМИ «оцифровались», в том числе перенесены архивы своих номеров в Сеть. Распространённой практикой стала публикация онлайн-версий книг, которые содержат важные для историков сведения (воспоминания политиков и общественных деятелей, практические пособия, обобщения личного опыта).

Онлайн-версии исторических источников не спишут за ненужностью прежние, доказавшие свою эвристическую ценность и надёжность источниковедческие методы, так как не меняют сути происхождения и предназначения источников, однако требуют освоения новых методов и технологий работы с огромными массивами онлайнданных. С точки зрения историка, Интернет представляет собой с огромной скоростью хаотично формирующийся архив текстовых, фото-, аудио- и видео источников, для работы с которыми (в виду отсутствия привычных описей и архивных работников) необходимо использовать современные информационно-аналитические системы, осуществляющие мониторинг, систематизацию и хранение информации органов государственной власти, СМИ, социальных сетей и других Интернет-ресурсов. Умелое применение этих систем позволит не только сэкономить время на поиск нужной информации, но и более объективно понять тенденции, происходившие в общественно-политической сфере, поскольку эти программно-аппаратные комплексы построены так, что хранят практически всю значимую информацию по той или иной отрасли.

Литература

1. *Быков И.А.* Интернет как средство политической коммуникации: анализ российского опыта. Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2005.
2. *Волков Д., Гончаров С.* Российский медиа-ландшафт: телевидение, пресса, Интернет // Доклад. Левада-центр. М., 2014, июнь.
3. *Волков Л., Крашенников Ф.* Облачная демократия. Екатеринбург, 2011.
4. *Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартшвили А.Г.* Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М., 2010.
5. *Мирошниченко И.В.* Социальные сети в российской публичной политике. Автореф. дисс. ... доктора полит. наук. М., 2013.
6. *Прохорова Н.С.* Социокультурные аспекты феномена виртуальной реальности в русской сети Интернет. Дисс. ... канд. соц. наук. М., 2005.
7. *Раскладкина М.К.* Интернет как средство организации информационно-политического пространства России. Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2006.
8. Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме // Отчет. Левада-центр. М., 2012.
9. *Чугунов А.В.* Политика и Интернет: политическая коммуникация в условиях развития современных информационных технологий. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2000.

10. *Шеремет А.Н.* Интернет как средство массовой коммуникации: социологический анализ. Дисс... канд. соц. наук. Екатеринбург, 2003.
11. *Этлинг Б., Алексанян К., Келли Д., Фарис Р., Палфри Д. и Гассер У.* Публичный дискурс в российской блогосфере: анализ политики и мобилизации в Рунете // Исследования Центра Беркмана, № 2010–11. 19.10.2010.
12. *Greenwald G.* No Place to Hide: Edward Snowden, the NSA, and the U.S. Surveillance State. London, 2014;
13. *Harding L.* The Snowden Files: The Inside Story of the World's Most Wanted Man. New York, 2014.
14. *Wael Ghonim.* Revolution 2.0: The Power of the People Is Greater Than the People in Power. New York, 2012.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВМФ — Военно-морской флот
ВОКом — военно-окружной комитет
ВПК — военно-промышленный комитет
ВСГ — Всероссийский союз городов
ВСП — Временное Сибирское правительство
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
ГААК — Государственный архив Алтайского края
ГАИО — Государственный архив Иркутской области
ГАКК — Государственный архив Красноярского края
ГАНО — Государственный архив Новосибирской области
ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тюменской области
ГАТО — Государственный архив Томской области
ГАЧО — Государственный архив Читинской области
ГИАОО — Государственный исторический архив Омской области
ГНЦ — Государственный научный центр
ГУВУЗ — Главное управление военно-учебных заведений
ЗСК — Западно-Сибирский комиссариат
ИАОО — Исторический архив Омской области
КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
МВД — Министерство внутренних дел
НАРБ — Национальный архив Республики Бурятия
НИИ — Научно-исследовательский институт
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
РАМН — Российская академия медицинских наук
РАН — Российская академия наук
РВСН — Ракетные войска стратегического назначения
РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории
РГВА — Российский государственный военный архив
РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия
СТА — Сибирское телеграфное агентство
ФНПЦ — Федеральный научно-производственный центр
ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ
ЦГАРТ — Центральный государственный архив Республики Тува
ЦДНИТО — Центр документации новейшей истории Томской области
ЦК — Центральный комитет
ЦХИДНИКК — Центр хранения исторической документации новейшей истории Красноярского края
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ

ОБ АВТОРАХ

Гончаров Юрий Михайлович, д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, с.н.с. Лаборатории истории освоения Сибири Тобольской комплексной научной станции УрО РАН.

Email: yuriig@yandex.ru

Журавлев Вадим Викторович, канд. ист. наук, н.с. Института истории, доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета.

Email: vvzh@mail.ru

Конев Кирилл Александрович, магистрант Исторического факультета Томского государственного университета.

Email: konev-k-92@ Rambler.ru

Коновалов Александр Борисович, д-р ист. наук, профессор кафедры политических наук Кемеровского государственного университета.

Котляров Максим Васильевич, канд. ист. наук, заместитель начальника аналитического отдела информационно-аналитического управления Администрации губернатора и правительства Новосибирской области.

Пивоваров Никита Юрьевич, канд. ист. наук, ведущий специалист Российского государственного архива новейшей истории.

Email: pivovarov.hist@gmail.com

Рынков Вадим Маркович, канд. ист. наук, с.н.с. Института истории СО РАН, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета.

Савицкий Иван Михайлович, д-р ист. наук, г.н.с. Институт истории СО РАН.

Симонов Дмитрий Геннадьевич, канд. ист. наук, с.н.с. Института истории СО РАН, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета.

Email: simonov_dg@mail.ru

Стонт Максим Анатольевич, аспирант Института истории СО РАН.
Email: m.stont@gmail.com

Шевелев Дмитрий Николаевич, д-р ист. наук, доцент Томского государственного университета.
Email: shev-dn@yandex.ru

Шереметьева Дарья Леонидовна, канд. ист. наук, м.н.с. Института истории СО РАН.
Email: dalas83@yandex.ru

Шулдяков Владимир Александрович, канд. ист. наук, доцент, профессор Омского экономического института.
Email: shuldyakov2007@yandex.ru

SUMMARY

Power and Society in Siberia in the 20th century. Collection of scientific articles. Issue 5 / Science Editor V.I. Shishkin. Novosibirsk, Parallel, 2014. 235 p.

Articles of the collection are written to cover broad thematic and chronological range.

In general, they are characterized as pioneer in topics to be considered or in approach to the problems to be analyzed. Among the main articles are those about the First Siberian Cadet Corps, the impact of the rocket and space complex on the environmental setting in Western Siberia, the intra-apparatus relationships in Siberian regional committees of the CPSU during Perestroika period, the electoral activity of Western Siberian population in the 1990s, the political influence on information dissemination in online social networks. The second group of articles devoted to the Siberian society and cooperation, the printed media and the officers corpus of counterrevolution militias during the Civil War, which issues have been already discussed in the native historiography, considers the said issues in terms of political adaptation. Through the publication of the collection of articles, the dual task is solved: the source base of historical studies is expanded and its additional informational opportunities are revealed; furthermore, new opinions and pioneer conclusions are offered.

The collection of articles is intended for research scientists, university and college professors, postgraduates, and students in history.

Russia, Siberia, power, society, political history, political adaptation, revolution, counterrevolution, Civil War, Perestroika.

Goncharov, Y.M. The Attitude of the Local Society and Local Authorities to the Jewish Communities of Siberia in the 19th–Early 20th Century

The article deals with the relation to the Jewish communities of Siberia with the local administration and local society of the 19th — beginning of the 20th century in the context of socio-economic and socio-cultural specificities of the region's development.

Keywords: Siberia, the history of the Jewish community, society, government, administration

Pivovarov, N.Yu. Cooperation as a Tool of Political Adaptation of Siberian Peasantry in the Early 20th Century

The article is devoted to analysis of participation and role of cooperation in political adaptation of Siberian peasantry, based on the large amount of factual materials. Selection of cooperation as a subject of research was due to the fact that in

the early 20th century it became the most popular economic and business institute in Siberian village. Above all, owing to cooperation the peasantry got the unique opportunity to accommodate to the new economic realities. However, as Russia entered in the World War I and particularly after the February Revolution, cooperation has rapidly expanded its tasks and functions, having undertaken the commitment firstly of cultural and then of political enlightenment of population. Thanks largely to cooperation, the peasantry received information on current news in the country and in Siberia and became the active party to political life. During the Revolution and the Civil War, cooperation contributed to the reduction of the political split in Siberian village. However, the support of anti-Bolshevik governments by the majority of Siberian cooperation leaders, on the one hand, and the outright anti-democratic nature of counterrevolutionary regimes established by these governments, on the other hand, aroused mistrust among the rank-and-file members of cooperation in it as in the tool of political adaptation.

Keywords: Siberia, World War I, Revolution 1917, Civil War, peasantry, cooperation, political adaptation.

Rynkov, V.M. Siberian Society During the First World War: Institutions, Instruments, Individual Forms and Strategies of Political Adaptation

The subject of the study is political adaptation of Siberian people to World War I conditions. The author considers increase of special institutions aimed to society mobilization and appearance of public organizations, included in the system of economy mobilization to be a peculiarity of institutional environment. The instruments of political adaptation were statutory regulations, ideological influence by means of mass media, and political violence. Political control played a critical part, but its traditional methods were not effective enough. The article also deals with such forms of adaptation as patriotic movement, charity, verbal and written requests to authorities, and forms of maladaptive behavior as well, such as evasion of military service, bashings, illegal opposition activity. The analysis of the range of individual strategies shows that the passive adaptable majority did not influence political life so much as some social groups, such as soldier's wives and political exiles did. Their adaptation strategy included different forms of putting pressure on authorities.

Keywords: World War I, political adaptation, maladaptation, patriotism, mobilization, evasion of military service, public organizations, charity, political protest

Shuldyakov, V.A. The political history of the 1st Siberian Emperor Alexander I Cadet Corps of the Revolution and the Civil War (1917–1922)

The article is devoted to political aspects and periodization of the history of the oldest military school in Siberia a pivotal era. The characteristics and the most important events of each of the ten periods. The evolution of political moods of major groups of personnel. For six years corps survived three reform and two counter-reforms. During all reforms directorship, officers and teachers of the corps of the political neutrality. Counterreform found by them active support. Due to the bolshevik coup conservatives (officers) and liberals, democrats (civilian instructors) with-

in the housing rallied, and in 1918–1922 years they, along with the cadets unanimously sided with the white regimes, regularly supplying graduates to military schools. In aggressive environments, adults and children have demonstrated a close spike due to their social, cultural, spiritual intimacy. Informal relations only reinforce discipline and resistance cadet revolutionary transformations.

Keywords: Revolution, Civil War, military education, cadet corps, the political moods, Omsk, Siberia, Far East Russia.

Simonov, D.G. Adaptation of the Officers Corpus of Anti-Bolshevik Militias in Eastern Russia to the Conditions of the Civil War (Mid 1918–Early 1920)

The article is devoted to the problem of adaptation of the officers corpus of anti-Bolshevik militias in Eastern Russia to the conditions of the Civil War. The study concludes that the majority of the officers, veterans of the World War I, could not fully adapt to the conditions of the “internal”, Civil War. As a consequence, military forces of the counterrevolution, fighting against the Red Army, appeared for the most part to be morally weak and incapable to apply their energy to self-organization and to combat activities.

Keywords: Civil War, anti-Bolshevik militias, generals, officers, political adaptation.

Shevelev, D.N. Information and Propagandistic Institutions of Provisional Siberian Government (End of May–Beginning of November 1918): From Concept to Reality

The article is about the initial (end of May — beginning of November, 1918) stage of the development of the government information and political propaganda institutions of white Siberia. The SRs, who played the key role in the forming power structures in Siberia at that time and also had a great experience in propaganda work, actively began the ideological mobilization of society to fight the Bolsheviks. That mobilization provided some adjustments of political attitudes of the population. In the first half of June 1918 were created the first institutions, whose tasks were to inform the government and conduct the political propaganda, they were: the Government information bureau and the Department of the formation of voluntary national army. Later the formation of informative institutions in the Siberian army began. The object of the study is to reveal the basic tendencies of formation and development of government staff of information and political propaganda in this period. The article analyzes the projects of creation of government information and propagandistic institutions, their structural, organizational and functional transformation. The author concludes that the political administration of white Siberia considered government information service as «a kind of resonator transmitting news equal from top to bottom and back». The main structural elements of this scheme were the government information bureau, which on the one hand, informed the public about the government activity and on the other — supplied the government, concerned ministries and departments with the information about local situation, and the telegraph agency. The government institutions achieved certain results

in organizing «right» information: in the cities of eastern Russia (from Yekaterinburg to Yakutsk and Vladivostok) was formed a network of correspondents of Siberian telegraph agency, and the publication of «Siberian bulletin» had began. Information bureau collected and analyzed the periodical press materials, supplied concerned ministries and departments with the information about local situation. However, the impact of this information on the making of decisions was minimal. The organization at the state level of political propaganda was much worse. In general, information organs of white Siberia acted on their own and did not represent a uniform system, the scale of their propagandistic work was small, and the influence on the local level was rather limited.

Keywords: Siberia, Civil War, white movement, Provisional Siberian government, political propaganda.

Zhuravlev, V.V. V.A. Ryazanovsky's Review of the State Power Legislation in Siberia as a Source on the History of Political Adaptation to Counterrevolutionary Regimes

The article deals with the review of legislation of the West Siberian Commissariat, Provisional Siberian, Provisional All-Russian and Russian Governments, written in 1919 by the well-known legal expert, V.A. Ryazanovsky, in the context of political adaptation conception. The study concludes that the main tasks of the text were to adapt the collective consciousness to the actual political reality and to ensure accommodation of the power supportive social groups to the realia of the counterrevolutionary dictatorship political regime. This text was intended to make a transforming impact on their values.

Keywords: Civil War, political adaptation, social manipulation, legal studies, legislation, ideology, dictatorship, counterrevolution, Kolchak, Siberia.

Sheremetyeva, D.L. Newspapers as a Source for the Study of Political Adaptation of Siberian Population During the Civil War.

The article deals with the newspaper periodicals in the anti-Bolshevik-controlled authorities in Siberia from June 1918 to December 1919. It determined the preservation and completeness of the press as a historical source, traced the quantitative and qualitative changes in the "landscape" of periodicals. Newspapers are considered as subject, tool and space of population's adaptation of the province. As a result, we found that the periodical press was a perspective, with signs of completeness and reliability source for the study of political adaptation of individuals, groups, organizations and institutions, who published newspapers in Siberia during the Civil War.

Keywords: Civil War, newspapers, adaptation, political parties, public organizations, Siberia.

Konev, K.A. The Image of Allies in the Periodical Press of Eastern Russia (Based on Newspaper Satire of 1918–1919)

The interaction of the anti-Bolshevist's governments of Eastern Russia and the Allies — one of the key subjects in the Siberian and Far East periodical press in the

period of the Civil War. Numerous newspaper publications of different genres, highlighting various aspects of this problem, formed a complex dynamic and multidimensional construction. The purpose of this article is to define the role of satirical newspaper genres (feuilleton) in the process of formation of image of the Allies in the Siberian and Far Eastern press. The analysis of feuilletons touched on the theme of relations of Russia and the Allies, will allow not only partly reconstructing the subject-matter of image of the Allies in the press, but also tracing the peculiarities of the process of forming of public opinion in Siberia during the Russian Civil War. The feuilleton genre which was actively used in a press of the considered period allowed to effectively create an image of the enemy, to deride political opponents, to criticize the sins of society. Originally positive image of the Allies in the press gradually acquired more and more negative lines. The disappointment of the White Movement's Heads and of the Far Eastern population with the policy of the Allies and with the behavior of interventionist's troops was the reason for it. The feuilleton genre allowed to express the dissatisfaction with the Allies. The image of the Allies presented in newspaper feuilletons of White Siberia involved all the negative aspects associated with their activities towards Russia. The analysis of the feuilletons' texts affords ground for bringing to light what, mainly, dissatisfied the Siberian public in reference to the Allies. Feuilletons, on the one hand, presented an expressed in literary, satirical form dissatisfaction of society with interventionists' activities and, on the other hand, served as a means of strengthening of this discontent.

Keywords: Civil War in Russia, Siberia, Far East, the Allies, the intervention, the periodicals, the propaganda image, the feuilleton, the public opinion.

Zhuravlev, V.V., Simonov D.G. Revisiting the Ranks in Organizational Structures of Anti-Bolshevik Regimes in Eastern Russia During the Civil War (1918–1920)

The article deals with the ranks in organizational structures of anti-Bolshevik regimes in Eastern Russia during the Civil War. The study concludes that there were several different trends in terms of the ranks. In general, the continuity with the policy of the Provisional Government was observed, which maximally simplified the pre-revolutionary ranking system. Along with that, the most neutral, ideologically "colorless" terms were used as duty titles. With respect to persons holding the highest public positions and to general officers, the modes of address used in Imperial Russia were *de facto* reinstated. Finally, the regeneration of archaic rank forms of the pre-imperial period of Russian history is noteworthy. The ranks used did not manage to form the unified system, being the eclectic combination of revolutionary innovations and pre-revolutionary traditions.

Keywords: Revolution, Civil War, army, ranks, atamans.

Savitsky, I.M. Environmental Consequences of Rocketry Testing in Western Siberia (the Second Half of 1950s–the First Half of 2000s)

The article is devoted to the rocketry testing, production of fuel components at the chemical plants, and activities of rocket troops, including utilization of obsolete equipment. Due to the fact that the Baikonur and Plesetsk space launch facilities

are located in the territories adjacent to Western Siberia, the flight paths were directed eastwards, the second-stage rockets fell in this region and contaminated the area with toxic fuel components. As a consequence, population got large doses of heptyl and other substances, which led to various fatal diseases.

Keywords: Rocketry, firing ranges, military troops, plants, rocket stages, impact zones, liquid fuel, heptyl, amy, body damage, population diseases.

Kononov, A.B. Intra-Apparatus Relationships in Siberian Regional Committees of the CPSU in the Context of Institutional Reforms of the Late 1980s–Early 1990s

The article is devoted by the relations between workers of the regional committees of the CPSU, under the institutional reforms of the late 1980s - early 1990s. The focus is on the changing role and functions of the party apparatus, the ratio of party workers to the abolition of sectoral departments of Party committees, functionaries adaptation to the new socio-political conditions.

Keywords: Apparatus of the Communist Party; party elite, institutional reforms of the late 1980s–early 1990s

Stont, M.A. Electoral Activity of Western Siberian Population in the 1990s

The article is devoted to the specific of Western Siberia population participation in federal and regional elections and referendums in 1990s. Factors have been influencing on electoral activity of citizens and trends in turnout alteration were considered.

Electoral activity in Western Siberia was held in line of national trends. Key factor had been determining turnout in 1990s was urbanization level of regions; rural people were especially active in elections. Also inverse correlation electoral activity level and level of social wealth was observed. The population of regions with a high proportion of pensioners was more active in voting.

High turnout often correlated with the voting in favor of opposition. Significant decrease of electoral activity to the elections in 1993 and certain increase to the electoral circle of 1995-1996 were noted. Oscillations of turnout were especially noticeable in middle regions on the basis of social-economic development. A strong division of turnout level depending on level of voting (national, regional), its purpose (referendum, election to the office) and branch of government had been forming by election. Presidential elections were the most popular; the least quantity of citizens participated in elections in regional government bodies.

Keywords: Elections, referendums, turnout, electoral activity.

Kotlyarov, M.V. “Best Friend” or “Big Brother”? Political Influence on Information Dissemination in Online Social Networks

The author focuses on the role of social networking services in the political processes in Russia. The article analyses the evolution of blogosphere. Originally politicians and activists used blogosphere as only for communicate with their supporters and express opinions about current events. But eventually social media be-

came very popular and significant tool of political influence both in Russia and abroad. As a result, the position of the Russian Government changed and it seeks to control online content. The Government's information policy toward social media includes systematically monitoring of blogosphere, intensification of the pro-government groups and empowerment of the Government's organs to block of social website.

Keywords: Information policy, The Internet, Blog, Social network.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ю.М. Гончаров.</i> Отношение местного общества и местных властей к еврейским общинам Сибири XIX — начала XX в.	3
<i>Н.Ю. Пивоваров.</i> Кооперация как инструмент политической адаптации крестьянства Сибири в начале XX в.	12
<i>В.М. Рынков.</i> Сибирское общество в годы Первой мировой войны: институты, инструменты, формы и индивидуальные стратегии политической адаптации	21
<i>В.А. Шулдяков.</i> Политическая история 1-го Сибирского императора Александра I кадетского корпуса эпохи революции и гражданской войны (1917–1922 гг.).....	42
<i>Д.Н. Шевелев.</i> Информационные и пропагандистские учреждения Временного Сибирского правительства (конец мая — начало ноября 1918 г.): от замыслов к воплощению.....	71
<i>Д.Г. Симонов.</i> Адаптация офицерского корпуса антибольшевистских вооруженных формирований востока России к условиям гражданской войны (середина 1918 — начало 1920 г.).....	86
<i>Д.Л. Шереметьева.</i> Газеты как источник изучения политической адаптации населения Сибири в условиях гражданской войны.....	103
<i>В.В. Журавлев.</i> «Обзор законодательной деятельности государственной власти в Сибири» В.А. Рязановского как источник по истории политической адаптации к контрреволюционным режимам	113
<i>В.В. Журавлев, Д.Г. Симонов.</i> К вопросу о титулованиях в организационных структурах антибольшевистских режимов востока России в период гражданской войны	131
<i>К.А. Конев.</i> Образ союзников в периодической печати востока России (по материалам газетной сатиры 1918–1919 гг.).....	142
<i>И.М. Савицкий.</i> Экологические последствия испытаний ракетной техники в Западной Сибири (вторая половина 1950-х — первая половина 2000-х годов).....	153

<i>А.Б. Коновалов.</i> Внутриаппаратные взаимоотношения в сибирских региональных комитетах КПСС в контексте институционального реформирования конца 1980-х — начала 1990-х годов.....	170
<i>М.А. Стонт.</i> Электоральная активность населения Западной Сибири в 1990-е годы.....	188
<i>М.В. Котляров.</i> «Лучший Друг» или «Большой Брат»? Политическое влияние на распространение информации в онлайн-социальных сетях.....	205
Список сокращений	223
Об авторах	224
Summary.....	226
Содержание.....	233

Научное издание

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СИБИРИ
В XX ВЕКЕ**

Сборник научных статей

Выпуск 5

Компьютерная верстка:
В.В. Журавлев

Подписано в печать: 14.11.2014
Формат: 60x84¹/₁₆.
Гарнитура: Cambria.
Уч.-изд. л. 13,2. Усл. печ. л. 14,7.
Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Параллель»,
630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1, тел. (383) 330-26-98